
РАББИ АВРААМ АБУЛАФИЯ

אור השכל

Ор а-Сехель
Свет интеллекта

ГМАР ТИККУН

אור השכל

Ор а-Сехель

Свет интеллекта

Рабби Авраам Абулафия

ПЕРЕВОД: ПРОЕКТ «ГМАР ТИККУН»

Оглавление

Предисловие автора	5
Часть 1: Ограждающий проломы	11
Раздел 1 — часть алеф (א), знак алеф (א): ограждение всякого пролома	11
Раздел 2 — часть бэт (ב), знак бэт (ב): суть пользы ограды	13
Раздел 3 — часть гимель (ג), знак рэйш (ך): необходимость существования пользы	14
Раздел 4 — часть далет (ד), знак хэй (ה): смысл полезной необходимости	16
Раздел 5 — часть хэй (ה), знак мэм (מ): ущерб от отсутствия ограды	17
Часть 2: Включающий заповеди	20
Раздел 1 — часть вав (ו), знак самэх (ס): все заповеди	20
Раздел 2 — часть зайн (ז), знак пэй (פ): суть пользы заповедей	25
Раздел 3 — часть хэт (ח), знак рэйш (ך): необходимость существования пользы заповеди	25
Раздел 4 — часть тэт (ט), знак далет (ד): смысл необходимости заповеди и ее пользы в целом	26
Раздел 5 — часть йод (י), знак йод (י): ущерб от отсутствия заповеди	26
Часть 3: Тайна святого языка	28
Раздел 1 — часть каф (כ), знак бэт (ב): тайны языков	28
Раздел 2 — часть ламэд (ל), знак нун (נ): тайна языка, избранного из всех языков	33
Часть 4: Тайна букв творения	36
Раздел 1 — часть мэм (מ), знак шин (ש): сотворение человека	36
Раздел 2 — часть нун (נ), знак мэм (מ): 22 буквы	43
Раздел 3 — часть самэх (ס), знак вав (ו): их разделение	46
Раздел 4 — часть айн (א), знак алеф (א): все числа	47
Раздел 5 — часть пэй (פ), знак ламэд (ל): равное разделение	49
Часть 5: Тройственность речи	55
Раздел 1 — часть цади (צ), знак алеф (א): тайна имен	55
Раздел 2 — часть куф (ק), знак бэт (ב): вопрос о действиях	58
Раздел 3 — часть рэйш (ך), знак вав (ו): пути служебных слов	64
Часть 6: Единство Имени	66
Раздел 1 — часть шин (ש), знак алеф (א): буквы Единого Имени	66
Раздел 2 — часть тав (ת), знак ламэд (ל): указание букв Имени	70
Часть 7: Обращение букв	81
Раздел 1 — часть тав (ת), знак айн (א): сочетание букв	81
Раздел 2 — часть шин (ש), знак пэй (פ): замена букв	83
Раздел 3 — часть рэйш (ך), знак йод (י): соразмерность букв	84
Раздел 4 — часть куф (ק), знак алеф (א): гематрия и подобные ей	84

Часть 8: Тайна произношения Имени	86
Раздел 1 — часть хэй (ḥ), знак зайн (ṣ): произнесение Имени с его огласовками	86
Раздел 2 — часть вав (ḡ), знак каф (ḥ): тайны огласовок	89
Раздел 3 — часть хэй (ḥ), знак рэйш (ṣ): соединение буквы с огласовкой	95
Часть 9: Тайна связывания и развязывания	99
Раздел 1 — часть вав (ḡ), знак цади (ṣ): связывание всех сил с Именем	99
Раздел 2 — часть хэй (ḥ), знак далет (ṣ): число Имен, которыми связывают и развязывают	101
Раздел 3 — часть йод (ḡ), знак йод (ṣ): свойства связывания и развязывания	102
Раздел 4 — часть хэй (ḥ), знак куф (ṣ): польза связывания и развязывания	103
Часть 10: Форма пророчества	104
Раздел 1 — часть вав (ḡ), знак ламэд (ṣ): постижение интеллекта	104
Раздел 2 — часть йод (ḡ), знак каф (ḥ): форма постижения интеллекта	105
Раздел 3 — часть хэй (ḥ), знак далет (ṣ): описание Его речи со всяким, с кем Он говорил	106
Раздел 4 — часть йод (ḡ), знак бэт (ṣ): различие между постигающими и пророчествующими	108
Раздел 5 — часть хэй (ḥ), знак хэй (ḥ): представление о необходимости излияния, побуждающего говорить и слагать книги	110

Предисловие автора

Поскольку человеческая мысль слишком ограничена, чтобы постичь Б-жественные вопросы, сокрытые от глаз плоти, а Б-жественное излияние настойчиво и непреодолимо побуждает ее раскрыть суть своих сил, всякий человек из рода людского, учившийся и обретавший мудрость благодаря своим способностям, обязан следовать Его путями. И в той мере, в какой побуждает его это высокое излияние, собственная мысль побуждает его передавать от своего совершенства другим. Насколько ограничен его интеллект, настолько же мала и мера его излияния, а насколько расширяется и распространяется его интеллект, настолько же велико и его излияние. То есть, желая излить на другого, человек изливает сообразно тому, чем обладает — из обилия знаний и преимущества мудрости: если у него найдется мало, невозможно, чтобы он излил много; если найдется много, невозможно, чтобы он излил мало; а если у него вовсе не найдется ничего от этого излияния, невозможно, чтобы он излил хоть что-то, — ведь как отдашь другому то, чего у тебя самого нет? Мудрецы мира уже уподобляли суть этого высшего благородного излияния изобилию богатства: тот, кому Г-сподь умножил состояние, способен обогатить другого. Ведь упомянутое разделение мы провели исключительно по способности, а не по желанию. Бывает ведь человек, способный обогатить многих, но, быть может, его [дурное] желание не оставит его — даже для того, чтобы обогатить самого себя истинным богатством, и сил его окажется слишком мало, чтобы извлечь благо для себя из своего имущества, и тем более не благодетельствует он другого. О таком человеке сказал Шломо в мудрости своей: «...но не дает ему Всесильный власти есть от него, ибо чужой человек поедает его...» (Коэлет 6:2), то есть Г-сподь накажет его за то, что его глаз был скуп к Б-жьему благу.

Однако высокое излияние своим присутствием побуждает переводить силу мысли в действие, если только получателю не воспрепятствуют внутренние или внешние помехи, и тот, кто принял [его], тоже станет стремиться отдать из того, что получил. А поскольку излияние приводит ко многим следствиям, принявший его будет действовать в этих вопросах сообразно мыслям, предшествовавшим принятию этого излияния. Возможно также, что высшее излияние породит в нем мысли, которых прежде у него не было, и они вынудят его претворить замыслы в действие: одни из них — общие правила человеческого поведения, другие — частные и полезные, либо такие, которые необходимо предпослать полезным, пока польза не утвердится в прочной обители, соединяющей необходимые силы с полезными. Подобно этому отрока воспитывают делами, которые служат подготовкой к умопостигаемым наукам, потому что эти дела — обители для интеллекта. И оказывается, что если нет подобающих дел, нет и интеллекта, ведь если

интеллект не найдет обители, где пребывать, он не станет пребывать там вовсе. И хотя сама сущность интеллекта не испытывает нужды и необходимости пребывать в каком-либо месте — ведь интеллект не является телом или силой в теле, и сам по себе он не приобретает преимущества от пребывания в каком-либо месте, — то, что служит ему обителью, освящается ради него после того, как он стал пребывать в нем, побыв прежде неосвященным. Это подобно солнечному свету в темном доме: дом до проникновения в него солнечного света называется темным, а по приходе света именуется освещенным. И входящий внутрь видит то, что находится в доме, потому что свет пребывает в нем, хотя свет и не есть тело. И хотя свет — это сила в теле солнца, он не является силой, сросшейся с телом дома. И потому, когда солнечный свет покидает дом, дом снова становится темным и мрачным, как вначале.

И все же хозяин дома уже получил необходимую для себя пользу от вещей, находящихся в доме, благодаря тому что в нем пребывал свет: ведь при свете он воочию постиг то, что было в доме, и устроил там всякую вещь, пока свет находился внутри, а когда свет ушел, то ушел уже после наведения порядка, — если, конечно, хозяин дома был проворен и понимал, что ночью свет покинет дом, так что спрятал в нем то, что подобает спрятать, открыл то, что подобает открыть, а сверх того — заделал его проломы, чтобы воры не причинили ему вреда с уходом света. Точно так же тело человека подобно дому, домашняя утварь — это дела, которые невозможно совершить без органов тела, а хозяин дома — это жизненный дух,

устраивающий дела тела. И когда свет интеллекта изливается на мозг, на сердце, на почки и на прочие места, где пребывает свет интеллекта, и если дух чист и понимает силу света интеллекта, постигая своей силой его присутствие и отсутствие, тогда он постарается устроить все дела, требующие исправления, во время присутствия света интеллекта; ведь он уже постигает, что его пребывание с телом бывает по временам с его стороны, а отсутствие — по временам из-за препятствий. Добрые же дела — это то, что ограждает проломы; и если эти взломанные места не будут ограждены силой интеллекта, то могут прийти вредители и причинить вред сколько угодно, не встретив никаких препятствий, ведь пролом остался без ограды, а «пролом призывает вора». И поскольку свет интеллекта — это Первопричина, ограждающая всякий пролом, я составил этот труд, чтобы оградить всякий пролом, и назвал его именем Первопричины — «Ор а-Сехель» («Свет интеллекта»).

С помощью же света интеллекта я озарю в этом своем труде очи сердец разумных. И поскольку свет интеллекта соотносится с именем «десятый», я разделю книгу на десять главных частей, и каждую часть обозначу буквами алфавита; каждая же буква будет содержать в себе букву, так что из их совокупности составит одно имя или одно слово, разделяемые на определенные части сообразно речи. И в этой книге я намерен принести

пользу начинающим изучать Шем а-Мефораш (Явное Имя) и указать им путь к Его познанию, так что соотношение этого труда с познанием Г-спода, ведомым путем пророческой Каббалы, будет подобно соотношению мудрости Деяния Творения с Деянием Колесницы. К тому, чтобы сделать это, меня побудила любовь двух товарищей из числа любителей мудрости, избранных жителей Мессины, что в Сицилии, которые очень приблизили меня к себе и следуют моим наставлениям. Имена их — рабби Авраам Разумный и рабби Натан Рассудительный, благословенной памяти. И когда я провел с ними несколько дней, они попросили меня кратко написать для них общие предпосылки о познании Г-спода, достославного и грозного. И по великой любви к ним, любви истинной, я понудил себя охотно исполнить их прошение, хотя время, место и лишения препятствовали мне в этом.

Но силой истины я превозмог эти препятствия и постарался исполнить их желание с помощью Оплота. Я знаю, что этот труд принесет великую пользу им и подобным им, если они будут блюсти заветы этой книги, так что написанное мною здесь приведет их к постижению Активного интеллекта, а его постижение в свою очередь приводит к принятию речения из его уст. А если какая-либо помеха удержит их от этой высшей ступени, не дай Б-г, то они извлекут из этого труда также пользу интеллектуального излияния, благодаря которому они уразумеют и постигнут тайны Торы и смыслы заповедей в целом. Таким образом, благодаря ему они ни в коем случае не останутся без пользы — большой или малой. А поскольку обильное излияние приводит к сочинению книг и к речению, возможно, они воспримут из этой моей книги нечто такое, что пробудит в них стремление прилепиться к своей Первопричине. И окажется, что их интеллект перейдет с ним в действие, так что их назовут моими сыновьями, а с другой стороны — они станут сынами Б-жьими. Если же сыны Б-жьи нарекутся моими сыновьями, то и ко мне вернется эта польза с определенной стороны: ведь если я радуюсь сыновьям моего тела и души, то тем более — сыновьям моего интеллекта. И если мудрость моей души перейдет к душе Авраама — *«дал (натан, נטן) Всесильный мне награду»* (Берешит 30:18). Предварив [труд] этим введением, возвещающим причину создания книги, я приступлю к изложению своего замысла, и у Г-спода, да будет Он благословен, прошу помощи в том, чтобы возвестить Его Имя другим, *«чтобы возвестить об Имени Его по всей земле»* (Шмот 9:16).

Сокроются солнце и луна, когда интеллекты пророков вознесутся к небесам.

Ярко воссиял интеллект, и в нем будут пророчествовать мужи, когда настанет день после двух дней.

Дух Б-жий поднимется ввысь и вновь станет парить над водами.

Первая часть содержит пять букв: алеф, бэт, гимель, далет, хэй (א'ב'ג'ד'ה), и их охватывают пять разделов, отмеченных буквами алеф, бэт, рэйш, хэй, мэм (א'ב'ר'ה'ם), в которых я рассмотрю пять вопросов: первый, чей знак — алеф, включает вопрос об ограждении всякого пролома; второй, чей знак — бэт, включает сущность пользы ограды; третий, чей знак — рэйш, включает необходимость существования пользы; четвертый, чей знак — хэй, включает смысл необходимости полезного; и пятый, чей знак — мэм, включает вопрос об ущербе от отсутствия ограды. И выходит, что эту первую часть в целом подобает назвать «Ограждающий проломы».

Вторая часть содержит пять букв: вав, зайн, хэт, тэт, йод (ו'ז'ח'ט'י), и их охватывают пять разделов, отмеченных буквами самэх, пэй, рэйш, далет, йод (ו'ז'ח'ט'י), в которых я рассмотрю пять вопросов: первый, чей знак — самэх, включает совокупность всех заповедей; второй, чей знак — пэй, включает сущность пользы заповедей; третий, чей знак — рэйш, включает необходимость существования их пользы; четвертый, чей знак — далет, включает смысл этой необходимости в целом; и пятый, чей знак — йод, включает вопрос об ущербе от отсутствия заповеди. И выходит, что эту вторую часть в целом подобает назвать «Включающая заповеди».

Третья часть содержит две буквы: каф и ламэд (כ'ל), и их охватывают два раздела, отмеченных буквами бэт и нун софит (ב'ן), в которых я рассмотрю два вопроса: первый, чей знак — бэт, включает тайны языков; второй, чей знак — нун софит, включает тайну избранного языка из них. И потому эту третью часть в целом подобает назвать «Тайна святого языка».

Четвертая часть содержит пять букв: мэм, нун, самэх, айн, пэй (מ'נ'ס'ע'פ), и их охватывают пять разделов, отмеченных буквами шин, мэм, вав, алеф, ламэд (ש'מ'ו'א'ל), в которых я рассмотрю пять вопросов: первый, чей знак — шин, включает вопрос о созидании человека; второй, чей знак — мэм, включает двадцать две буквы (כ"ב), посредством которых он был создан; третий, чей знак — вав, включает их разделение на три первоначальные группы; четвертый, чей знак — алеф, включает число, охватывающее их все, и некоторые из его сокровенных тайн; и пятый, чей знак — ламэд, включает их равное разделение: половина из них — коренные [буквы], а половина — служащие и корнями, и приставками. И вот эту четвертую часть подобает нам назвать «Тайна букв созидания».

Пятая часть содержит три буквы: пади, куф, рэйш (צ'ק'ר), и их охватывают три раздела, отмеченных буквами алеф, бэт, вав (א'ב'ו), в которых я рассмотрю три вопроса: первый, чей знак — алеф, включает тайну имен; второй, чей знак — бэт, включает вопрос о действиях; третий, чей знак — вав, включает пути частиц. И потому эту пятую часть подобает нам назвать «Триада речи».

Шестая часть содержит две буквы: шин и тав (ת'שׁ), и их охватывают два раздела, отмеченных буквами алеф и ламэд (א'ל), в которых я рассмотрю два вопроса: первый, чей знак — алеф, включает буквы Единого Имени; второй, чей знак — ламэд, включает вопрос об их значении. И потому называется эта шестая часть «Единство Имени».

Седьмая часть содержит четыре буквы: тав, шин, рэйш, куф (ת'שׁר'ק), и их охватывают четыре раздела, отмеченных буквами айн, пэй, йод, алеф (א'פ'י'א), в которых я рассмотрю четыре вопроса: первый, чей знак — айн, включает сочетание букв (церуф); второй, чей знак — пэй, включает замену букв; третий, чей знак — йод, включает взвешивание букв; и четвертый, чей знак — алеф, включает гематрию, нотарикон, начальные буквы слов, срединные буквы слов и конечные буквы слов. И потому эта седьмая часть в целом называется «Обращение букв».

Восьмая часть содержит три буквы: хэй, вав, хэй (ה'ו'ה), и они охватывают три раздела, отмеченных буквами зайн, каф, рэйш (ז'כ'ר), в которых я рассмотрю три вопроса: первый, чей знак — зайн, включает тайну произнесения Имени с его огласовками; второй, чей знак — каф, включает тайны огласовки; третий, чей знак — рэйш, включает вопрос о соединении буквы с огласовкой. И потому эта восьмая часть в целом называется «Тайна произношения Имени».

Девятая часть содержит четыре буквы: вав, хэй, йод, хэй (ו'ה'י'ה), и они охватывают четыре раздела, отмеченных буквами цади, далет, йод, куф (ק'ד'י'צ), в которых я рассмотрю четыре вопроса: первый, чей знак — цади, включает связь высших и низших сил в Имени; второй, чей знак — далет, включает образ Имен, которыми связывают и развязывают; третий, чей знак — йод, включает свойство связывания и развязывания; и четвертый, чей знак — куф, включает пользу от связывания и развязывания. И называется эта девятая часть в целом «Тайна связывания и развязывания».

Десятая часть содержит пять букв: вав, йод, хэй, йод, хэй (ו'י'ה'י'ה), и их охватывают пять разделов, отмеченных буквами ламэд, бэт, рэйш, каф, хэй (ה'כ'ר'ב'ל), в которых я рассмотрю пять вопросов: первый, чей знак — ламэд, включает постижение интеллекта; второй, чей знак — бэт, включает образ его постижения; третий, чей знак — рэйш, включает описание его речения к пророкам в целом; четвертый, чей знак — каф, включает различие между постигающими и пророчествующими; и пятый, чей знак — хэй, включает представление о необходимости излияния, побуждающего говорить и слагать книги. И вот эту десятую часть, которая служит конечной целью, подобает нам назвать «Образ пророчества».

И после того как мы завершили перечисление десяти частей по их порядку, сведем воедино их названия в правильном строе, и вот они: первая — «Ограждающий проломы», вторая — «Включающая заповеди», третья — «Тайна святого языка», четвертая — «Тайна

букв созидания», пятая — «Триада речи», шестая — «Единство Имени», седьмая — «Обращение букв», восьмая — «Тайна произношения Имени», девятая — «Тайна связывания и развязывания», десятая — «Образ пророчества». И упомянув их в общем, мы вернемся к тому, чтобы истолковать их подробно, каждую часть сообразно тому, сколько толкования она допускает, насколько достигнет бессилие нашего интеллекта, уповая на Высшую силу, пробуждающую наш разум к этому, хотя мы и не были того достойны.

Часть 1: Ограждающий проломы

Первая часть: буквенные обозначения ее частей — алеф (א), бэт (ב), гимель (ג), далет (ד), хэй (ה); частей в ней пять и разделов пять, а имя [из букв знаков складывается в] Авраам (אברהם): алеф (א), бэт (ב), рэйш (ר), хэй (ה), мэм (מ).

Раздел 1 — часть алеф (א), знак алеф (א): ограждение всякого пролома

Начальная ступень всякого, кто ищет Г-спода ради Его славы, состоит в том, чтобы не разрушать ограду, дабы змей, обычно проникающий через проломы, не ужалил его. На это намекнул мудрый Шломо, сказав: *«Кто копает яму, тот упадет в нее, а кто разрушает ограду, того укусит змей»* (Коэлет 10:8). И поскольку этот труд содержит темы, совершенно чуждые нашему народу сегодня, в нынешнем нашем поколении, мы начали его с вопроса об ограждении проломов, о которые в древние времена споткнулись многие из разумных. Как предрек им Даниэль, сказав: *«...попытаются исполнить видение и споткнутся»* (Даниэль 11:14); и еще он сказал: *«И из разумных споткнутся...»* (там же, 11:35), и указал причину этого, сказав: *«...для испытания их, очищения и убеления...»* (там же) и далее, вплоть до слов о том, что в конце дней *«многие будут скитаться, и умножится знание»* (там же, 12:4), — ведь сказано: *«...будут скитаться, ища слова Г-сподня, и не найдут»* (Амос 8:12). Ведь когда умножились бесчинствующие, кознам запретили благословлять [народ] Именем так, как оно пишется, но постановили, чтобы они благословляли народ Именем в Храме — как оно пишется, а в стране — по заменяющему наименованию. Бесчинствующие же, узнав тайну Имени, проламывали ограду Торы и заповеди и губили веру, когда доходили до понимания, что истинная вера противоположна их ложным мыслям и их дурному воображению. Дело в том, что когда человек верит во что-то одно, не имея весов интеллекта, чтобы взвесить ими веру, принятую им в дни детства (а по незрелости своего интеллекта он и не мог верить иначе, ведь если бы он не принял никакой веры, то навсегда остался бы подобен животному в человеческом облике), ему, тем не менее, подобает после созревания интеллекта исследовать и осмыслить принятую им веру и учиться до тех пор, пока он не сделает ее актуально умопостигаемой. Об этом и сказано: *«Простак верит всякому слову, а разумный внимателен к путям своим»* (Мишлей 14:15). Если же человек непрестанно пребывает лишь в принятой вере, не осмысленной должным образом согласно Б-жественному умопостигаемому, то он все еще коснеет в своей наивности.

Но когда он начинает понимать веру, полученную в детстве, наивность отчасти отступает от него, и он становится понимающим. Так он мало-помалу восходит со ступени на ступень, и его интеллект растет изо дня в день по мере того, как он углубляется в умопостигаемые предметы, которые прежде усвоил лишь в воображении, следуя за чувственными восприятиями. И ему не следует подозревать своих родителей, учителей и наставников в том, что они скрыли от него тайны веры в детстве: ведь задержка произошла не по их вине, а по причине слабости его собственного интеллекта. Точно так же не подобает ребенку винить кормилицу, вскормившую его молоком своей груди, за то, что она не стала сразу кормить его грубой твердой пищей. Ведь если бы она так поступила, ей было бы куда легче кормить его внешней пищей, чем питать его от собственной крови.

Однако она разумно стремилась сохранить ему жизнь, а не умертвить его неподходящей пищей. Ибо известно, что хлеб, мясо и вино, хотя и служат эликсиром жизни для взрослых, чьи силы способны их усвоить, оказываются смертельным ядом для младенцев, чьи силы не могут их вынести. Точно так же обстоит дело и с принятием умопостигаемой веры наряду с верой, принятой по традиции: хотя умопостигаемая вера — это эликсир жизни для разумных, чей ум способен ее вместить, она становится смертельным ядом для простаков, чей ум не может ее выдержать.

Поэтому, открывая истинную веру разумному, человеку следует распознать его способность понимать — может ли он вынести ее или нет. И вот тебе верный знак: если тот обрадуется ей, не испугается, услышав ее тайну, и не станет разрушать ее оград, которые служат для нее подобно ключам к замку (ведь благодаря им сад убережен от вторжения диких зверей), — сразу пойми, что этот человек, принимающий умопостигаемую веру, мудр и понимает собственным разумом. *«Дай [наставление] мудрому, и он станет еще мудрее; научи праведного, и он умножит знание»* (Мишлей 9:9); и: *«Не отказывай в благе тому, кто нуждается, когда рука твоя в силе сделать [это]»* (там же, 3:27). Если же ты откроешь ему одну тайну, а он испугается, обомлеет и решит, будто вся его вера рухнула, и сочтет тебя глупцом, вероотступником (*мин*) или еретиком (*эпикорос*), — не корми его эликсиром жизни, чтобы не погубить его. И душа его взыщется с твоей руки, ведь Шломо уже предостерег тебя от этого, сказав: *«В уши глупого не говори, потому что он презрит разумные слова твои»* (Мишлей 23:9), и: *«Не передвигай межи древней...»* (Мишлей 22:28), *«...которую провели предки»* (Дварим 19:14). И сообразно этому правилу проверяй силу всякого, кто воспринимает умопостигаемое или традицию, и суди о нем по тому, каков он есть.

И пусть первой тайной, которую ты ему откроешь, будет нечто из легчайшего, что у тебя на устах, а не из того, что в сердце твоём, о чем сказано: *«сердце не открыло устам»* (*либа ле-пума ла галей*). Поступая так, ты воздашь каждому человеку должное и

последуешь путями Г-спода, благословен Он, Который *«дает хлеб всякой плоти»* (Теилим 136:25) и *«насыщает все живущее по благоволению»* (Теилим 145:16), — то есть насыщает всякое живое существо по его воле, как тому угодно и соразмерно тому, что Он распознал в нем. И старайся в этом деле воздавать *«каждому по путям его и по плодам дел его»* (Ирмею 17:10). Если же с твоих уст сорвутся слова, показывающие, что ты проломил в его глазах ограду, спеши скорее заделать пробитый тобой пролом, пока его помысел не вернется к тому, в чем он пребывал изначально. Действуй с осмотрительной хитростью, чтобы он ничего не почувствовал и никоим образом не разгадал твоего намерения, — и тогда ты назовешься Ограждающим проломы.

Раздел 2 — часть бэт (ז), знак бэт (ז): суть пользы ограды

Всякое действие, к которому стремится человек, должно приносить большую или малую пользу, ведь если он не имеет в виду пользу, его действие лишено осмысленного управления. Ведь понятие управления указывает на намерение, волю и выбор; действие же того, кто совершает его без них, называется случайным. Это верно до такой степени, что даже если человеку предстоит совершить действие, необходимое по законам природы, на которое у него самого нет никакого намерения — и вполне возможно, что если бы он мог обойтись без него, он был бы только рад и никогда бы его не совершал (как, например, прием пищи для обладателя интеллекта, который тягостен ему, поскольку присущ ему как живому существу, а не как обладателю интеллекта; либо естественные отправления для возмещения того, что израсходовалось из пищи, необходимые ему для поддержания жизни на определенный срок), — то даже к такому действию совершающий его должен приложить некоторую долю намерения, соединенного с природной необходимостью: а именно иметь намерение принимать полезную пищу, поскольку природа вовсе не принуждает его есть вредное. Ведь природная необходимость, присущая человеку в силу его жизненности, требует лишь того, чтобы он просто питался; однако даже сама природа принимает полезную пищу и воздействует на нее наподобие намерения. И хотя природа не обладает сознательным намерением и не принимает точно таким же образом вредную пищу (напротив, вредная пища противодействует ее работе), все же замысел Укоренившего природу состоял в том, чтобы поддерживать естество питающегося существа определенное время сообразно его темпераменту и непрерывно сохранять [вид] этого питающегося в круговороте возникновения и уничтожения. И если даже природа, чье намерение лишь отчасти направлено на ведение вещей, ищет полезного, а уничтожение необходимо ради возникновения, то тем более тому, кому целиком принадлежит польза, подобает стремиться принести пользу самому себе своим действием. И если он поступит так, его действие станет действием обладателя интеллекта. И чем совершеннее человеческий интеллект в том, кто стремится к пользе, тем больше

будет эта польза сообразно своей сути. И тем более она будет прочной и совершенной, если к его намерению присоединится хотя бы частица Б-жественного интеллектуального намерения, — ведь тогда суть пользы достигнет намеченной цели.

Всякому совершенному разумному известно, что польза, достающаяся ему, когда он заделывает пробитый пролом, состоит в избавлении от всевозможных видов мыслимого ущерба. И если пролом был таким, что через него легко могли пострадать многие, а он заделал его, то суть пользы становится еще весомее и возвышеннее. И если ограждение пролома полезно отдельному человеку и многим для [сохранения] их тел или имущества, то тем более — когда ограждение пролома служит спасению душ отдельного человека и многих. И по этой причине всякий, кто правит государством, или какой-то его частью, или многими государствами, когда он направляет свои действия на упорядочение жизни людей своего поколения, устанавливает порядки и издает постановления, чтобы оградить проломы поколения, и возводит свои установления со ступени на ступень — вплоть до достижения пользы имущественного достатка для народа, а оттуда к пользе мира, душевного покоя и телесного здоровья, а оттуда к пользе обретения мудрости, приводящей к вечной жизни душ, — — этот человек, поступая так, сам достигает высшей цели всякой пользы и приводит к ней всех, кто внимает его словам и следует за ним. Ведь если сущность любой пользы вообще есть благо, то неизбежно именно эта польза достигла того, ради чего совершилось сотворение человека в дольном мире. Стало быть, суть последней и драгоценнейшей из всех польз — это постижение грядущей вечной жизни, так как цель всех начальных и промежуточных польз заключалась в том, чтобы достичь этой упомянутой высшей пользы. И если она достигнута, в ней осуществился высший замысел; если же нет — замысел не исполнился и оказался тщетным. Известно также, что Тот, Кто сопряг высшую пользу во всем мироздании с бытием человека, непрестанно стремится перевести ее в действительность. И если бытию не хватит совершенства, так что этой пользы не достигнет вот этот конкретный бренный человек, подверженный возникновению и уничтожению, то вполне возможно, что ее достигнет другой. Ради этого и сохраняется человеческий род — чтобы один достиг ее и тем восполнил ущерб другого. Следовательно, со стороны Замыслившего стало ясно, что суть высшей пользы непременно осуществляется для части индивидов этого рода.

Раздел 3 — часть гимель (ז), знак рэйш (ך): необходимость существования пользы

Нет сомнения, что коль скоро Первый Замысливший имел в виду бытие пользы, когда произвел ее, то эта польза необходима и неизбежно должна существовать; и пусть даже она достается лишь малой части людей и удовлетворяет [цель] лишь при ее

приумножении, она тем более драгоценна для принимающих ее — подобно тому как необходимо существование человеческих индивидов. И хотя до своего появления эти сущие, как и любые другие, были лишь возможно-сущими, после того как они возникли, о них говорят, что они необходимы в бытии со стороны своей причины, но возможны в бытии сами по себе. И Тот, Кто был Первопричиной их появления, — именно Он определил их конечную цель и предначертал суть их пользы сообразно их сущности; и подобно этому их бытие было возможным в начале, но стало необходимым в итоге, поскольку Он дал им бытие. Все это верно по воззрению тех, кто верит, что бытие каждого индивида предначертано Создателем, — то есть что Тот, Кто замыслил сотворить его, замыслил также и неизбежность осуществления его пользы и сделал необходимым ее присутствие прежде него, вместе с ним или после него, то есть в миг его ухода из дольного мира. Подобно тому как мы видим, что Он замыслил дать человеку все необходимое и полезное для него в этом мире.

Но даже по мнению тех, кто верит, будто все это происходит в силу природы, их чувства уже вынудили их, а интеллект обязал признать, что это устройство подобно устройству, созданному с намерением, хотя само понятие намерения здесь к природе неприменимо. Впрочем, нам незачем спорить с их мыслями, так как наша цель далека от их цели. Ведь если бы не необходимость существования пользы, ничто в мире не могло бы устоять — подобно тому как пища необходима природе всякого питающегося существа, и если бы в ней не было необходимой для его существования пользы, ее бы не существовало. Точно так же и пять чувств, составляющих способность ощущения, даны живому существу ради его пользы. Некоторые из них абсолютно необходимы — то есть без них оно не прожило бы и мгновения, — а некоторые полезны, но не необходимы. И к необходимым относятся два чувства, теснейшим образом связанные с жизнью: вкус и осязание. Полезные же чувства — это три остальных чувства, которые более тонко-духовны, нежели первые: зрение, слух и обоняние. Ведь если человек лишен зрения, он вполне может жить; то же самое — если он не слышит или не чувствует запахов. Ведь дыхание носом — это не обоняние: дыхание, от которого зависит жизнь, вовсе не относится к числу чувств. Свидетельством тому служит человек, страдающий потерей обоняния: хотя он и не ощущает запахов, он дышит, а если бы перестал дышать хоть на краткий миг, то умер бы.

Но если он не будет обонять запахов всю жизнь, он от этого не умрет, поскольку назначение обоняния состоит лишь в том, чтобы различать приятный запах, дурной или нейтральный. Стало быть, дыхание — это нечто иное, а не обоняние. Что касается вкуса, то можно было бы подумать, что человек может прожить и без ощущения вкуса, раз сама пища — это не вкус. Однако мы видим, что у того, для кого еда безвкусна, не возникает аппетита, и он не может проглотить пищу через пищевод; если же и проглотит, то изрыгнет ее, так как желудок ее не примет. И это послужит причиной его смерти. Поэтому мы знаем, что ощущение вкуса неотделимо от пищи, и как пища необходима для

жизни человека, так и вкус необходим для его жизни. То же самое мы говорим и об осязании: ведь известно, что у того, кто лишен осязания, плоть и кровь омертвели, а если они, будучи обителью жизни, мертвы, то тем более мертво и остальное тело. И если это так даже при жизни плоти и крови, то тем более после их смерти. Таким образом, необходимость существования пользы неразрывно связана с необходимостью существования живого существа, пока оно живо, — и то же самое справедливо для некоторых других вещей.

Раздел 4 — часть далет (7), знак хэй (7): смысл полезной необходимости

Поскольку польза необходима сообразно замыслу Создателя того, кому предназначена эта польза, как мы уже упоминали, может показаться, что сама эта необходимость и есть смысл. Однако при глубоком размышлении выясняется, что смысл отличен от необходимости. Ведь если бы необходимость можно было устранить, само ее бытие оказалось бы напрасным; а если бы необходимость не приносила пользы, то Создатель не был бы Творцом, действующим с намерением и волей. Смысл же необходимости заключается в том, что следует вопрошать: почему такая-то вещь оказалась необходимой для пользы такой-то вещи? И раскрытие этого смысла относится к путям тайн Торы и секретов бытия. Выслушай же, в чем его суть в целом.

Знай, что слово «смысл» в данном месте означает «причина». И всякий, кто постиг, что Необходимо-Сущий Сам по Себе, благословенно Имя Его, есть Первопричина всего сущего, уже понял, что у всех вещей есть необходимые причины. Ибо бытие тянется от причины к причине, пока от Первопричины не дойдет до некоего сущего, которое само уже не служит причиной ничему и является конечной целью всех причин. И все, что находится между Первопричиной, не имеющей причины, и этим сущим, которое само не есть причина, непременно представляет собой причины и следствия — то есть порождающие причины и порожденные следствия. И Первопричина — это Б-г, благословенно Имя Его; а последнее звено цепи, то есть следствие, которое само уже не является причиной для чего-то иного, — это человеческий интеллект, пребывающий в актуальном и совершенном бытии, за пределами которого нет ничего больше. И это подобно высшему роду родов, над которым нет иного рода. — каковой есть сущность или тело, согласно двум мнениям; а с другой стороны, это подобно низшему виду видов, под которым нет больше вида, — а именно живому разумному, или, скажем, человеку, чье определение есть «живое, разумное, смертное», согласно двум известным мнениям. И все, что находится между этими двумя пределами, есть род и вид по отношению к

вышестоящему и нижестоящему. Это известно каждому, кто знаком хотя бы с основами логики из философских рассуждений.

Пойми же отсюда, что во всем мироздании нет ни одной вещи без смысла и причины. Как же может быть, чтобы Тора и заповедь были лишены смысла? Ведь если даже у существования блох, вшей и гнид есть смысл — притом что мы видим, как они причиняют страдания человеку, — то тем более есть смысл у вещей, стоящих на вершине мира, то есть у Торы и заповедей. Мудрецы уже написали в своих книгах, что у всякого действия есть четыре причины его бытия: а именно: материя, форма, действующая причина и цель. И разъяснение здесь таково: цель — самая благородная из них, и ради нее существуют остальные три. Если цель не достигнута, замысел имеющего цель не исполнился; если же достигнута — его замысел осуществился. Стало быть, смысл полезной необходимости ясен: он состоит в том, чтобы достичь того, к чему стремился Замысливший цель. Ведь сначала Он создал саму вещь, затем установил присущую ей пользу, затем установил то, что необходимо для ее существования, и наконец установил цель.

Таким образом, цель есть причина необходимости, необходимость — причина пользы, а польза — причина существования самого сущего. Иными словами, ничто не существует без предназначенной ему пользы; и необходимость замысла Создателя привела Его к сотворению сущего, его полезных свойств и того, что для него необходимо, чтобы достичь конечной цели Своего намерения, которая есть Первопричина — и она же есть последняя цель. И этого довольно здесь для нашей задачи в данном труде. И хотя разъяснение столь глубоких предметов потребовало бы написать обширные книги ради постижения их истинной сути во всех подробностях, наше намерение здесь — быть краткими, а не многословными.

Раздел 5 — часть хэй (ה), знак мэм (מ): ущерб от отсутствия ограды

Мы уже упоминали, что всякая ограда ставится тем, кто ее возводит, с определенным намерением: коль скоро он имеет в виду пользу от нее, эта польза достигается благодаря сохранению ограды и правильному ее устройству. Точно так же ущерб наступает при отсутствии задуманной от нее пользы. И в какой мере польза ограды велика или мала по своей сущности и природе, в такой же мере и отсутствие этой пользы соразмерно расстраивает провидение и управление — сообразно их величине или малости. Завершив же подробный разбор всех пяти разделов первой части, мы изложим в общих чертах наш замысел: почему мы привели их в самом начале этого труда, тогда как иной читатель мог бы подумать, будто они не относятся к предмету книги. Истинное же наше намерение здесь таково.

Знай, что наивысшая цель человеческого бытия в этом мире состоит в том, чтобы постичь Первое Постигаемое, которое есть высший Первый Интеллект, постигающий всякое умопостигаемое, находящееся под Ним, через постижение Своей сущности, объемлющей суть всех их. И чем больше каждый отдельный разумный преуспевает в Его постижении, тем более он почтенен, возвышен пред Ним, любим и дорог Ему по сравнению с теми, кто стоит ниже этого разумного, и уподобляется Ему более прочих постигающих из своего рода. И напротив, в какой мере человек невежествен относительно истинности Его бытия, в такой же мере он отдаляется от Него и все больше увеличивает это отдаление во время созревания своего ума, если не приложит усилий к Его постижению. Под созреванием же ума имеется в виду пора приближения ко времени постижения — а именно дни старости и седин. Ведь если человек стареет, не воздавая своей старости должного — мудрости, как сказано: *«У старцев — мудрость, и в долголетию — разум»* (Иов 12:12), — и продолжает лгнуть к суете этого мира по мере естественного приближения к расставанию с ним, то с каждым днем он все больше удаляется от Г-спода. И если такой человек состарился и мнит, будто стал мудрецом, то он — старик и глупец. А если он думает про себя: «Вот, я исполняю то, что повелел мне мой Творец, соблюдая некоторые из Его заповедей», — то ему необходимо пробудиться от спячки. И если это пьяный сон, то лучше разбудить его кузнечным молотом (*марзефта де-нафхей*), нежели позволить ему спать вечным сном, от которого он уже никогда не очнется. А именно — дать ему понять, что раз он состарился, то старость — уже не пора грехов, от которых он якобы отстраняется и тем самым соблюдает заповеди своего Творца; ведь, вопреки его мыслям, греховные побуждения в нем угасли сами собой по природе, и ему для этого даже не требовалось предостережение его Создателя.

Свидетельство тому — то, что причиной грехов служит дурное побуждение (*йецер а-ра*), а оно на самом деле есть воображение, активно действующее в пору молодости и в меньшей степени в отрочестве, тогда как в старости оно уже не способно воплотить что-либо в действие. И если оно и присутствует в сердце старцев, то в большинстве случаев лишь потенциально — то есть в мысли, а не в действии, так как сил слишком мало, чтобы перейти к действию. Ведь ближайшая естественная причина греха — это кипение крови, тогда как у старца кровь очень холодна и лишена сильного жара, поскольку в нем уже берет верх сила черной желчи, чья природа холодна и суха, и прах требует своей доли, составляя большую часть сложенного из него тела. А все твердые части тела — такие как кости, сухожилия, кожа (*алаль*), ногти, волосы и им подобные, — будучи лишены чувствительности, мертвы еще при жизни человека: даже в пору, когда кровь бурлит, и тем более впоследствии. А ведь именно благодаря им совершаются действия, непосредственно связанные с движением; поэтому-то с наступлением старости движения старцев слабеют. И раз это так, какие грехи может совершить немощный старец? Если же ты возразишь, что он способен согрешить устами и сердцем, поскольку грехи пребывают в

трех первоначальных областях — в сердце, в устах и в действии, — то ты услышишь мою мысль об этом во второй части. Что же касается заповедей, которые он рассчитывает исполнить, то известно, что все они следуют за одной-единственной избранной заповедью — а это тайна первого речения из Десяти речений. Точно так же и абсолютно все грехи следуют за вторым речением. И мудрецы (ХАЗАЛЬ) уже сказали: «Всякий, кто признает идолопоклонство, как бы отвергает всю Тору целиком, а всякий, кто отвергает идолопоклонство, как бы признает всю Тору целиком».

Вот ты и видишь, что вся Тора целиком зависит от первых двух речений. И если человек не распознает, что именно называется идолопоклонством в общем и в частности, он не сумеет отречься от него в сердце своем; если же он отречется от него лишь устами, этого недостаточно для совершенства, пусть это и благо, но «Милосердный требует сердца» (*Рахмана либа баэй*). Постичь же суть идолопоклонства в наивысшей полноте постижения невозможно иначе, как через постижение знания достославного и грозного Имени. И поскольку это постижение подобает лишь тому, кто достиг зрелости в мудрости и годах, — так как благодаря мудрости он постигает истинную суть вещей в совершенной ясности, а благодаря годам постигает немощь идолопоклонства и могущество Имени, — [мудрецы] единодушно решили передавать его лишь достойному и удерживать от недостойного. А поскольку умы людей неодинаковы, они оградили проломы и постановили, что познание Имени требует соблюдения множества условий, — чтобы и познавший Имя не подумал, будто освободил себя от всего, что с необходимостью предшествует познанию Имени, коль скоро рука его в силе исполнить это. Напротив, подобает соблюдать оба охранения, так как одно поддерживает другое и они взаимно сохраняют друг друга наподобие тела и души, которые одинаково нуждаются друг в друге. И наподобие буквы с огласовкой, ведь они существуют вместе и одновременно. И хотя буква подобна телу, а огласовка — душе (ведь огласовка приводит букву в движение, а буква движется), знание о том, как приводить в движение обе, подобно интеллекту, управляющему телом и душой вместе.

Поэтому, когда человек желает передать некое тайное учение о познании Имени, ему следует передавать его только Ограждающим проломы — тем, кто, даже если бы не нашел записанных заповедей нигде, по велению своего мощного природного интеллекта установил бы их по собственному разумению. Ведь ограждение пролома подобно дарованию заповеди, с той лишь разницей, что первое совершается человеческим интеллектом, а второе — сочетанием Б-жественного интеллекта с человеческим. И раз это так, то тем более этот совершенный преемник традиции не разрушит никакой ограды, но приложит все силы, чтобы ограждать проломы там, где это необходимо, сообразуясь с поколением и временем.

Часть 2: Включающий заповеди

Вторая часть: ее буквы — вав (ו), зайн (ז), хэт (ח), тэт (ט) и йод (י); частей в ней пять, и разделов в ней пять, а имя — Сфарди (ספראדי).

Раздел 1 — часть вав (ו), знак самэх (ס): все заповеди

Каждая из шестисот одиннадцати (תרי"א) заповедей, которые заповедал нам учитель наш Моше, мир ему,

по велению Всевышнего, как сказано: *«Тору заповедал нам Моше, наследие общине Яакова»* (Дварим 33:4), — включена в другую и связана [с ней] тайной слова «Тора» (תורה = 611), чья гематрия равна 611, как и [слово] «связана» (кишур, קשורה = 611). И так же написано: *«[Г-спода], Б-га твоего, бойся»* (Дварим 10:20), где [слово] «бойся» (тира, תירא = 611) [равно тому же числу]; и так же: *«и бойся Б-га твоего»* (Ваикра 19:14), что указывает на тайну страха Небес; и так же написано: *«Страх перед Г-сподом — начало познания; мудрость и наставление глупцы презируют»* (Мишлей 1:7). И знай, что из шестисот тринадцати заповедей остаются две, и они представляют собой две крайности. Первая крайность находится на вершине достоинства, выше которой нет ничего, и это — тайна познания Всевышнего.

Но если ты задумаешь достичь ее предела, тебе пришлось бы стать отделенным интеллектом, а это невозможно ни для кого, кто обладает материей. Однако тебе необходимо знать из этого то, в чем тебе не подобает оставаться невежественным, поскольку ты наделен образом Б-жым и подобием Б-жым — то есть постигаешь умопостигаемое и управляешь духовными, природными и душевными силами, ведь для этого ты и сотворен. *«Если ты много учил Тору, не ставь это себе в заслугу, ведь для этого ты сотворен»* (Авот 2:8), — то есть чтобы постигать многое, а не оставаться невеждой, подобно животному в человеческом облике. Вторая же крайность находится на самом дне падения, ниже которого падать некуда, и она противоположна познанию Всевышнего, представляя собой предельное удаление от Него. И заключается она в том, что если ты совершенно невежествен в познании Всевышнего со всех сторон и во всех отношениях и нет у тебя веры в Него — ни принятой по традиции, ни умопостигаемой, — то ты уподобляешься тому, у кого нет Б-га; а тот, у кого нет Б-га, не человек. Точно так же, если у тебя есть вера в Него, принятая по традиции, но не постигнутая разумом, ты колеблешься между истиной и ложью, ведь ты не знаешь, истину ты принял по традиции или ложь. И если это истина и ты служишь Б-гу согласно своей традиции, ты служишь

Всевышнему в истине, однако привходящим образом, а не по сущности; и как служение твое носит привходящий характер, так и награда твоя будет привходящей. Если же эта традиция ложна и ты служишь тому, что не существует, полагая это Б-гом, то оказывается, что ты привходящим образом служишь идолам, думая, будто служишь Б-гу.

Поэтому наказание твое превысит награду: подобно тому как ты рассчитываешь получить награду за служение Ему, тебе следует понимать, что если ты не служишь Ему в истине, то подлежишь наказанию за действие, противоположное служению Ему, к которому у Него нет благоволения. А раз так, то высшее совершенство в вере, достичь которого от тебя требуется, обретается не иначе как через представление бытия Всевышнего, Его единства и того, что Он бестелесен и не является силой в теле, посредством веры — как принятой по традиции, так и умопостигаемой. И если эта первоначальная вера у тебя совершенна, все твои поступки будут во имя Небес; если же ее тебе недостает, все твои поступки будут обращены к противоположному.

Тайна четырехбуквенного Имени — «Небеса» (שָׁמַיִם = 390), согласно правилу умножения его первой половины на саму себя [$15 \times 15 = 225$], а также ее же — на его вторую половину [$15 \times 11 = 165$, что в сумме дает 390]. Если же [умножить] половину на половину и половину на половину — то есть каждую на саму себя [$15 \times 15 = 225$ и $11 \times 11 = 121$, что в сумме дает 346], — [то выйдет] «АВАЯ — имя Его» (יְהוָה שְׁמוֹ), [где «имя Его», שְׁמוֹ, равно 346]. И когда ты возьмешь это [Имя] полным по его произношению вместе с «имя Его» (שְׁמוֹ), и поднимется [разница] «кровь» (דם, דָּם = 44), ты найдешь тайну слов «мужчина и женщина» (захар у-некева, זָכָר וּנְקֵבָה = 390) из стиха: «Мужчиной и женщиной сотворил их» (Берешит 1:27). И это составляет пятнадцать (ה"י = 15) особых Имен, семь из которых отмечены знаком «Яков» (יַעֲקֹב), а восемь — знаком «Ицхак» (יִצְחָק). И это два свойства — истина и трепет: одно включает в себя познание Всевышнего, что есть свойство истины, а второе включает в себя страх перед Всевышним, что есть свойство трепета.

После того как ты представишь себе эти две упомянутые крайности в вере, которые не связаны с практическими действиями, представь себе Тору как середину между ними, поскольку изучение Торы указывает тебе путь достойных поступков, которым следует идти, и путь недостойных поступков, от которых следует удаляться. А поскольку все заповеди следуют за верой, их число равно [числу в расчете о] познании Всевышнего. Тайна их заключена в стихе: «Вот имя Мое навеки, и вот память обо Мне из рода в род» (Шмот 3:15). Ведь когда ты соединишь слово «это» (זֶה, זֶה = 12, где буква зайн — ז = 7, а буква хэй — ה = 5) со словом «имя Мое» (שְׁמוֹ, שְׁמוֹ = 350), ты найдешь, что они составляют 362 (ששס"ב); а когда соединишь слово «это» (זֶה, זֶה = 12) со словом «память обо Мне» (זִכְרִי, זִכְרִי = 237), ты найдешь, что они составляют 249 (רמ"ט). Сложи 362 и

249 — и поднимется [число] слова «Тора» (תּוֹרָה = 611). Соедини также буквы йод и хэй (י"ה = 15, где буква йод — י = 10, а буква хэй — ה = 5) со словом «имя Мое» (שְׁמִי, שְׁמִי = 350) — и найдешь, что они составляют 365 (שְׁמִי"ה); и соедини буквы вав и хэй (ו"ה = 11, где буква вав — ו = 6, а буква хэй — ה = 5) со словом «память обо Мне» (זִכְרִי, זִכְרִי = 237) — и найдешь, что они составляют 248 (זִכְרִי"ה). Сложи их вместе — и они составят 613 (זִכְרִי"ה). И знак твой — «Моше, учитель наш» (Моше рабейну, מוֹשֶׁה רַבֵּינוּ = 613, где имя Моше равно 345, а слово рабейну — 268). Прибавь двадцать (букву каф, כ = 20) из слова рабейну к имени Моше — и поднимется 365; вычти двадцать из слова рабейну — и останется 248. Напиши «Моше рабейну» (מוֹשֶׁה רַבֵּינוּ), переставь буквы — и выйдет у тебя: «Иа возвещает нам» (יְהִי מִבְּשָׂרֵנוּ).

И вот, число 365 соответствует числу дней солнечного года, а число 248 — числу органов человека. И то, что соответствует твоим органам, Всевышний повелел совершать ими в виде заповедей — то есть чтобы наметить, что ни один орган в тебе не сотворен иначе как для того, чтобы служить им Творцу, а не для чего-то иного, ведь они равны числу предписывающих заповедей. Если ты служишь ими кому-то иному по сущности — ты служишь «другим богам», а если это происходит привходящим образом — это все равно [служение] «другим богам». И потому подобает тебе служить Всевышнему — Который есть ЭЛЬ ШАДАЙ (אֱלֹהִים, אֱלֹהִים = 345), противостоящий «другим богам» (אֱלֹהִים, אֱלֹהִים = 345), — всеми своими органами посредством предписывающих заповедей. И если ты разумеешь Всевышнего, то служение твое станет совершенным: все твои органы во всяком своем движении будут следовать за намерением достичь той высшей цели, которая выделена среди всех твоих целей. И даже во время деловых занятий, еды и питья ты будешь думать о Нем, и время не введет тебя в заблуждение своей суетой, увлекая за собой твои поступки, разве только привходящим образом или по необходимости человеческой природы. Ради этого запрещающие заповеди и установлены по числу дней солнечного года — 365, чтобы наметить: не совершай своих дел под влиянием суеты времени; а солнце [выбрано для этого знака] потому, что оно заметнее всего остального. И большинство дел человеческих сменяются из года в год и изменяются.

Кроме того, весь состав органов человека исчисляется в согласии с солнечными годами. В этом содержится намек предостеречь органы от преходящих вещей, непрестанно меняющихся со временем, наподобие мнимых и чувственных удовольствий, которые суть «суета и погоня за ветром» (Коэлет 1:14), исчезающие в свой час, «как утреннее облако и как роса, с рассветом исчезающая» (Ошеа 6:4). И они не несут никакого бессмертия души отдельному человеку — ни по сущности, ни привходящим образом, оставаясь лишь кратким призрачным мгновением.

И вот, все заповеди, которые нам заповеданы, даны нам в виде предпосылок к постижению: ведь если нет предпосылки — нет разумного постижения; если нет разумного постижения — нет совершенной веры; если нет совершенной веры — нет прочного служения; если нет прочного служения — не выплачивается награда; а если не выплачивается награда — сотворенный не осуществил истинной цели своего сотворения. Пример тому: тот, кто не пошел на рынок, не купил пищи; если же купил, но не принес ее домой, чтобы приготовить, — не сварит ее; а если сварил и положил в блюдо, но [дойдя до этого шага] не станет есть, — не съест ее; а если не съел, то не сможет поддержать ею жизнь. Если же он съел ее в надлежащем количестве и сбалансированном качестве — он достиг цели своего намерения и поддержал ею жизнь. Так же и с заповедями: если человек исполнил одну из них, но оставил другую, близкую ей по природе, то окажется, что он потерял и первую; если же исполнил вторую — ему необходимо также исполнить и близкую к ней. И на это наметнули мудрецы своими словами: *«Заповедь влечет за собой заповедь»* (Авот 4:2); таков же путь и у грехов, ведь *«проступок влечет за собой проступок»*. И на это же намекают их слова по этому поводу: *«награда за заповедь — заповедь, а воздаяние за проступок — проступок»*. И если человек восходил от заповеди к заповеди — от малой к великой или от великой к великой, — для него может осуществиться тайна конечной цели. И известно, что тот, чей интеллект достиг совершенства, будет соблюдать все заповеди изо всех своих сил. Ведь если бы они не существовали, он сам установил бы и ввел их; тем более теперь, когда они существуют в совершенном виде, так что невозможно когда-либо установить нечто лучшее, чем они.

Поэтому не подобает ни прибавлять к ним, ни убавлять от них. А если ты подумаешь про себя: раз человек уже поднялся на высшую ступень, превосходящую их, к конечной цели, каковой является познание Всевышнего, то какая теперь в них надобность? — то я покажу тебе, что человек нуждается в них во все дни своей жизни. Ведь нам было велено соблюдать их не ради чего-то иного, а для того, чтобы их силой противостоять дурному началу и укреплять силу доброго начала. А поскольку эти два начала не оставляют человека во все дни его жизни, то если он не станет соблюдать заповеди, замысел Всевышнего относительно него обратится вспять: его [низшая] природа может в какой-то момент возобладать над интеллектом, и он потеряет все, что приобрел за всю свою жизнь.

Кроме того, ты видишь на примере Всевышнего, благословен Он: хотя Он и сотворил Свой мир, согласно простому смыслу Торы, за шесть дней творения и завершил его, Он не оставил его без присмотра, но непрестанно хранит его. Так же обстоит дело с Торой и заповедью: даже если ты достиг конечной цели одной из них, тебе необходимо постоянно хранить их частности и общие правила под полным присмотром. И свидетельство тому: если ты не будешь учиться постоянно, ты забудешь то, что выучил; точно так же, если ты не будешь исполнять заповеди постоянно, сила твоего доброго начала ослабеет так, что ты этого даже не заметишь.

И что еще добавить мне в объяснении общего правила о заповедях? Я знаю: если ты обладаешь интеллектом, ты поймешь замысел Всевышнего обо всех заповедях после этого напоминания, на которое намекает эта вторая часть. Если же нет, то сколько бы я ни повторял тебе о соблюдении заповедей, я буду подобен играющему на музыкальном инструменте перед идолами. И после того как я сообщил тебе все это, я дополню его тем, о чем обещал известить тебя в этой части: о том, как пожилой человек способен согрешить своими устами и сердцем. Речь идет о речи и мысли: поскольку способность речи — это видовое отличие, которым человек выделен среди прочих живых существ, а мысль также относится к особым свойствам человека и является благороднейшим из них, можно было бы подумать, что грех в них тяжелее греха того, кто нарушает [заповеди] действием; и с одной стороны это действительно так.

И вот, я изложу тебе все это кратко. Знай, что человека подобает судить по тому, в чем он способен исполнить волю своего Создателя более полно, чем тогда, когда он не исполняет Его воли, — нежели судить его по тому, что далеко от воли его Создателя. А то, что ближе всего к воле Всевышнего, — это доброе действие. И доказательство тому: хотя речение Всевышнего, благословен Он, совершенно само по себе и мысль Его совершенна у Него, пока Он не явил Свое речение и мысль в действии Своего труда, который Он совершил на глазах всего живого, Его совершенство не было явлено. И хотя у Него нет в этом никакой нужды, мы видим, что такова была Его воля. И Он уже сотворил [мир], так что творения познали Его чудесные деяния. А если бы не Его деяния — кто из постигающих смог бы постичь Его? И хотя деяния эти также сопричастны тем, кто постигает, ведь и сами постигающие сотворены.

Тем самым Он дал нам знать, что у нас нет постижения Его иначе как через созерцание Его деяний, свидетельствующих о Его величии. Так же, к примеру, обстоит дело и со стариком: хотя силы его уже ослабли, он уже совершил поступки; и если они были добрыми — о нем уже судят по ним, а если дурными — судят по ним же, и он по-прежнему влечется вслед за ними. И если он скажет своими устами нечто неподобающее, слушающий тотчас припишет ему дурной поступок и назовет его дурным человеком; если же он скажет доброе слово, слушающий припишет ему праведность и назовет его праведником. Однако мысль его содержит лишь образы воображения, и если он согрешит в ней по своему неразумию, то нарушит лишь внутреннее намерение. Но судят его только по действию: ведь если человек задумал совершить грех, его не карают за одну лишь мысль, пока он не претворит ее в действие; в отношении же добра дело обстоит противоположным образом. И на это намекнули мудрецы наши, благословенна их память: *«Добрую мысль Святой, благословен Он, приобщает к действию, а дурную мысль не приобщает к действию, пока [человек] не совершит поступка»* (Кидушин 40а). И это относится к проявлению свойства милосердия. Поэтому задуманная и высказанная цель распознается не иначе как через действие, и именно действие выводит

цель в действительность согласно тому, что высказано и задумано. Для обладателя же здравого интеллекта я уже вместил тайну общего правила о всех заповедях в немногочисленных словах в согласии с предметом.

Раздел 2 — часть зайн (י), знак пэй (ע): суть пользы заповедей

Когда я говорю, что каждая заповедь связана с другой, свидетелем тому служит весь мир, в котором каждая часть связана с другой: ведь весь мир представляет собой единого человека, подобно Аврааму, и наделен человеческой природой. Вторым свидетелем служит тело человека, все органы которого связаны друг с другом. А стихи Торы служат третьими свидетелями, будучи связаны один с другим. Из этого познается тайна сути пользы каждой заповеди, подобно тому как из упомянутых взаимных связей познается суть пользы их существования и их связи друг с другом. Ведь польза, на которую направлено действие, может заключаться в начале дела, в его середине, в его завершении, во всех трех [частях] или в некоторых из них. Но в том, что касается заповеди, поскольку каждая заповедь представляет собой целый мир сам по себе, польза в ней существует во время ее осуществления прежде всего ради нее самой. И, возможно, затем она приведет к иной пользе, ведь ничто не препятствует тому, чтобы заповедь заключала в себе множество полезных следствий согласно замыслу Заповедавшего ее, благословен Он; и наивысшая из всех этих польз будет той конечной целью, которую имел в виду Всевышний, благословен Он. И мудрец, автор «Путеводителя [растерянных]» (Рамбам), уже намекнул именно на это в связи с существованием небесной сферы, как известно из третьей части [его книги], и знай это оттуда. А поскольку заповеди связаны друг с другом, уже прояснилась суть их пользы в целом благодаря той связи, которая существует между ними и познанием Всевышнего, благословен Он. И об этом предостерегали мудрецы наши, благословенна их память, говоря о заповедях: *«Будь так же внимателен к заповеди легкой, как и к тяжелой, ведь ты не знаешь, какова награда за заповеди»* (Недарим 39б).

Раздел 3 — часть хэт (ה), знак рэйш (ר): необходимость существования пользы заповеди

Известно: поскольку польза заповеди состоит в том, чтобы направлять разум человека к служению Всевышнему и к достижению постижения Его, благословен Он, то если бы само ее существование не было необходимым по человеческой природе, Всевышний не предпосылал бы ее постижению. А поскольку польза является целью заповеди,

существование пользы еще более необходимо, нежели существование самой заповеди. Польза же эта разделяется на известные части: одни из них относятся к этому миру, а другие — к миру грядущему. И если так, тебе стало ясно, что эта связь неразрывна — а именно связь между необходимостью существования заповеди и необходимостью существования ее пользы. Это очевидно и не требует пространных разъяснений.

Раздел 4 — часть тэт (𐌹), знак далет (𐌺): смысл необходимости заповеди и ее пользы в целом

Очевидно, что о человеке, постигающем своего Создателя, соблюдающем Его заповеди и благоговеющем пред Ним, с одной стороны, справедливо сказать, что ради него сотворен мир. А для того, о ком справедливо сказать, что мир сотворен ради него, вскоре станет ясно, что существует веская причина со стороны его природы предложить ему заповеди, необходимые и полезные. Ведь если бы заповеди не дисциплинировали человека и не приводили в равновесие его разум, не нашлось бы среди всех живых существ никого, кто мог бы и умел помогать, как человек. И потому невозможно было обойтись без заповедей, восполняющих то, чего недостает, и умеряющих то, что в избытке, чтобы всякий недостаток пришел в совершенный порядок; чтобы проявляющий чрезмерность умирил ее, пока состояние его не изменится, а проявляющий недостаток прибавил, пока путь его не станет уравновешенным. И все это было Б-жественным замыслом, чтобы природное начало, охватывающее сотворение человека, возвысилось благодаря преимущественно прямому управлению согласно Торе, и чтобы всякий неразумный уподобился разумному, пока не осуществится задуманное в тех личностях, которые переходят в действительность. А раз так, прояснился смысл всякой заповеди в целом, смысл ее пользы и смысл необходимости их существования — то есть самой заповеди и пользы, рождающейся из нее.

Раздел 5 — часть йод (𐌽), знак йод (𐌽): ущерб от отсутствия заповеди

После того как стало известно, что конечная цель пользы заповеди состоит в том, чтобы привести исполняющего ее к жизни в будущем мире, ущерб от ее отсутствия противоположен пользе ее существования. На это мудрецы намекнули в своем поучении: *«Сопоставляй потерю от [исполнения] заповеди с наградой за нее, а выгоду от греха — с ущербом от него»* (Авот 2:1); то есть знай, что насколько велика польза, настолько же велик и ущерб. И сколь велик ущерб от [неисполнения] заповеди, ведь он становится причиной утраты жизни в будущем мире — а это такая утрата, которую уже никогда

невозможно будет вернуть, подобно тому как невозможно когда-либо потерять то, что было благодаря ей приобретено. После того как в двух упомянутых первых разделах мы предварительно рассмотрели предмет, необходимый и весьма полезный для нашего намерения, мы вновь обратимся к рассуждению об оставшихся восьми частях с помощью ШАДАЙ (יְשׁוּעָה).

Часть 3: Тайна святого языка

Третья часть: буквенные знаки ее [частей] — каф (כ) и ламэд (ל), частей в ней две, и разделов в ней два, а слово [из знаков] — бэт (ב) и нун (נ).

Раздел 1 — часть каф (כ), знак бэт (ב): тайны языков

Относительно каждого языка, распространенного в каждом из народов, следует понимать: цель его существования заключается не в самой природе человека, а в том, чтобы передавать мысль, возникшую в душе одного человека, в душу другого человека. И язык [как орган речи] вместе с пятью местами [сочленения] во рту служит орудием, готовым для этого действия передачи мысли на любом языке — то есть на общепринятом языке каждого народа. Известно и общепризнано, что языков множество — не менее семидесяти, поскольку и народов, различающихся между собой своими законами, также не менее семидесяти. Если же их больше, это не невозможно и вполне допустимо; и если бы дело обстояло так — то есть если бы народов было больше, — то неизбежно и языков стало бы больше. И тогда принятое предание о семидесяти народах мы истолковали бы в том смысле, что их просто множество. Ведь число семь, или семьдесят, и подобные им семерки в нашем языке допускают толкование как указание на множество. И различие между народами обусловило разницу в их законах, верованиях, некоторых обычаях, а также во всем их языке и письменности.

Однако понятия, пребывающие в душе любого народа и в душе всякого иного [человека], в общем и в частности, все происходят из одного источника. И о них в целом можно сказать, что они направлены к единому общему первому замыслу. В том же, что присуще [человеческой душе] по природе, ничто не меняется само по себе, разве что привходящим образом. Известно, что привходящее большей частью разделяется между волей и природой; то же, что обусловлено природой, не может измениться со стороны самой природы. Если же в ней изредка что-то и меняется посредством Б-жественного волевого чуда, то это происходит через пророка — ради подтверждения истинности его пророчества в какой-то части природного бытия; но это не охватывает весь мир, так как это [абсолютно] невозможно. Ведь у невозможного есть постоянная природа, и изменить ее нельзя. Иногда же изменение происходит по необходимости и помимо подтверждения пророчества пророка.

Однако это бывает лишь ради какого-либо постижения Славного Имени и в силу необходимости речи, связывающей человека с Б-гом. А именно: чтобы возвестить видящим изменение, когда оно случается на земле. При этом невозможно, чтобы такое

изменение оставалось навсегда отличным от того, что было заложено в его природу изначально; напротив, произойдет еще и второе изменение — при возвращении к его первоначальной природе и закону. И в этом возвращении удостоверяется и утверждается чудо, становясь истинным чудом.

Подобное может произойти и на небесах — в частном, отдельном движении, но не в общем и не в какой-либо из телесных частей; то есть так, чтобы какая-то звезда изменила свою природную сущность. Ведь высшая телесная часть пребывает в своей сущности благодаря сохранению того, что именуется «целым» в нижних [мирах]. Более того, непосредственная причина сохранения того, что у нас представляет собой целое, — это существование высшей части, и высшая часть сохраняет все нижнее. И хотя существование части — в целом, а целого — в частях, в высших [сферах] ничто никогда не меняется ни в своей сущности, ни в каком-либо из своих привходящих свойств, кроме отдельных моментов кругового пространственного движения, запечатленного в небесных сферах. Ведь всякое движение есть изменение, но не всякое изменение есть движение. Необходимость же различия между народами возникла изначально из различия высших и нижних мест, поскольку весь мир находится в определенном месте привходящим образом, а [его] части нуждаются в месте и во времени. Что же касается человека, то он представляет собой целое, а его части многочисленны, распространяются и причастны к тому, что является целым и частью. При этом имя первого целого и имя последней части в этом целом называются одинаково: имя отдельного человека и имя человека вообще, то есть название вида. И то, что именуется «целым», оказывается предельным целым, за пределами которого нет иного целого, подобно наивысшему роду (роду родов), над которым нет другого рода, если говорить притчей. А то, что именуется «частью», оказывается предельной частью, ниже которой нет другой части, подобно низшему виду (виду видов), под которым нет иного вида, если говорить образно. И если вид составлен из множества [особей], то и отдельный человек составлен из множества органов. Разница же между ними в том, что состав вида складывается из [отдельных] частей, тогда как состав отдельного человека скреплен воедино своими частями. В первом случае это множество тел, не соединенных между собой, а во втором — множество органов, соединенных воедино. Они отличаются и тем, что у каждого человека есть собственный управитель, подобно тому как у каждого органа есть собственный управитель; и как у одних есть частные и общие силы, так и у других есть частные и общие силы. Все части мира уже уподобляли телу человека в его общих и частных свойствах, и особо выделили человека говорящего — то есть разумного (постигающего), чтобы уподобить мир именно ему, а не какому-либо иному животному, поскольку он обладает интеллектом и составлен из множества органов.

И в первой части «Путеводителя» [растерянных] Б-жественный наставник раскрыл эту удивительную тайну; взглядишь в него, и ты поймешь ее оттуда. И знай, что с каждым

человеком из тех, кто совершенен телом, душой и интеллектом, пребывает Б-г. Он Един и изливает [благо] на всех, и изливание едино для всех, хотя они и различаются степенями [достоинства]. И поскольку Б-жественное изливание безмерно велико — соответственно тому, что получающим его нет числа, если принять в расчет всех людей прошлого, настоящего и будущего из рода человеческого, — то этому изливанию по праву должно быть ближе к Б-гу, благословен Он, чем изливанию, ниспосылаемому на небеса в их частностях. Ведь небеса — это тела, принимающие изливание, и они имеют предел (исчислимы), а то, что исчислимо, не сравнится с тем, что не имеет предела на деле. Поскольку сохраняющиеся интеллекты людей не имеют числа, тогда как существующие интеллекты небес [конечны и] исчислимы. И потому этому возвышенному, славному действию, превосходящему все действия в мироздании, подобает относиться к Б-гу, да благословится Имя Его. И потому Б-г избрал род человеческий, чтобы его удел в Его действии был больше, чем у кого-либо другого из высших и низших, — и это в силу его интеллекта. И благодаря этому мы знаем, что Активный интеллект, действующий в нас как актуальный интеллект, есть владыка всех миров, а не какой-либо иной из всех отделенных интеллектов. И хотя этот наш интеллект является десятым, он есть всё, и по достоинству он выделен перед Первопричиной превыше всех. И вот, Его Единое Имя служит тому верным свидетелем, как будет объяснено.

Поскольку же действие его завершающее, имя его соотносится с последним числом, а поскольку по достоинству оно первое, оно соотносится с первым числом. И так как его действие подобно небесной сфере (колесу), вращающейся по кругу, ибо оно действует в том, что есть, было и будет, — то есть в частях человеческого рода, каковыми являются отдельные конкретные люди, — имя его соотносилось со средним круговым числом. Первое же число — это первый край, подобный первому человеку (Адаму а-Ришону). На последний же край указывает последнее число, подобное последнему человеку. А среднее между ними, на которое указывает особое среднее число — являющееся пятью с одной стороны, пятью и шестью с другой стороны, и шестью отдельно с третьей стороны, — подобно человеческому роду, находящемуся между первым отдельным человеком и последним отдельным человеком. И потому первое и последнее суть по одному, а средних — два, по подобию обоих крайних, ведь и они соединены по одному. Если же ты повернешь колесо (сферу), указуемое обратится: два средних станут началом и концом, а то, что было началом, станет серединой, и то, что было концом, также вернется в середину. И в этом тайна Славного Имени.

И знай: из этого порядка бытия, предшествующего народам и языкам, с необходимостью вытекает, что народы сменяют друг друга во владычестве, переходя от одного к другому и от того к следующему. И с необходимостью следует, что Провидение обращается среди них подобно *«крувим и лезвию обращающегося меча, [поставленным] к востоку от сада Эденского, чтобы охранять путь к древу жизни»* (Берешит 3:24). И

из обращений букв Имени Б-га с необходимостью вытекает перемена воззрений и форм, смена народов и изменение их законов. Более того, всякое круговое или прямолинейное движение обращается по подобию противоположных движений Единого Имени, а материальные субстанции бытия уподобились материи этого Имени. А она — это буквы, служащие материей речи. И как материя бытия пребывает в пяти местах — в четырех стихиях и на небесах, так и речь пребывает в пяти местах [сочленения] во рту. Поскольку же формы бывают как частными, так и общими, движениям в мироздании также необходимо быть общими и частными. И все это с необходимостью проистекает из Имени, чьи движения также были общими и частными. И точно так же движения всех языков одинаковым образом обращаются в пяти первых движениях: три из них — небесные, круговые, а именно с запада на восток, с востока на запад, и их отклонения в две стороны, вправо и влево; и хотя круговое движение включает в себя все три и по сущности едино; а две другие — стихийные, прямолинейные: сверху вниз и снизу вверх; и хотя прямолинейное движение включает в себя обе и едино.

Таким образом, все движения объединяются в наивысшем роде (роде родов) под именем «движение», а две его первые части — круговое и прямолинейное — служат видами движения. И круговому подчинены три: восточное, западное и отклоняющееся, а прямолинейному подчинены два: восходящее и нисходящее. Точно так же они пребывают в самой речи по образу ее и подобию, ибо из того, что существует во всяком языке, с необходимостью возникло то, что существует в мире. А поскольку движения представляют собой привходящие свойства, они нуждаются в направителе, который управлял бы ими в материальных телах. Направитель же должен разделяться на две части: один направляет и движется вместе с тем, что направляется, а другой направляет, но сам не движется вместе с тем, что направляется. Поэтому к огласованным буквам — где огласовки подобны формам движений — с необходимостью должно было присоединиться третье начало: то, что именуется знаками кантиляции и напевами. И для букв и огласовок они словно души, которые также движутся вместе с ними, когда приводят их в движение, — с той лишь разницей, что их движение привходящее, а движение букв сущностное. И в силу этого всему данному [строю речи] необходимо должен был предшествовать неподвижный движитель, приводящий все в движение извне, — то есть отделенный от них по своей сущности и изливающий на них [свое влияние] посредством присмотра; и это — человеческий интеллект, приводящий в движение все языки. И он неподвижен ни сущностно, ни привходящим образом; речь идет о человеческом интеллекте, действующем в роде людском актуально с его собственной стороны и потенциально со стороны самих людей. Именно он изменил языки после того, как они были единым целым, понятным всякому говорящему. Ведь и сегодня язык по сути един, но стал непонятен каждому говорящему, и причиной тому было рассеяние народов.

Как на это намекает тайна разделения [поколений] в словах *ва-яфец* — «и рассеял» (וַיַּפֵּץ) и *балаль* — «смешал» (בָּלַל): ведь если один народ находится в Индии, а другой — в Эфиопии, будучи предельно удален один от другого, и язык первого принят по соглашению в его краях, а язык второго — в его краях, и один не видит другого, и нет между ними торговли и общения, то это разделяющее их расстояние и послужит причиной того, что один народ не понимает языка другого. Ведь уже было объяснено, что языки установлены по соглашению, тогда как речь природна, а не основана на соглашении. При этом природа человека не принуждает его непременно реализовывать то, что заложено в нем лишь как возможная потенция — способность к речи и ко всем ремеслам; ведь если человека им не научат, он никогда их не узнает. Они заложены в человеке как возможность, а не как юность и старость, которые заложены в нем как необходимая потенция, непременно переходящая в действие, и ничто не может этому воспрепятствовать, кроме разве что утраты его [телесной] формы.

Поэтому те свойства приходят к человеку не от учения и привычки, а от природы; знание же ремесел и понимание речи — это душевные силы, нуждающиеся в том, кто переведет их из потенции в действие. И если не найдется того, кто перевел бы их, они никогда не проявятся. И поскольку человек по своей природе разумен потенциально, то если его обучат — он воспримет, а если нет — то нет. А так как он уподобляет одно понятие другому, то даже если он сам не учился, но увидел того, кто учился, и представил себе его действие, он может случайно, без систематического обучения, совершить нечто подобное его действию, либо соединить одно действие с другим и породить из них третье действие, поскольку все следует за природным основанием. И потому ты обнаружишь, что на пограничных окраинах двух соседних народов каждый знает язык соседа. И, возможно, это [взаимное влияние] широко распространится в одном народе и незначительно в другом, либо широко в обоих — так что слушающий их речи подумает, будто это один и тот же язык; либо незначительно в обоих, так что различие между ними будет заметным.

Однако обитатели далеких окраин вовсе не понимают друг друга. И вот, с языками произошло то же, что со стихиями: хотя с языками это произошло по соглашению, и причиной была отдаленность между ними, а со стихиями это происходит по природе, — причина у обоих явлений одна, и это отдаленность. Ведь та стихия, чьи части близки к соседней стихии, превращается в нее, а та своими частями превращается в первую. Поэтому огонь легко превращается в воздух, а воздух — в огонь в их близких частях. Точно так же воздух легко переходит в воду, а вода — в воздух в их близких частях; и так же вода — в землю, а земля — в воду в их близких частях. Но взаимное превращение земли и огня на их [естественных] местах затруднено, поскольку между ними крайняя отдаленность, и оно легко лишь тогда, когда они оказываются вблизи друг от друга. И это

с необходимостью вытекает из того, что материя четырех стихий есть единая первоматерия, общая для всех четырех. И подобное произошло и с самими языками, поскольку все они также обладают единой материей — всеобщей речью, частями которой являются двадцать две буквы. И то рассеяние, которое постигло избранный народ, рассеянный по лицу всей земли, привело к тому, что он забыл свой язык и стал говорить на языке тех, кто был близок к нему по соседству; и это стало Б-жественной причиной для того, чтобы в конце концов достоинство речи вернулось к своей древней [полноте], когда этот избранный народ соберется в особом месте. Ведь это собрание будет охватывать все языки, существующие на земле, и послужит причиной того, что все заговорят на общепринятом между ними языке, и все языки соединятся в едином составе; поскольку конечная цель языка — передавать смыслы из души в душу. Так что по прошествии долгого времени носители этого составного языка уже не будут знать, какое слово принадлежало такому-то языку, а какое — такому-то, и этот язык не разделится на два. И это рассуждение близко к очевидной истине (первому умопостигаемому), ведь подобное происходит и сегодня с тем, кто говорит со своими маленькими домочадцами на двух языках и приучает их к этому: они полагают, будто все слышимое ими — не более чем один язык. И хотя следовало бы подробнее остановиться на тайнах языков, и мы могли бы раскрыть в них удивительные вещи, но нам потребовались бы пространные рассуждения и многочисленные предпосылки, чтобы подтвердить их сокровенный смысл ясными доказательствами. Поэтому довольно сказанного здесь в общих чертах, сообразно стремлению к краткости в этом сочинении.

Раздел 2 — часть ламэд (ל), знак нун (נ): тайна языка, избранного из всех языков

Мы уже сообщили общие сведения о языках и разъяснили, что Б-жественное излияние приводит их все в движение и служит причиной их существования, переводя их из потенции в действие. Поскольку это так, необходимо выяснить, равны ли они все перед Ним или не равны. И так как все они суть Его действия, мы скажем: известно, что они равны перед Ним с Его стороны, и они равны перед Ним со стороны своего существования, поскольку их материя — это всеобщая речь, которой Он придает частные формы, являющиеся умопостигаемыми постижениями, извлекаемыми из речи. И коль скоро само постижение одинаково, то и все равно; различие же между языками подобно различию между народами и различию между их письменностью. И известно, что всякий народ, обладающий Торой, заповедями, законами и правосудием более праведными, нежели у других, более почитаем перед Тем, Кто изливает [благо] на всех. И чем дальше народ отстоит от упомянутого всеобщего закона, тем дальше он отстоит от Того, Кто является Первопричиной ниспослания веры — то есть от Б-жественного излияния,

приводящего в движение всеобщую речь. И среди народов уже стало общеизвестно, что наш народ — первый народ, принявший Тору из уст Всемогущего, и ни один народ этого не отрицает. А то, в чем все согласны и что уже стало общеизвестным, не требует доказательств. Если так, то тот, чье положение перед Изливающим [благо] выше, чем у остальных, — и язык его перед Ним превосходнее прочих языков. И свидетельством тому служит то, что на языке этого избранного народа Он изрек ему все, что изрек, и его письменами повелел записать все, что следовало записать. Более того, то, о чем сказано, что оно начертано Его десницей на двух каменных скрижалях — понимать ли это только буквально, или же совмещая прямой смысл и сокровенный, так что оба они истинны, или лишь один из них, — было начертано на святом языке, и предание об этом непрерывно сохраняется до сегодняшнего дня. Если же кто-нибудь скажет: «Действительно, так было, но [Б-г] увидел, что этот народ недостоин столь высокой ступени, и заменил его другим народом, изменил его законы и заповеди, уменьшил их и переменял его письменность», — то утверждающий подобное тем самым поневоле признает бывшее достоинство этого народа, достоинство его языка и достоинство его письменности.

И признав основу, он затем выдвигает против нее возражение, видя, что ныне мы лишены этих трех упомянутых достоинств. И мы не станем спорить с ним по поводу ощутимого изъяна, ведь если бы мы отрицали чувственно воспринимаемое, то не смогли бы подтвердить умопостигаемое, так как чувственно воспринимаемое предшествует ему по природе, хотя умопостигаемое предшествует чувственно воспринимаемому по достоинству, как это было разъяснено на путях пяти предпосылок. Мы и сами признаем правду: сегодня нам недостает этих трех достоинств, но вовсе не потому, что одно было заменено другим. Это подобно человеку, у которого была драгоценная жемчужина, и он желал передать ее в наследие своему сыну. И в то время, когда он обучал сына путям богатства, чтобы тот осознал достоинство жемчужины и полюбил ее так же, как любит ее отец, сын рассердил своего отца. Что же сделал отец? Он не захотел отдавать жемчужину в чужие руки, чтобы сын не лишился наследства, если одумается и помирится с отцом; вместо этого он бросил ее в яму, сказав себе: «Если мой сын не раскается, я не хочу, чтобы он унаследовал ее, а если раскается — не хочу, чтобы он ее потерял. И пока он не вернется, она будет сокрыта в яме, а когда вернется — я тотчас подниму ее из ямы и отдам ему». И все то время, пока он не возвращался, слуги его отца приходили и досаждали сыну изо дня в день, и каждый из них хвастался, будто господин отдал жемчужину ему. Сын же не обращал на это внимания, так как в нем еще не было разумения. Спустя время они так извели его, что он раскаялся и вернулся; отец простил его, поднял жемчужину из ямы и отдал ему. Увидев это, слуги отца тотчас пали ниц и устыдились своей лжи перед сыном, и им пришлось долго упрашивать его великими мольбами о примирении, чтобы он простил им обиды, которыми они его изводили. Точно так же обстоит дело у нас с теми, кто утверждает, будто Б-г заменил нас ими: нам нечего ответить [им] до тех пор, пока мы не

умилостивили Б-га за грехи, совершенные перед Ним. Однако когда мы вернемся к Нему и когда Он вернет нас из изгнания, те, кто позорил нас, устыдятся перед нами, видя, что Г-сподь возвратил нас из плена; и то, на что они надеялись и что воображали, было лишь иллюзией, мы же пострадали за свои грехи, и они были очищены до конца.

И поскольку мы ныне еще не находимся на той ступени, на которую надеемся взойти каждый день, спор о том, кому принадлежат сокровище и истина — нам или нашим врагам, — все еще остается неразрешенным, пока не придет Решающий, Который извлечет жемчужину из ямы и отдаст ее тому, кому пожелает: нам или им. И тогда истина выяснится со всей ясностью, и сокровище вернется к своим законным владельцам, достойным унаследовать его, именуемым «сыновьями», и исчезнут зависть и ненависть, и упразднятся мнимые помыслы в сердцах, и каждый человек будет смотреть на каждого из представителей человеческого рода как на своего ближнего, а на ближнего — как на самого себя, подобно тому как человек видит каждый из своих органов: хотя один отличен от другого, каждая часть для него представляет собой целое.

И тогда *«многие будут скитаться, и умножится знание»* (Даниэль 12:4), и не будут учить больше друг друга, говоря: *«Познайте Г-спода»*, ибо *«все они будут знать [Меня], от малого из них до великого»* (Ирмеяу 31:33), подобно водам в море, как сказано: *«...ибо наполнится земля познанием Г-спода, как воды покрывают море»* (Йешаяу 11:9). И раз это так, все признают, что избранный среди всех языков издревле — это святой язык. И потому пророкам открылось через него в тайне Явного Имени (Шем а-Мефораш) то, что не открылось никому иному из представителей человеческого рода. Да и сама природа повелевает, чтобы Б-г избирал нечто одно, особенное среди всех частных явлений, — подобно тому как Он избрал [небосвод] Аравот среди всех небесных сфер. Как сказали [мудрецы]: «Семь небесных сводов сотворил Святой, благословен Он, в Своем мире, и из всех них Он избрал престолом славы Своего царства лишь Аравот» (Психта де-Рав Кахана 23), и это седьмой [свод], хотя название «Аравот» многозначно. И видно среди всех звезд небесных, что Б-г избрал солнце превыше всех; и видно среди стихий, что огонь — избраннейший из всех и находится выше всех; и видно среди металлов, что золото — превосходнейшее из всех; а среди плавающих животных — что Левиафан превосходнее всех; а среди деревьев — финиковая пальма превосходнее всех; а среди летающих — орел превосходнее всех; а среди четвероногих — бык среди домашних животных (называемых скотом) и лев среди диких (называемых зверями); а превыше всех них — человек; [а из людей — Исраэль]; а из Исраэля — колено Леви; а из колена Леви — священник-пророк. Вот уже и проявился тот замысел, о котором мы хотели возвестить в этой третьей части: что избранный из всех языков — это святой язык.

Часть 4: Тайна букв творения

Четвертая часть: буквенные знаки ее частей — мэм (מ), нун (נ), самэх (ס), айн (ע), пэй (פ); частей в ней пять, и разделов в ней пять, а имя, [составляемое знаками], — *Шмуэль* (שמואל): шин (ש), мэм (מ), вав (ו), алеф (א), ламэд (ל).

Раздел 1 — часть мэм (מ), знак шин (ש): сотворение человека

«Сефер Йецира» свидетельствует, что при помощи двадцати двух букв были созданы три творения: первое — мир, второе — год, и третье — душа. Мир — это огонь, вода и воздух, и созданы они буквами алеф, мэм, шин (אמ"ש); семь планет созданы буквами бэт, гимель, далет, каф, пэй, рэйш, тав (בגד כפר"ת); а двенадцать созвездий созданы буквами хэй, вав, зайн, хэт, тэт, йод, ламэд, нун, самэх, айн, цади, куф (ה'יז'ח' ט'י'ל'נ' ס'ע'צ'ק). Таковы мир в целом и его частности в общем виде. Год же создан из мира — это тепло, холод и насыщение влагой, которые также созданы из огня, воды и воздуха буквами алеф, мэм, шин. И семь дней творения также созданы из семи планет буквами бэт, гимель, далет, каф, пэй, рэйш, тав. И двенадцать месяцев года также созданы из двенадцати созвездий буквами хэй, вав, зайн, хэт, тэт, йод, ламэд, нун, самэх, айн, цади, куф. Таковы год в целом и его частности в общем виде. Душа же создана из мира во всеобщем годе и в его частях; и это голова, живот и туловище, которые также созданы из огня, воды и воздуха буквами алеф, мэм, шин. И семь врат [в теле человека] соответствуют семи планетам [и созданы] буквами бэт, гимель, далет, каф, пэй, рэйш, тав; и двенадцать управителей [в теле] соответствуют двенадцати созвездиям [и созданы] буквами хэй, вав, зайн, хэт, тэт, йод, ламэд, нун, самэх, айн, цади, куф. Мир и все созданное в нем — сущностны; год и все его части — привходящи; душа же и ее части — телесны. Впрочем, из букв-матерей, называемых также отцами, корнями и основами, созданы еще три вещи: небеса, земля и воздух. Все три они — тоже тела, однако небеса просты и чисты, подобно огню; земля сложна и мутна, подобно воде; а воздух — промежуточный, соединяющий их, подобно духу (ветру). Тли (небесный Дракон) в мире — как царь на престоле своем; сфера в годе — как царь в государстве; а сердце в душе — как царь на войне. Тли подобен небесному засову (оси): когда голова его в одном созвездии, хвост его — в седьмом по отношению к нему, ровно напротив, от ста восьмидесяти градусов до ста восьмидесяти градусов из трехсот шестидесяти градусов, на которые разделена сфера. Голова его — заслуга, хвост его — вина, а сердце его склоняет весы между ними. Сфера же подобна окружности с двумя противоположными концами, а середина склоняет весы между ними.

Душа же — это сила, добавленная к сущности тела; она движет тело сущностно, а сама движется вместе с ним привходящим образом. Обитель этой силы — в сердце, и она служит формой сердца, потому и называется «сердцем». Душа также зовется «кровью», и сердце держится силой крови. Кровь же — это первое, что образовалось в человеке; поэтому слова *адам* — «человек» (אָדָם) и *дам* — «кровь» (דָם) близки по смыслу; в их число входят также *димьон* — «воображение» (דְמיוֹן), *адама* — «земля» (אֲדָמָה), *дмут* — «образ» (דְמוּת) и *дмама* — «безмолвие» (דְמָמָה). И каждое из них отличается смыслом от остальных, но соединяется с ними благодаря скрытым намекам.

Первое возникновение человека — событие привходящее: это излияние семени (*кери*, קֵרִי), служащее названием семенной влаги, и это семя белое. Будучи семенем, оно разделяет общее название со всяким семенем, белизна же его привходяща; в ней заключена тайна белого снега, на что намекают слова: «подобное кладке из сапфирового кирпича» (Шмот 24:10), а в высших мирах — «подобие камня сапфира, образ престола» (Йехезкель 1:26). Однако то высшее соотносится с именем «камень» (*эвен*, אֶבֶן), а это нижнее — с именем «кирпич» (*левена*, לֵבֶנָה); у того же, чья речь смешалась, кирпич стал вместо камня. Свойство кирпича слабо, так как это материя, легко поддающаяся воздействию и возникновению, легко изменяющаяся и разрушающаяся; это предмет, соединенный искусственным действием, совершаемым руками человека, и таково свойство нижней первоматерии. Свойство же камня прочно, так как это материя, с трудом поддающаяся воздействию и возникновению, с трудом изменяющаяся и разрушающаяся; это предмет, соединенный естественным действием природы, действие которого не воспринимается чувствами и не схватывается воображением, но постигается интеллектом. И таково свойство высшей первоматерии. Всевышний уже намекнул на них там, где указал на тайну формы человеческого постижения, сказав: «И был на всей земле один язык и одни речи» (Берешит 11:1). Это призвано показать, что постижение присутствует в человеке благодаря присущей ему способности речи, и что устремление во всех его силах едино: они получают от него излияние в едином равном постижении, и способности речи совершенны, без разногласий. В этом и состоит тайна слов «один язык и одни речи». Писание также намекнуло, что эти силы движутся в обители света, и оттуда начинается их спуск; об этом сказано: «И было, когда двинулись они с востока, нашли они долину...» (Берешит 11:2). И на это намекнули мудрецы (ХАЗАЛЬ), сказав: «Когда они двинулись прочь от Предвечного мира» (Берешит Рабба 38:7). Ведь это свет интеллекта, соотносимый с востоком, откуда свет исходит в мир: востоку имя *кедем* (קֵדֶם). А о словах «и нашли долину в земле Шинар» мудрецы толковали, что это земля, в которую были сметены (*нинеару*, נִינְעָרִי) воды потопа — от стиха: «И потряхнул Г-сподь Египет» (Шмот 14:27). Я же принял по традиции, что здесь содержится намек на возвращение умопостигаемых сил к незрелому отрочеству (*наарут*, נַעֲרֻת) в том месте, где пребывает

отрочество. Потому и сказано: *«и поселились там»*, ведь они не сошли с пути детства и юношеской поры, когда способность речи пребывает в смятении. *«Посему наречено имя ему Вавель, ибо там смешал Г-сподь язык всей земли»* (Берешит 11:9), и первоначальная цель постижения была утрачена. Потому и сказали, что они замыслили объединение: ведь объединение служит причиной интеллектуального порядка, послушания сил друг другу и следования одной за другой по установленному чину. Рассеяние же происходит от расстройств намерений и мнений. И после того как от них удалилось постижение истины, и стал у них кирпич вместо камня, а глина была вместо извести, разве возможно было построить места единения — город, вмещающий всю совокупность сил, и башню, служащую обителью властвующего над ними начала, местом способности речи, соотносимой с головой, как намекнули строители словами: *«и башню главою до небес»* (Берешит 11:4)? Это показывает: если между намерениями возникло смятение, исполнить желаемое уже никогда невозможно. И поскольку постигающему не подобает помышлять в постижении о том, чтобы сделать себе имя, и не подобает искать постижения ради награды — ведь это служение не бескорыстное, — интеллект выносит приговор вовсе не достигать постижения и наказывает за это силы, лишая их повиновения друг другу и возможности объединиться вместе. Об этом сказано при их наказании: *«Сойдем же и смешаем там язык их, чтобы не понимал один речи другого»* (Берешит 11:7); и тотчас покарал их, как сказано: *«И рассеял их Г-сподь оттуда по лицу всей земли»* (Берешит 11:8). И при всем том, хотя мы и указали на сокрытый смысл этих событий, стихи Писания не теряют своего буквального значения.

Поскольку же ничто не вынуждает нас считать, будто этот рассказ — лишь притча, лишенная прямого смысла, мы прежде всего принимаем простой смысл буквально, когда ни одно интеллектуальное препятствие его не опровергает, а затем извлекаем толкования в тайном ключе, насколько текст это допускает. Ведь все, что истолковывается в сокрытом смысле, указывает на мудрость более глубокую и более полезную для избранного человека, чем прямое указание открытого текста. Открытый смысл написан ради пользы простого народа, не обладающего рассудительностью, чтобы отличить истину от лжи. Но это не приносит пользы человеку разумному, ищущему подлинного совершенства в способности речи. Ведь если бы родилась и умерла тысяча человек, и прожил бы каждый из них по тысяче лет, и произошло бы с каждым из них по тысяче событий за его век — одни в виде награды, другие в виде наказания, а третьи вовсе без награды, как чистая случайность, иные же без наказания, и одни возвышались бы, а другие падали, — какая польза во всем этом бесхитростном повествовании для избранника, уже знающего пути управления мирозданием?

Поэтому он ищет в этих словах путь, полезный для него самого и отвечающий той ступени, на которой он находится. Он знает также, что автор [Писания] имел в виду соединить воедино обе крайности (прямой и сокрытый смысл) в своих словах всюду, где

только возможно сделать это через намек. Ведь рассеяние народов служит для нас чувственным свидетельством, а разнообразие языков — умопостигаемым свидетельством того, что все произошло буквально так, как сказано. Общая польза здесь — познать пути наказания и награды, исходящие от Всевышнего по Его провидению над совокупностью творений, сообразно их поступкам, речам и мыслям, так как все три эти начала включены здесь. Частная же польза для избранника состоит в том, чтобы постичь сокровенное, на которое намекают ступени постижения: ведь именно там заключены его истинная награда и наказание, тогда как всякая иная награда и наказание ничтожны для него в сравнении с ними. Ведь первые душевны, а вторые телесны. И мы включили это рассуждение в наши слова лишь для того, чтобы пробудить мысли разумных к истине вещей. Этот труд написан только для людей разума, принявших общие предпосылки в согласии с преданием Торы, действительно восходящим к Всевышнему. И поскольку речь наша шла о сотворении человека и о заложенной в нем способности речи, готовой воспринимать умопостигаемые формы и переходить в действие благодаря излиянию интеллекта, воздействующему на нее, пока человек облечен материей, — нам потребовалось сообщить тайну материи созидания, и потому мы включили в наш предмет тайну поколения Разделения в целом, в виде замечания и краткого намёка. Вернемся же к предмету и скажем: естественный закон созидания человека определил человеку быть завершением всего сотворенного, чтобы в нем были собраны воедино все силы — природные, волевые, привходящие и интеллектуальные. Они также разделяются так, что часть из них — духовные, а часть — телесные; часть пребывает в нем в потенциале, а часть — в действии; те же, что пребывают в потенциале, разделяются на две основные части: близкий потенциал и далекий потенциал. Существование же органов указывает на существование действующего начала — близкого или далекого: тела, или силы в теле, или того, что не есть тело и не есть сила в теле, так как это разделение строго необходимо. Точно так же всякий сущий предмет — чувственно воспринимаемый или умопостигаемый — свидетельствует о существовании Своего Создателя и Деятеля и указывает на Его сущность после надлежащего исследования.

После того как мы напомнили, что все сущее заключено в форме этого отдельного совершенного человека, ясно: зная все его устройство, мы познаем через него все сущее. Поэтому мы исследуем только его устройство, в общем и в деталях, и этого будет достаточно — словно мы исследовали все мироздание, поскольку человек заключает в себе все. И мы скажем: тем, что человек — последнее из творений и представляет собой всё путем предельной сложности сочетаний, он подобен Своему Создателю, благословен Он, Который есть Первое Сущее и есть Всё путем абсолютного отсутствия всякой сложности. Простота и единство Его достигают предельной меры, какая только возможна для простоты и единства: в сущности Его нет никакой сложности — ни сущностной, ни привходящей, ни через отношение к чему-то иному, ни через отношение чего-то иного к

Его сущности. Все сущие произошли от истинности Его бытия; все они — возможно сущие сами по себе и необходимо сущие по своей Причине, Он же — Необходимо Сущий исключительно Сам по Себе. По этой причине надлежало, чтобы Всевышний непременно осуществлял провидение над человеком с обеих сторон и Сам склонял весы между двумя его сторонами. Одна из них — со стороны простого начала в человеке, то есть способности речи, называемой душой. Вторая сторона — со стороны сложного начала в человеке, то есть материального начала, называемого телом. Начало же, склоняющее весы между ними, — это интеллект, изливающийся на них, и он отделен от них. Ведь речь разделяется между ними обоими: она сопричастна телу и сопричастна душе. Точно так же мысль разделяется в них надвое: одна — духовная, интеллектуальная, а другая — телесная, воображаемая; и точно так же действие разделяется надвое — на добро и зло.

Речь, исходящая из уст, разделяется на шесть частей, составляющих шесть пределов: истина и ложь, добро и зло, благословение и проклятие. Древние мудрецы уже говорили, что и эти части разделяются на подразделы. Они поместили середину между истиной и ложью, назвав ее «смешанным», и это «смешанное» также разделили на части. Известно, что нет истины большей, чем истина, и нет лжи большей, чем ложь, однако есть вещи, которые не являются ни истиной, ни ложью; есть близкие к истине и далекие от лжи, и есть близкие ко лжи и далекие от истины. Ведь истина и ложь — это две противоположные крайности, за которыми нет предела того же рода, и они представляют собой две абсолютные границы. И хотя истина есть нечто сущее, а ложь — несущее, именно поэтому смешанное стало серединой между этими крайностями и само разделяется по степени близости или удаленности от каждой из них. Одну крайность они называли чистой истиной, а другую — чистой ложью. Середина же — наполовину истина и наполовину ложь, а ее подразделы — большей частью истина и большей частью ложь. Что же касается подразделения на то, что не является ни истиной, ни ложью, оно не относится к этому правилу деления. Известно, что речь указывает на сущий предмет: если предмет действительно существует так, как сказано в речи, этой речи усваивается наименование «истина» со стороны сущего, на которое она указала. Возможно также, что речь берется указать на некий предмет как на существующий, но этот предмет вовсе не существует так, как сказано в речи.

Тогда этой речи усваивается ложь, поскольку сущее не подтвердило того, как о нем было сказано в речи. Если же речь берется указать на два сущих предмета, из которых один существует, а другой отсутствует, то речь соотносится с ними пополам: она наполовину истинна со стороны сущего и наполовину ложна со стороны отсутствующего. Точно так же при преобладании или меньшинстве все определяется соотношением сущего и отсутствующего. Подобным же образом из сказанного в речи постигаются добро и зло, благословение и проклятие — по образу истины, лжи и их подразделов. Точно так же обстоит дело и с самой мыслью. Действие же охватывает добро и зло, однако истина и

ложь не относятся к нему сущностно, а лишь привходящим образом. Это подобно тому, как если ты скажешь: «Такой-то написал такую-то книгу», — в этом утверждении истина или ложь присутствуют привходяще. То есть высказывание возвращается к сути действия и к деятелю: совершил ли деятель то действие, о котором сказано, или нет.

Но если ты скажешь: «Такой-то совершил такой-то поступок», к этому не применимо суждение: «Он поступил истинно», даже если он действительно его совершил. Но если ты скажешь: «Он поступил хорошо» или «Он поступил дурно», это относится и к самому поступку — хорош он или дурен, — и к деятелю, поступившему хорошо или дурно. Что же касается сущего предмета, то о нем, если он существует, говорят: «Истинно, что он существует», и «Истинно, что он имеет такую форму», или наоборот. Следовательно, определение «истина» применимо лишь к сущности сущего и к его действительным свойствам, а определение «ложь» применимо лишь к противоположному им. Что же касается мироздания в целом, то о нем дано указание, показывающее, что оно «хорошо» в силу совершаемого действия, и дано указание на необходимое бытие, которое и есть истина.

Действие творения также было соотнесено с прямым замыслом в словах: *«И увидел Б-г, что это хорошо»* (Берешит 1:4). И потому, когда Говорящий подошел к указанию на предмет, возникший без прямого замысла, Он не упомянул о нем: *«что это хорошо»*, — и в этом состоит великая тайна, открывающаяся во втором дне творения. И пусть тебя не вводит в заблуждение то, что сказано: *«Да будет свод посреди вод...»* (Берешит 1:6) и сказано: *«И стало так»*, — ведь это указывает на прямой замысел, тогда как отсутствие слов *«что это хорошо»* произошло исключительно из-за того, что возникло из двух родов вод. И это неизбежное следствие самого существования свода, после того как он возник и стал различим между водами верхними и водами нижними. На это было намекнуто в пятый день, сопряженный со вторым днем: ведь во второй день происходило действие над водами, а в пятый — порождение тварей из вод. Сила эта зародилась и была создана уже во второй день, и намек на нее содержится в написании *тан ниним* (תַּנּוּן נִינִם); из ребра же была создана та, кто восполнила состояние «нехорошо», обратив его в «хорошо». И вместе с добром соединилось зло, намек на что — *«дерево познания добра и зла»* (Берешит 2:9). Второй же намек: с сотворением женщины был сотворен и сатана вместе с ней (Берешит Рабба 17:6). *«И пришел также сатана среди них»* (Иов 1:6) — приход его не был прямым замыслом; и вошел он к Хаве после того, как был подле нее, а не над нею. И он вверг в нее нечистую и неочищенную силу — случайность, именуемую ночным семяизлиянием (*кери*, קֵרִי); это скверна (*зухама*, זוּהַמָּא) и «гнилая капля», ибо средняя капля загустела. И эта тайна откроет тебе силу чародея (*хартум*, חַרְטוּם), заклинателя (*ашаф*, אֲשָׁף) и халдея (*касди*, כַּשְׁדִּי): ибо конец гнилой капли — раскаяние (*харата*, חַרָּטָה). И он обработал его резцом (*херет*, חֶרֶט), и намек на это: *«он будет*

разить тебя в голову, а ты будешь язвить его в пяту» (Берешит 3:15), а огненная печь Ур-Касдим общеизвестна. И сообразно тому, на что я намекнул, если ты желаешь достичь истинных постижений — всматривайся в творения и в буквы, которыми эти творения созданы: в их огласовки, в их смыслы, в их гласные движения, в их имена, в их числовые значения, в их части и в части частей, в их первое сочетание и в умноженное многократно; *«тогда уразумеешь страх пред Г-сподом и познание Б-га найдешь»* (Мишлей 2:5). Невозможно распространяться сверх меры о тайне сотворения человека, ибо мудрости нет конца, но этих намеков довольно. А именно: голова человека устроена по подобию небесных сфер и того, что пребывает выше них, а от живота и ниже — по подобию нижнего мира, из которого он создан и в котором сотворен в таинствах запретных связей, в тайне кровопролития и в идолопоклонстве.

Поэтому в мужском начале — властвующем и управляющем, производящем это действие в воспринимающем, — дана тайна завета обрезания, охватывающего все три эти греха: идолопоклонство, кровопролитие и разврат. И это тот завет, который заключил Всевышний с нами — с потомством Авраама, любящего Его, и с потомством Исраэля, раба Его. Завет дан, чтобы отсечь от нас эти три тягчайших греха в Торе, которые перешли к нам при нашем созидании от бытия нижнего мира, к которому у Всевышнего нет желания, — подобно тому как человек не испытывает желания к нечистотам, извергаемым из съеденной им пищи, однако природа принуждает его к тому; и завет дан как напоминание. Чтобы, если человек соберется совершить один из этих грехов, он вспомнил о завете обрезания, пребывающем на нем, — о том, что свидетелями против него выступают уже семь первых высших свидетелей: семь дней творения, а вслед за ними — все сотворенное в них. И потому временем завета стал день после круговращения семи дней — то есть восьмой день: день, в который человек был сотворен и рожден, день его сотворения (*брийт*, בְּרִיתוֹ) и день его завета (*брит*, בְּרִיתוֹ). Ведь если бы обрезание совершалось раньше этого срока, оно не пришлось бы ни на день его завета, ни на день его сотворения; и кроме того, что младенец не смог бы вынести боли, сотворенные существа еще не были бы свидетелями против него, и ему следовало бы не подлежать суду в какой-то из дней, и он избежал бы суда в одном из мест мироздания: у него были бы времена для греха, в которые он уходил бы от наказания. А если бы оно совершалось позже восьми дней, ему следовало бы прийти лишь на пятнадцатый день от рождения. Ведь мироздание совершает круговращение от семерки к семерке по тайне семи сфирот, обращающихся в свойствах Всевышнего, которыми Он судит Свой мир, и тогда одни семь дней и другие семь дней разделились бы: одни к делу, а другие попусту. Смыслы же обрезания, изложенные Учителем (Рамбамом) в третьей части «Путеводителя растерянных», общеизвестны; поэтому оно и совершается на восьмой день — познай же их оттуда, ибо они изложены в ином виде, также превосходном и достойном. Об этом

сказал Всевышний: *«И призову в свидетели против них небо и землю»* (Дварим 31:28), и все последующее за этим.

Эти три греха призваны указать на три сферы, известные в Каббале: Мысль, Мудрость, Понимание (**מִתְשִׁבֶּה חֻמָּה בִּינָה**), которые суть Хохма, Бина и Даат (ХАБАД), и все три они наставляют в том, во что надлежит верить относительно Всевышнего. Хохма повелевает не служить идолам. Бина повелевает не проливать кровь того, кто сотворен по образу Б-жьему. Даат же повелевает не вступать в запретную связь, чтобы не подменять свою силу чужой, посторонней силой, не принадлежащей к его роду. Человеческая природа определяет, чтобы человек и жена его представляли весь человеческий род, и каждый пребывал в своем роде; подменяющий же подобен существу, изменяющему своему роду. И это чуждо самой природе — тем более знанию (Даат), стоящему выше природы. Супруга человека подобна его собственной сущности и плоти его, всякий же иной для него — чужой. И Всевышний заключил завет — не приближаться к чужому и бежать от необрезанного. Потому и намекнуло Писание о пасхальной жертве, призванной разделить между кровями: *«И никакой чужой не должен есть ее»* (Ваикра 22:10), а также: *«И никакой необрезанный не должен есть ее»* (Шмот 12:48). А о храмовом жертвоприношении сказано: *«А чужой, приступивший, да будет предан смерти»* (Бемидбар 18:7); и необрезанный пред Всевышним подобен чужому. Тайна же в том, что всякое сердце, запечатанное к восприятию, чуждо Ему, и потому Он прямо заповедал: *«Обрежьте же крайнюю плоть сердца вашего»* (Дварим 10:16). Об этом сказано и в вопросе раскаяния (тшувы), которое есть причина избавления и тайна собрания изгнанников: *«И обрежет Г-сподь, Б-г твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы любить Г-спода, Б-га твоего, всем сердцем твоим и всей душой твоей, ради жизни твоей»* (Дварим 30:6). Слова же *«ради жизни твоей»* указывают на то, что открытое обрезание плоти служит причиной обрезания сердца, а обрезание сердца служит причиной жизни грядущего мира для сердца и души, любящих Всевышнего.

Раздел 2 — часть нун (נ), знак мэм (מ): 22 буквы

В «Сефер Йецира» (глава 2) написано: «Двадцать две основные буквы: три [буквы-]матери — буквы алеф, мэм, шин (**אמ"ש**), семь двойных — бэт, гимель, далет, каф, пэй, рэйш, тав (**בגדכזח ט**), и двенадцать простых — хэй, вав, зайн (**הו'יז**), хэт, тэт, йод (**י'י'י'י**), ламэд, нун, самэх (**ס'נ'י'י**), айн, цади, куф (**ק'צ'ד'ק**)». И там же написано, что именно этими двадцатью двумя буквами сотворено всё, как сказано: «Двадцать две буквы: Он высек их, вытесал, взвесил, заменил [одну на другую], сочетал и сформировал ими душу всякого творения и всего, что будет сформировано в будущем». И еще сказано там: «Двадцать две буквы: высечены голосом, вытесаны духом, закреплены во рту в пяти

местах». И упомянул он место их произношения и источник исхождения каждой из них сообразно их природе. И сказал он, что они закреплены в сфере двумястами тридцатью одним вратами (אל"ל = 231) — и все, что следует за этим, и отсюда ты поймешь остальное.

И вот, автор «Сефер Йецира», кем бы он ни был, благословенной памяти, пришел возвестить боящимся Г-спода и чтущим Имя Его, что двадцать две буквы — это основа речи. И это десятая сфера, то есть сфера букв; она — высшая из сфер и первая по достоинству, предшествующая всякой сфере по своему бытию; это сфера Торы и заповеди, и все высшие и нижние управляются по ее велению. И о ней сказано: «Словом Г-спода сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их» (Теилим 33:6). И автор «Сефер Йецира» уже назвал ее первой единой сфирой, сказав: «Одна — Дух живого Б-га», и добавил: «Голос, дух и речь — это и есть святой дух». И он же назвал ее второй сфирой, сказав: «Две — дух от духа», объединив имя «дух» для двух разных значений, поскольку первая речь, внутренняя, — это святой дух, а вторая речь, внешняя, — это способность речи. И в этом тайна стиха «И стал человек душою живою» (Берешит 2:7), что Таргум передает как: «и стала в человеке духом говорящим» (לרוח ממללא, *ле-руах мемалела*), и отсюда ты поймешь тайну говорящих огненных существ (חיות אש, *хайот эш мемалелот*), которые то безмолвствуют, то говорят: хаш-мал (ח"ש מ"ל). Хаш (ח"ש) ускоряет движение, мал (מ"ל) прекращает двигаться. И так же: хаш молчит — знак подсчета (хешбон, חשבון) и мысли (махшава, מחשבה); мал говорит — знак слов (милот, מילוט). Соедини их окончания — и найдешь боот — «строят» (בונות), намек на то, что «два камня строят два дома», и так все они. И там сказано, что во втором духе, сотворенном из первого, Он высек и вытесал двадцать две буквы. И всеми своими словами он показал, что десять сфирот — это первая основа, а ближе всего к ним по бытию — двадцать две буквы. И оба эти начала он назвал 32 сокровенными путями мудрости и сказал, что ими начертал Свое Имя: ЙА (יה), АВАЯ (יהוה), ЦВАОТ (צבאות).

Я же обращаю твое внимание на эту тайну: знай, что Имя ЙА (יה) — самое возвышенное и почитаемое из всех Имен. Полное же [Имя] — это оно само, только первое состоит из двух букв, а второе — из четырех букв. И подобно тому как первое написано как половина Имени, так следует отделить его вторую половину от целого. Тогда первым будет ЙА (יה), и это половина [Имени]; средним будет АВАЯ (יהוה), и это все [Имя] целиком; а последним будет вав-хэй (וה), и это его вторая половина, оставшаяся от первой половины. И тогда все вместе составит два полных Имени, но из их соединения и разделения раскрывается тайна сути, указывающей на Корень, называемый этим Именем. И запиши это в таком виде — две половины отдельно, а среднее [Имя] полностью и слитно, вот так: ЙА, АВАЯ, вав-хэй (וה יהוה וה).

Теперь раздели эти восемь букв поровну, по четыре буквы [в каждой], и найдешь явную тайну: *йихъе* (יְהִיָּה — «будет») и *ве-хове* (וְהָיָה — «и есть»); соедини еще и вторую половину с первой половиной, поставив последнюю первой, а первую — последней. Вначале у тебя получится так: ЙА, вав-хэй (י"ה ו"ה), а обращенное [сочетание], перевернутое от начала к концу и от конца к началу: вав-хэй, ЙА (ו"ה י"ה). Соедини их — и получишь *ве-хая* (וְהָיָה — «и был»). Соедини первые два [слова] с этим третьим и составь из них три слова по четыре буквы в каждом, и откроется их тайна: *йихъе*, *ве-хове*, *ве-хая* (יְהִיָּה וְהָיָה וְהָיָה — «будет, есть и был»). Возьми еще две последние буквы и поставь их в начало первого слова — и найдешь тайну, отчетливо раскрытую из шести букв: шесть с этой стороны и шесть с той стороны. И довольно тебе этого удивительного намека здесь, ведь далее эта тайна будет раскрыта шире с помощью Его Имени. Это замечание было сделано здесь для того, чтобы дать тебе знать: первая ступень нестираемых Имен — это досточтимое Имя [ЙА], а последняя ступень — Имя ЦВАОТ (צְבָאוֹת). И автор книги соединил начало с концом, однако между ними находятся только три ступени, а именно: АДОНаЙ, ЭЛОКИМ, ШАДАЙ. При этом ЭЛЬ (אֵל) и ЭЛОАХ (אֱלֹהִים) относятся к тому же значению, что и ЭЛОКИМ.

И вот, соединение ЭЛЬ с буквами вав-хэй (ו"ה) освящено в обращенном виде в значении *Элохай* (אֱלֹהֵי), а соединение ЭЛЬ с ЙА (יָה) освящено, и это удвоение ЭЙЕ; также освящено [соединение] ЭЛЬ и буквы вав с ЙА (א"ל ו"ה י"ה), и тайна его скрыта в имени Элияу (אֱלִיָּהוּ) и намеком — в [словах] «и в Б-ге Яакова» (*у-ве-Элохей Яаков*, וְבְאֱלֹהֵי יַעֲקֹב), и это удвоенное [Имя] АВАЯ (יְהוּה = 26; 26 × 2 = 52). И у половин [Имени] есть удивительные свойства; и так же — у частей, у целых, у соединений и разделений, ведь через них познается подлинная тайна Шем а-Мефораш. И вот, Имя возросло до пяти букв на двух ступенях, а именно: ЭЛОКИМ (אֱלֹהִים) и ЦВАОТ (צְבָאוֹת), и вместе их стало десять. Поэтому буква йод (י) [означает] десять; и всякое имя, относящееся к Всевышнему, непременно содержит одну из букв алеф, хэй, вав, йод (אָהוּ"י), которые суть четыре буквы покоя, называемые скрытыми буквами, и из них составлено сущностное Святое Имя.

Теперь запиши упомянутые десять букв — пять сверху и пять снизу, и сделай между ними небольшой промежуток, вот так:

ЭЛОКИМ (אֱלֹהִים)

ЦВАОТ (צְבָאוֹת)

И если ты найдешь силу интеллекта в своем разуме, то легко поймешь их раскрытые тайны; а из тайны мужского и женского начал ты пробудишься к заложенным в них намекам. И из того, на что мы намекнули тебе, а также из того, что ты услышишь после

этого, ты узнаешь, что все зависит от десяти сфирот белима и двадцати двух священных букв.

Раздел 3 — часть самэх (ס), знак вав (ו): их разделение

Разделение букв, упомянутое в «Сефер Йецира», было троичным: из первых трех — букв алеф, мэм, шин (אמ"ש); из вторых семи — бэт, гимель, далет, каф, пэй, рэйш, тав (בג"ד כפר"ת); и из третьих двенадцати — хэй, вав, зайн (ה'ו"ז), хэт, тэт, йод (ח'ט"י), ламэд, нун, самэх (ל'ני"ס), айн, цади, куф (ק'צ"ד). И это разделение — по созиданию. И была взята первая буква из них по прямому порядку алфавита и положена первой основой; а она — начало всякого числа, перед которым нет числа, ведь «перед одним что ты сочтешь?». И три ступени, существующие в мире: стихии, планеты и знаки зодиака, из которых сотворено всё, разделены по подобию букв аналогичным образом. Это так, потому что эти три числа обращаются в согласии друг с другом: ведь если ты утроишь эти три числа [умножив каждое] на 3, то найдешь тайну их разделения. Как именно? 3 раза по 3 — получается 9 (ט = 9); 3 раза по 7 — получается 21 (כ"א = 21). Соедини 9 с 21 — получится 30 (ל = 30).

И еще: 3 раза по 12 — получается 36 (ל"ו = 36). Соедини 30 (ל) с 36 (ל"ו) — получится 66, то есть *лунь* (לו"ל = 66); раздели его на сочетания троек и тридцаток [букв гимель и ламэд] — получится *гальгаль* («колесо» или «сфера», גלגל = 66). И тайна этого — *хая, хове, йихье* (היה הוה יהיה — «был, есть, будет»), по тайне десяти букв, которые суть десять сфирот; и это 6 раз по 11 (כ"א = 11; 6 × 11 = 66), и знак их — *ва-и* (וּאִי), и это место Бины. И так же сделай для 7 [умножив на 22], и получится 154 (קנ"ד = 154); соедини 154 с 66 (ס"ו = 66) — и получится 220 (כ"כ = 220), что составляет 20 раз по 11 (כ"א × 20 = 220).

И еще так же сделай для 12 [умножив на 22], и получится 264 (רס"ד = 264); соедини их с 220 — и найдешь *даати* («мое знание», דעתי = 484). И тайна его — *бе-михтава* («в твоём писании», במכתבך = 484), *садер ацмеха* («упорядочь себя», סדר עצמך = 484). И это то число, которое обращается на буквы, возведенные в квадрат сами на себя, ведь их корень — 22 раза по 22; и они происходят от умножения [букв] אהו"י на אהו"י (22 × 22), что составляет 484 (דפ"ד = 484). И знак тому: «И положу Я разделение между народом Моим и между народом твоим» (Шмот 8:19), так как [слово *педут* — «разделение», פדת] написано без буквы вав (ו). И они также пребывают в этой тайне: *нисдар а-зман бе-гальгаль* («упорядочено время в сфере», נסדר הזמן בגלגל = 484), или же скажи: *седер а-зман бе-гальгалим* («порядок времени в сферах», סדר הזמן בגלגלים = 484).

И вот, из их порядка рождается год, являющийся одной из частей времени в сферах. И вот тайна — *бе-дам у-ве-нефеш* («в крови и в душе», **בְּדָם וּבְנֶפֶשׁ** = 484); и это *гальгаль* («сфера», **גִּלְגָּל**), [в фразе] «в крови твоей почитай Б-га твоего» (*бе-дамха мехабед ЭЛОКЕХА*, **בְּדָמְךָ מְחַבֵּד אֱלֹהֶיךָ**); и это 11 раз по [числу слова] *дам* («кровь», **דָּם** = 44; $11 \times 44 = 484$). И тайна этого — *эм дай* («достаточная мать», **אֵם דַּי**), и смысл ее в том, что после того, как найдена Мать сущего, достаточно ее бытия, чтобы присоединить к ней всеобщее начало — букву шин (**שׁ**), включающую в себя первую единую сферу, называемую «Дух ЭЛОКИМ» (*Рух ЭЛОКИМ*, **רוּחַ אֱלֹהִים**); тайна ее — **מַצְפָּן** (МАЦПАЦ), и из нее выходит **יְהוָה** (АВАЯ) по замене букв ат-баш (**א"ת ב"ש**). И это намек на три ступени: единицы, десятки и сотни. Ведь вот: 3 в квадрате — 9 (**ט** = 9); кроме того, 3, помноженное на 30, дает 90 (**צ** = 90) при сопряжении с 10, а само по себе дает 90 (**צ** = 90) — вот 99 (**ט"ץ** = 99); и еще [3], помноженное на 300 по своему корню, дает 900 (**ץ** = 900) — вот 999 (**טצ"ץ** = 999). И оно происходит от сочетания гимель, ламэд, шин (**גל"ש** = 333), чья тайна — *шелег* («снег», **שֶׁלֶג** = 333), намек на снег под Престолом Славы, из которого образуется прах, называемый землею, как сказано: «Ибо снегу Он говорит: будь [на] земле» (Иов 37:6). И тайна 999 (**טצ"ץ**) — *шихват зера* («семязизлияние», **שִׁחַבַּת זֶרַע** = 999), и это *Кетер ше-бе-мазаль* («Кетер в созвездии», **כֶּתֶר שֶׁבְּמִזְל** = 999); и всякая буква шин (**שׁ** = 300) — это *йецер* (**יֵצֵר** = 300). И об этом сказано: *михтав сар а-лев* («писание владыки сердца», **מִכְתָּב שַׁר הַלֵּב**), а также *катав шамар а-лев* («написал: сохранил сердце», **כָּתַב שָׁמַר הַלֵּב**); и тайна в том, что «огонь раскрывается в луне, луна раскрывается в огне» (*эш митгала бе-яреах, яреах митгале бе-эш*, **אֵשׁ מִתְגַּלָּה בַּיָּרֵחַ, יָרֵחַ מִתְגַּלָּה בְּאֵשׁ**).

Вот, раскрылись тебе из букв сокровенные тайны; и это намек: все [устроено так, что] материя берет начало в форме, а форма берет начало в материи — знай это! И из этого ты узнаешь, что Метатрон, Князь Лика, который есть князь воинств, движением сферы сотворил небеса; и он — тот, кто запечатлел материю формой, подобно тому как запечатлел форму материей. И на этом ты возведешь великое здание из подобных им [понятий], пока не откроются тебе через них тайны Торы и тайны мироздания; а разъяснит тебе это разделение букв.

Раздел 4 — часть айн (ע), знак алеф (א): все числа

Знай, что общее число весьма полезно во всем, что ты пожелаешь постичь. И пример тому: если ты хочешь найти тайну сущности Шхины, тебе нужно сначала свести ее число к необходимой сумме, сказав, например, что число [слова] Шхина (**הַשְׁכִּינָה**) в общем итоге — 390 (**ש"ץ** = 390). И после того как ты получил эту общую сумму, сохраняй ее

всегда. Будет ли это понятное слово или непонятное, не забываяй его, но высеки его и запиши на скрижали своего сердца, ведь оно в любом случае откроет тебе тайны мудрости. Причина же в том, что все вещи, существующие в языке и равные ему по числу, направят твой разум к нему, и они же будут его свидетелями. Так, если тебе встретится понятие «мужчина и женщина» (*захар у-некева*, זָכָר וּנְקֵבָה), и ты захочешь подсчитать общее число обоих [слов], и оно тоже составит 390 (ש"ץ = 390), ты тотчас вспомнишь, к какому предмету относился счет 390. И если ты захочешь сосчитать итог такого-то и такого-то [понятия], посмотри, соответствуют ли они друг другу, и сразу узнаешь искомое — при условии, что ты убережешь свой разум от воображения, чтобы не подменить Б-жественное намерение в сокровенных вопросах. Как именно?

Вот, ты захотел сосчитать [слово] *андрогинос* (אַנְדְּרוֹגִינוֹס), и число его вышло 390 (ש"ץ = 390). И ты сказал в сердце своем: «Какое число на 390 у меня есть?» — и вспомнил: ведь у меня было «мужчина и женщина» (*захар у-некева*), а *андрогинос* на греческом языке означает «мужчина и женщина». Выходит, смысл один и тот же, хотя выражен на двух разных языках! Так же ты сосчитал *зера лаван* («белое семя», זֶרַע לָבָן = 359) и составил из него *guf ra* («дурное тело», גּוֹף רַע = 359) или *нотер тина* («хранящий каплю», נוֹטֵר טֶפֶה = 359), и это *хуш адам* («чувство человека», חוּשׁ אָדָם = 359), и нашел в общем итоге число [слова] *сатан* (שָׂטָן = 359), то есть *шанат* (שָׁנָה = 359) согласно необходимому счету. И ты захотел сосчитать его имя на другом языке и обнаружил, что на греческом языке он называется *диаболос* (דִּיאָבֹלוֹשׁ = 359). Ты подсчитал сумму его числа и нашел, что она равна слову *сатан* (שָׂטָן = 359), и это он сам в самой своей сущности! И ты извлек из этого великую пользу: ведь если бы ты не знал сущности сатаны, описанного в книге Иова (Иов 1:7) или в других местах, то благодаря силе имен тебе открылась бы его тайна и скрытая суть. Дело в том, что истинное значение слова *диаболос* по нормам их языка таково: если [окончание] -олос (אָבֹלוֹשׁ) произносится с огласовкой холам, то это означает одного сатану; а если с огласовкой шурук [-олус], то это указывает на многих, и это бесы (הַשָּׂדִים).

И вот, единственное число по своему счету равно множественному — как в нашем языке, так и в их языке. И еще раскрылось тебе из этого, если ты знаешь их язык, что это имя прилагается к обладателю двух сущностей: ведь «два» на их языке — *дио* (דִּיאָ), а сущности — *болос* (בֹּלוֹשׁ). И еще у него есть вторая великая тайна: ведь словом *болос* там называют комья или шары, и, следовательно, это «два шара». И эту тайну они раскрыли во втором выражении своего языка, называя бесов именем *стихия* (שְׁטִיבִיָּאָה); и сами первоэлементы (стихии), разделяющиеся на две части — огонь и воздух, одна часть, восходящие, и вода и прах, другая часть, нисходящие, — они называли тем же именем, что и бесов: *стихия* (שְׁטִיבִיָּאָה). И следуя этим путем, ты найдешь удивительные вещи в

языках [народов], и прежде всего — в нашем языке, более чем во всех остальных. Общее же число всех букв без конечных букв мэ, нун, цади, пэй, каф (**מנצפ"ך**), являющихся удвоенными, составляет от буквы алеф (א) до буквы тав (ת) тысячу четыреста девяносто пять, то есть полторы тысячи без пяти. И число их выражено знаком *этце* (**אתצ"ה** = 1495), а их приведенная сумма — 496 (**תצ"ו** = 496), и тайна их — Малхут (**מלכות** = 496). А если ты прибавишь к ним буквы **מנצפ"ך** по их краткому счету, составляющие 280 (**פ"ר** = 280), то все вместе они составят число 776 (*парцот*, **פרצות** = 776), тайна которого — *шлемут* («совершенство», **שלמות** = 776). А если ты прибавишь их по длинному (конечному) счету, выраженному знаком *бераш* (**ברא"ש** = 3500), и соединишь их с 496 (**תצ"ו**), то найдешь, что тайна их — *Сар ЦВАОТ* («Князь воинств», **שר צבאות** = 999), являющийся «главой в Малхут» (*рош бе-Малхут*, **ראש במלכות** = 999).

И вот, буквы **מנצפ"ך** по своему длинному счету составляют три тысячи пятьсот, а двадцать две буквы составляют тысячу четыреста девяносто пять; соедини их — и получится четыре тысячи девятьсот девяносто пять, то есть пять тысяч без пяти. И когда каждая тысяча возвращается к единице, получается пять без пяти. И оказывается, что все они обратились и стали духовными, ведь у их числа не осталось тела, на котором пребывало бы это число, но все они вышли наружу в необходимом круговращении. И знай, что бытие двух алфавитов — одного из 22 букв и другого из 27 букв — включает в себе намек на 49 лет (**מ"ט** = 49), сорок девять по тайне Юбилея (Йовея), и бытие их — это 7 раз по 7; а число, включающее оба алфавита в общей сложности, составляет шесть тысяч четыреста девяносто (**ו' אלפים ות"ץ** = 6490), И вот 496 (**תצ"ו**), как в первом случае, и тайна их — «Б-жественное излияние» (**שפע אלהי** = 496). И так же [это составляет число слов] *поаль а-иш* («деяние мужа», **פעל האיש** = 496). И это намек на сказанное нашими мудрецами, благословенной памяти: «бремя Царства Небесного», ведь «бремя Небес» (*ол шамаим*, **עול שמים** = 496) численно равно слову Малхут (**מלכות** = 496); и оно охватывает оба алфавита, и это «бремя Царства Шхины» (*ол малхут а-Шхина*, **עול מלכות השכינה**). И вот, «все — истина» (*а-коль эмет*, **הכל אמת** = 496), и это «ангел интеллектов» (*малах а-схалим*, **מלאך השכלים** = 496); ведь буквы — это книги ангелов, подобно тому как они — ангелы книг, и они-то и есть ангелы небес — и познай их!

Раздел 5 — часть пэй (פ), знак ламэд (ל): равное разделение

Это разделение букв согласно их природе делится, по правилам грамматики речи, на две равные части: одиннадцать букв служебных и коренных и одиннадцать букв коренных,

которые не бывают служебными. Коренные [буквы] берутся в известном порядке согласно алфавиту, и это: гимель и далет (**ד"ג**), зайн, хэт и тэт (**טזח"ז**), самэх, айн и пэй (**פסע"פ**), цади, куф и рэйш (**רשק"ר**). Служебные также берутся по порядку, и это: алеф, бэт, хэй, вав и йод (**יהוה"ו**), каф, ламэд, мэм и нун (**נמלמ"נ**), шин и тав (**תש"ת**). Знак коренных — *хэт-тэт сфар гэза цэдэк* (**קצד"ק עז"ע ספ"ר ח'ט' ספ"ר גז"ע צד"ק**), а знак служебных — *ше-мелахто бина* [«чья работа — понимание»] (**השמלאכתיו ביניה**). Знак их общего числа коренных — тав-далет-ламэд-алеф (**אדל"א** = 631), и их явная тайна — «душа всего мира огня» (*нефеш коль а-олам шель эш*, **ש"ש כ"ל העולם של אש**). Знак же общего числа служебных — тав-тав-самэх-далет (**דתס"ד** = 864), и их тайна — «завет светила» (*брит а-маор*, **תרי"ת**, **המאורי**), «материя Торы» (*хомер а-Тора*, **החמ"ר התור"ה**), «образ и подобие» (*целем удмуд*, **תצל"ם ודמו"ת**), «по образу Б-жьему» (*бе-целем ЭЛОКИМ*, **בצל"ם אלהי"ם**). И распределение было таково: взяты алеф и бэт (**א"ב**) для служебных, гимель и далет (**ד"ג**) для коренных, хэй и вав (**ו"ה**) для служебных, зайн и хэт (**ז"ח**) для коренных, тэт (**ט**) — для коренной, а йод (**י**) — для служебной. И оказалось, что пять из них среди единиц — коренные, а пять — служебные. И восемь из них взаимно обращаются по девяткам: ведь алеф и хэт (**א"ח**) составляют девять (**ט** = 9), а также бэт и зайн (**ב"ז**), гимель и вав (**ג"ו**), далет и хэй (**ד"ה**). И их тайна в прямом порядке — алеф-хэт, бэт-зайн, гимель-вав, далет-хэй (**ה"ח ד"ה ב"ז ג"ו א"ה**), и так сложилось истинное соединение: служебная со служебной; а при обращении их — коренная со служебной, коренная со служебной. И их начала — алеф, бэт, гимель, далет (**דאבג"ד**), а их концы в обратном порядке — хэй, вав, зайн, хэт (**הוז"ח**), и это — высшая прямота в восьми буквах. А поскольку тэт (**ט**) также входит в число единиц, и они [тэт и йод] — завершение с двух сторон, то буква тэт (**ט**) — коренная, а буква йод (**י**) — поистине служебная.

И знай, что служебные [буквы] подобны формам, а коренные — подобны материи. И потому буквы Имени [АВАЯ] — из служебных, и числовое значение всего составило «один» (*эхад*, **אחד** = 13), и [еще] один — 13, а их тайна — одна пара: один и один [13 + 13 = 26]. И если ты постигнешь эту тайну, то поймешь, что уже пришел Элияу и «...обратил сердце отца к сыну и сердце сына к отцу...» (ср. Малахи 3:24); и потому породил подобное, и объединилось единое сердце в тайне единиц, которые суть десять сфирот. Среди десятков осталось еще восемь, и их тайна — хэт (**ח** = 8), а среди сотен — четыре, [и их тайна — далет (**ד** = 4)]. Соедини воедино три этих уровня — и найдешь их словом *яхад* — «вместе» (**ד"ח** [10 + 8 + 4]). Твой знак — «Железо железо острит, и человек изоцряет взгляд друга своего» (Мишлей 27:17), ведь буквы указывают на все колесницы.

Теперь возьми еще четыре из первых десятков — каф, ламэд, мэм, нун (**כלמ"נ**), и они были служебными; и возьми еще четыре из оставшихся десятков — самэх, айн, пэй, цади (**סעפ"ץ**), и они были коренными. Разделение же числа единиц — 24 (**כ"ד**) и 31 (**ל"א**), и они содержат в себе [буквы] *коль эд* (**כ"ל א"ד** — «всякий пар»), поднимающийся от земли (**האדמ"ה**). Тайна же — *эдим* («пары», **אדי"ם**), которые содержат одиннадцать (**א"י** = 11) раз по сорок четыре (**מ"ד** = 44), как я намекнул выше в разделе 3 этой части. И из этого пойми, что десятка вобрала в себя всё, и они — «всё» (*а-коль*, **הכ"ל**).

Восемь же десятков разделяются на 440 (**שק"ם**), и их тайна — «одушевляющие» (*менашим*, **מנשי"ם** = 440). Поистине, они — восемь (*шмона*, **שמנ"ה** = 395), которые суть небеса (*а-шамаим*, **השמי"ם** = 395). Соедини их — и найдешь тайну всех их: «орудия души» (*клеи а-нефеш*, **כל"י הנפ"ש**), они — восемь орудий, они — восемь дней, и потому союз обрезания совершается на восьмой день. И ты поймешь эту тайну из [постижения] интеллектов (*схалим*, **השכל"י** = 405), а также из Имени АДОНаЙ (**ש"ם אדני"י** = 405). Доподлинно зная его тайну, ты обретишь в себе силу, с помощью которой сможешь опровергать действия колдунов, и распознаешь три рода сущих, имеющих образ человека: человек (*адам*, **אדם**), ангел (*малах*, **מלא"ך**), сатана (*сатан*, **שט"ן**), которые и есть сами колдуны.

И вот, от деления остались четыре буквы. Две из них были взяты для коренных — это куф и рэйш (**ק"ר**), и их сумма составляет шин (**ש** = 300); а две из них были шин и тав (**ש"ת**), и они стали служебными. Соедини их — и они дадут *шешет* (**שש"ת**); соедини их — и найдешь шесть дней, которые отсчитал Г-сподь Благословенный, сотворив мир с помощью букв. И ты поймешь из наших слов, что дни — это орудия, и они — шесть одушевляющих. Когда ты вступишь в это удивительное правило, поразишься его сокровенным тайнам и очень возрадуешься своему постижению истинных тайн. И когда ты распознаешь корень служебных, а также службу коренных, ты оживешь и станешь владыкой служащих, и узнаешь, кто служит владыкам, чья тайна — материя и форма. И через них ты постигнешь тайну двух ангелов (**שני"י מלכ"י**), служащих Царю — АДОНаЙ ЦВАОТ, на которых намекнул пророк Йешаяу, мир ему, сказав: «*Серафимы стояли вокруг Него...*» (Йешаяу 6:2).

И от упомянутого ты обратишься к природе букв алфавита в произношении, разделенных на пять групп по пяти местам во рту:

алеф, хэй, хэт, айн (**אהח"ע**) — в гортани;

бэт, вав, мэм, пэй (**בומ"ף**) — в губах;

гимель, йод, каф, куф (**גיכ"ק**) — на нёбе;

далет, тэт, ламэд, нун, тав (דטלנ"ת) — языком, ударяющим о место корней зубов верхнего ряда;

зайн, самэх, цади, рэйш, шин (זסצר"ש) — в зубах, когда он ударяет в то же самое место, с тем лишь, что различие между ними очень мало и состоит в том, что последние произносятся с некоторым свистом, а первые — без свиста.

Свист же выходит между двумя рядами зубов при ударе языка о верхний ряд, именуемый нёбом, и это конец нёба; и также гимель, йод, каф, куф (גיכ"ק) — их произнесение происходит при ударах внутреннего корня языка о верхнюю часть внутреннего нёба.

И вот, после того как буквы распределились в целом по пяти упомянутым местам, все орудия разделились и обособились по формам произнесения на двадцать две (כ"ב) части. И в гортани оказались четыре части, одна глубже другой: ведь алеф (א) находится в начале гортани, то есть в самом верху шеи; хэй (ה) — глубже, спускаясь немного в гортань; хэт (ה) опускается еще глубже, а айн (ע) опускается глубже всех. А если так, то айн (ע) — начало возникновения речи. И потому намекается, что всех языков — семьдесят (ע = 70), и число народов — 70 (ע), и число письменностей — 70 (ע), и число Имен — 70 (ע), и число старейшин — 70 (ע).

Имя этой буквы — айн (עי"ן), а значение слова айн — «источник живой воды». Также это от слова «вглядывание» (июн, עיון) и «провидение» (ашгаха, השגחה). Тайна же ее числа — 70, а всякие семьдесят — это семь, что служит намеком на семь сфирот. И тайна — «источник Понимания» (эйн а-бина, עין הבינה), откуда начинается всякое движение, и это «лестница» (сулам, סל"ם = 130), и это «Синай» (סיני"י = 130); и это включает десять раз по «один» (эхад, אחד"ד [10 × 13 = 130]), что составляет пять Святых Имен [АВАЯ: 5 × 26 = 130], и тайн у этого много. Буквы же, находящиеся в губах, разделяются также на четыре части. У буквы бэт (ב) есть два звучания: с дагешем и рафэ (без дагеша); и при дагеше ее отличие не заметно так, как при рафэ. И именно рафэ в букве бэт отличает ее в произношении от связанных с нею [губных], ведь мэм (מ) очень похожа на бэт (ב) и на айн (ע), а на вав (ו) — мало. Ведь вав (ו) произносится, когда нижняя губа помещается под верхний ряд зубов, и зубами человек смыкает рот и извлекает звук вав (ו).

Буквы же мэм и бэт (מ"ב) при зажатых ноздрях распознаются в их произношении, чего нет в остальных буквах. И все это — ради удивительных тайн, которые прояснятся при глубоком исследовании тому, кто изучит их совершенным интеллектом; и так тебе нужно исследовать каждую из них.

Порядок их расположения — природный, а не как у ранее упомянутых, порядок которых основан на соглашении; ведь если язык основан на соглашении, то речь — природна.

И вот их природный порядок:

алеф (א) — из гортани, бэт (ב) — от губ; вот у обоих — два крайних предела речи;

гимель (ג) — от нёба, далет (ד) — от языка; вот алеф, бэт, гимель, далет (אבגד) произносятся из четырех мест.

И вновь речь циклически возвращается, чтобы произнести:

хэй (ה) — из гортани,

вав (ו) — от губ,

зайн (ז) — языком из второго его места,

хэт (ח) — из гортани,

тэт (ט) — языком из первого его места,

йод (י) — от нёба.

И оказалось в гортани три буквы, и это алеф, хэй, хэт (אהה); две в губах — бэт и вав (בו); две на нёбе — гимель и йод (גי); две на языке — далет и тэт (דט); и одна на языке из второго его места — [зайн]; и так на языке три буквы: далет, [зайн], тэт (в тексте — דאז), против трех в гортани — алеф, хэй, хэт (אהה).

И далее оставшиеся: каф (כ) — на нёбе, ламэд (ל) — на языке, мэм (מ) — в губах, нун (נ) — на языке. Затем самэх (ס) — на языке во втором месте, айн (ע) — в гортани, пэй (פ) — в губах, цади (צ) — на языке во втором месте. Оказались две на языке — ламэд и нун (לני), и две на нем же во втором месте — самэх и [цади, в тексте — סע], вот четыре; две в губах — мэм и пэй (מפ), вот шесть; одна на нёбе — каф (כ); и одна в гортани — айн (עי); вот восемнадцать (עי"ח [8 вместе с первыми десятью дают 18]).

И еще четыре оставшиеся — это куф, рэйш, шин, тав (קרש"ת): куф (ק) — на нёбе, рэйш (ר) — на языке во втором [месте], и шин (ש) также, а тав (ת) — на языке в первом [месте]. Вот все вместе они составляют двадцать две (כ"ב).

И знай: хотя я сказал тебе, что они природны по источнику согласно их порядку, я сказал это не только об этих буквах, исключая любые другие буквы в письменностях прочих народов. Напротив, известно, что во всех языках таковы места их произношения, и их источник природен, и любую букву при произношении приводит в движение природа.

И знай: все то, что ты находишь у этого человека из этого народа и находишь у всякого человека из любого народа, и что не меняется сущностно, — всё это едино и именуется природой. То же, что в них меняется, именуется привходящим. Ведь речь в человеке — это природа, и то, что он говорит посредством сочетания букв (церуф), — тоже природа. Речь же включает в себя три вещи: имя, частицу и действие. Однако то, что данный человек называет этот предмет этим именем, принятым у него и у его народа, а это действие — этой известной формой, а эту речь — особым выражением, и все это отличается от произношения при чтении букв у другого народа, — знай, что это принято по соглашению у каждого народа и не является природой.

Но исход голоса из гортани, дыхания — из губ, а речи — из пяти упомянутых мест [природен]. Стало быть, речь вообще едина в этой общности, то есть в голосе, дыхании, буквах и огласовках; и звучание голоса непременно соединено с дыханием.

Все это природосообразно во всяком человеке и ни в ком из нас не меняется, разве что по привходящей причине, как у немого или ему подобных. И относительно этого со всей строгостью доказано, что языки основаны на соглашении. И поскольку это природа, создатель нашего языка пришел указать нам замысел речи и ее достоинство; так же поступил и всякий установитель языка или письменности.

И знай, что всякому установителю языка уже предшествовал язык, принятый по соглашению, прежде его второго языка. Свидетельство тому: если бы ему не предшествовал язык, он не смог бы договориться с другим назвать вещь иначе, чем она уже называлась. Ведь как этот второй поймет его второй язык, если не поймет его первого языка и не согласится с ним обновить язык или письменность?

Однако между их соглашениями есть некоторое различие, и здесь не место разъяснять это; но из того, о чем я упомянул, ты сможешь понять то, о чем я не упомянул. Мое намерение состояло в том, чтобы сообщить тебе в этой четвертой части некоторые намеки касательно сотворения человека. И я уже намекнул тебе здесь на то, что возможно кратко разъяснить согласно замыслу этого сочинения в этой четвертой части. Нечто из этого предмета намечено также и в некоторых других частях, и когда ты обратишь на это внимание, то поймешь все замыслы с Б-жьей помощью.

Часть 5: Тройственность речи

Пятая часть: буквенные знаки ее — цади (𐤑), куф (𐤒), рэйш (𐤓); частей в ней три, и разделов три, а слово [из знаков] — алеф (𐤀), бэт (𐤁), вав (𐤂).

Раздел 1 — часть цади (𐤑), знак алеф (𐤀): тайна имен

Среди знатоков языков уже стало общеизвестным, что слова языка произносятся устами, чтобы указывать ими на сущности существующих вещей и на их привходящие свойства. И нет во всем сущем ничего, кроме того, что представляет собой сущность или привходящее. Сущность делится на виды: сущность отделенная и сущность составная. Так же и привходящее делится на виды: привходящее отдельное и привходящее неотделимое. И имя, указывающее на сущность, делится на части: имя простое и имя составное; то же относится и к имени, указывающему на привходящее. Поэтому лингвисты увидели, что все имена — как сущностные, так и привходящие — с необходимостью разделяются на три высшие общие категории: обособленные, синонимичные и омонимичные. И вот их краткое объяснение: обособленные — это имена, где каждый сущий предмет отделен от другого и сущностью своей, и именем, как, например, огонь от воздуха, воздух от воды, вода от земли, а земля от огня, и так же при переходе одного в другое в обратном порядке. Ведь ни один из них не есть другой в актуальности, хотя потенциально он и другой составляют единую сущность — то есть сущность их состоит из единой материи. Они обособились в своей сущности со стороны своей актуальной формы, и потому обособились и своими именами. Когда же огонь превращается в воздух, его имя меняется, и он называется воздухом — не из-за изменения его материи, ведь материя огня сама по себе есть материя воздуха, но из-за изменения его формы. И со стороны этой перемены может показаться, будто бытие имени и сущности вместе непрерывно течет; однако имя «огонь» уже утвердилось по соглашению для целого и меняется только тогда, когда меняется его часть. Именно часть изменилась от формы к форме и от имени к имени, и при всем том не изменилась вся его сущность и не изменилось его общее имя. А раз так, это привходящее обстоятельство, случившееся с частной сущностью и вместе с тем с ее именем; и то же относится ко всем остальным вещам. Синонимы же — это когда имен много, а общий смысл, объединяющий их все, один, как, например, «путь», «тропа» и «стезя». Грамматики называли их одинаковыми по значению и различными по произношению. Омонимы же противоположны синонимам: имя у них одно, а смыслы многочисленны и различны. И поскольку синоним и омоним противоположны друг другу, обособленное имя служит промежуточным звеном, разделяющим их. Грамматики

назвали омонимы одинаковыми по произношению и различными по значению; таково общее правило.

Омонимы же разделяются на шесть видов. Среди них есть омонимы, называемые абсолютными, как, например, «восточный ветер» и «святой дух»: они сходятся только в имени «ветер» (дух), но полностью различаются по смыслу. Причина в том, что это две сущности, между которыми нет никакой сущностной общности, которая указывала бы, почему они объединились под этим единым названием. Другие называются согласующимися: это когда некое общее свойство конституирует обе сущности, носящие одно имя, или множество сущностей. И это имя, общее для тех, кого им называют, по соглашению указывает на каждую из них постольку, поскольку они объединяются в этом свойстве. И то, что поддерживает существование одной сущности, называемой этим именем, само поддерживает и существование других из всех тех, кого называют этим именем, общим для них по языковому соглашению, — подобно имени «живое», которое по соглашению сказывается о человеке, об осле, о воле и о каждом из живых существ. Ведь свойство жизни есть свойство, присутствующее в каждом из них, и оно поддерживает сущность каждого отдельного существа. Живое — это тело питающееся и чувствующее, и это определение обще для всего живого. То же самое можно сказать и обо всем, что представляет собой род, вид или отдельную особь, где видовое отличие сказывается о них одинаково по соглашению: ведь и род, например «тело», конституирует всякого обладателя тела. То же относится и к виду, каков человек, а также к «разумному», что служит видовым отличием и конституирует сущность человека, чье определение — «животное разумное».

Известно, что всякое определение слагается из общего рода и видового отличия, отделяющего один вид от другого из тех, что объединены под этим родом. Ведь всякий род включает в себя по меньшей мере два вида. Поэтому согласующееся имя выражает род, вид или видовое отличие, указывающие на сущностную природу вещи, но не указывает на собственное свойство или на привходящее, так как ни собственное свойство, ни привходящее не относятся к вещам, поддерживающим сущность. Ведь согласно умопостижаемому вполне возможно, чтобы сущий предмет продолжал существовать и при устранении от него привходящего или собственного свойства. Есть также имена, которые называют сомнительными: это имя, сказываемое о двух существующих сущностях, объединяемых свойством, которое не поддерживает сущностную природу каждой из них, либо о большем их числе. Таково имя «лев», которое сказывается о живом, о мертвом и о нарисованном на стене. Оно может сказываться также об увиденном в зеркале или в воде, но у того нет существования, кроме как в воображении. Мы же говорили о реально сущих предметах. Общность между теми, кто назван одним именем, возникает здесь не со стороны того, что поддерживает сущность каждого из них, но со стороны привходящего обстоятельства, случившегося с ними, — а именно внешнего очертания, то есть строения

тела. И известно, что строение не поддерживает сущность истинного льва, но лишь его внутренняя естественная форма — живая душа, питающая и чувствующая. И в этом живой лев не разделяет ничего с мертвым или с нарисованным, кроме одного лишь имени «лев».

И вот сомнительное имя уподобляется с двух своих сторон двум упомянутым именам: оно подобно первому — истинному и полному омониму — тем, что эта сущность поистине отлична от другой; и подобно согласующемуся имени тем, что оно называется одним именем с другим из-за некоего объединяющего их свойства, ради которого они названы одним именем. Из-за этого сходства с обоими именами оно и названо сомнительным. Есть также имена, сказываемые в общем и в частном смысле: это происходит, когда какой-либо вид называется именем своего рода, подобно имени «звезда», которое в общем смысле сказывается о каждой звезде небесной. Оно же сказывается в качестве омонимичного особого частного имени об одной особой планете — планете Меркурий (Кохав Хама), именуемой «звездой интеллекта», чья небесная сфера — вторая над сферой Луны, и она подобна писцу при Солнце.

И поэтому она названа «Кохав Хама». То же относится и к зелени, а также к подобным ей вещам: о ней говорят, что у нее есть общее и частное имя. Общее — потому что всякая трава по видам своим зовется зеленью (*хацир*, חָצִיר), но есть среди них один особый вид, чье имя также *хацир* (חָצִיר), и в арамейском переводе это *карти* (כַּרְתִּי — лук-порей). Есть имена, называемые переносными: сначала они указывают на сущность некой вещи, и это имя закрепилось и стало общеизвестным для этой сущности, а затем было заимствовано от той сущности, за которой оно прочно утвердилось, для другой сущности — однако за другой сущностью оно не закрепилось так, как за первой. Таково имя «лев», закрепленное за одним из видов животных; и поскольку лев могуч, храбреца среди людей порой называют именем «лев». Подобным приемам у рифмоплетов и поэтов нет конца — то есть они переносят имена через образы воображения от одного к другому. Есть имена, называемые переосмысленными: они указывают на некое понятие у простого народа и общеизвестны среди него, а затем у мудрецов были перенесены на вещи, значение которых не совпадает со значением у народа. Таково имя «молитва», которое у народа означает просьбу, а у мудрецов и пророков было перенесено на нечто особое в особой форме. Сюда же отнеси понятия «мужской пол» и «женский пол», «сыновья» и «дочери» и многое тому подобное.

Таковы шесть видов омонимичных имен. Кроме того, есть еще множество других имен: производные, местоимения, прилагательные и многие другие. Производное имя — это, например, «белый» от «белизны», «мудрый» от «мудрости», «праведный» от «праведности»; и субъекты определяются тем, что их определение произведено от имени качества. Сами же качества — это белизна, мудрость, праведность и подобные им.

Местоимения, служащие заместителями, могут быть отдельными словами, как «я», «он», «мы», «вы», «они». А могут быть буквами, присоединяемыми к именам и действиям, как «моя мудрость» и «мои деяния», «твоя мудрость» и «твои деяния», «наша мудрость» и «наши деяния», а также «их мудрость» и «их деяния»; или «мой сын», «моя голова», «твой сын», «твоя голова» и тому подобное. Некоторые называют эти местоимения «десятью обладателями», поскольку они сводятся к десяти. Если же ты сделаешь различие между мужским и женским родом, единственным и множественным числом, как ты еще услышишь, их число с необходимостью возрастет до двенадцати местоимений, поскольку подобает довести все категории, встречающиеся в речи, до двенадцати частей, как будет сказано в третьем разделе этой части, в которой мы сейчас находимся. Есть также сложные числительные, и свойства имен подвержены множеству изменений. Грамматики уже разделили их на великое множество разрядов, но до сих пор не исчерпали их до конца и никогда не исчерпают, ведь им нет предела. Мы же кратко наметили здесь вопрос об именах, чтобы раскрыть с его помощью далее то, что ты услышишь с помощью Всевышнего, благословен Он.

Раздел 2 — часть куф (ך), знак бэт (ב): вопрос о действиях

Поскольку имя указывает на сущностное или привходящее бытие, а действие не является ни сущностью, ни привходящим, но отношением одного к другому, мы скажем о нем то, что ты сейчас услышишь, а именно: знай, что действие бывает сущим в потенциале, а бывает сущим в актуальности. И бывает оно естественным, бывает искусственным, а бывает случайным. То, что находится в потенциале, делится на две части: близкое и далекое. Близкое — это то, что очень близко к актуальности, а далекое — то, что далеко от нее. Поэтому градации близости и дальности возникают еще и между близким и далеким — подобно тому как ты говоришь, что далекая материя человека — это стихии, близкая же — семя, именуемое истечением семени (*кери*), а промежуточные ступени лежат между ними. Естественное же действие — это подобно тому как ты говоришь: «человек пишет» во время самого письма, ведь тогда он действует актуально; а небесная сфера вращается актуально всегда. И скажи, что действие — не сущность и не привходящее, но отношение, соотносящееся с действующим, совершающим его, и с объектом, несущим его на себе. Оно не является сущностью, поскольку не есть тело и не есть сила в теле — ведь если бы оно было силой, оно не было бы действием. А если ты скажешь, что оно есть пассивная [претерпевающая] и пребывающая сила, тогда оно оказалось бы сущностью. Его можно назвать лишь сообразно отношению определения, которым определяется действующий, и определения, которым определяется объект, находящийся в несущей его сущности или привходящем. Естественное же действие является сущностным — независимо от того, присутствует ли оно постоянно в потенциале, готовое выйти в действие, или же

присутствует актуально. Таковы, например, тяжесть тел, в составе которых преобладают вода и земля, и легкость тел, в составе которых преобладают огонь и воздух, а также горячность огня, влажность воды, подъем одного вверх и опускание другого вниз и тому подобное. И эти свойства, обнаруживаемые в естественных действиях, могут быть названы как привходящими, так и сущностными: ведь сами по себе они не сущности, но мы называли их сущностными потому, что они неотлучно пребывают с несущими их сущностями и актуально без них не существуют — подобно белизне в снегу и черноте в смоле. Привходящим же мы называли то, что случается с сущностью временами, а затем исчезает из нее, подобно теплу в воде, мягкости в воске и тому подобным временным привходящим свойствам. Эти и подобные им действия существуют в природе и называются естественными; и оказалось, что природные вещи с необходимостью связаны с упомянутыми привходящими свойствами, случающимися с ними при временных превращениях, и потому зовутся случайными. Искусственные же действия — это то, что совершается исключительно человеком; при этом никто из приходящих в мир не способен сотворить ни единой крупницы материи — ни малой, ни большой, ни много, ни мало, равно как и не может уничтожить ее из природного бытия.

Однако ремесло отчасти подобно природе, поскольку оно сообщает форму материи определенного сложения. И сообразно этому действующие соотносятся со своими объектами действия [претерпевающими], а объекты действия — со своими деятелями. Отношение же действия — общее для них обоих: соотноситься с ним и соотносить его с ними. И поскольку нет действия вне времени и вне места, то и действующий, и объект, и само действие соотносятся также со временем и с местом. А так как нет действия без четырех причин — материи, формы, действующей причины и цели, — всякое действие соотносится со всеми четырьмя, являющимися причиной их бытия. И все эти вопросы разъяснены в книгах по мудрости.

Мы же упомянем здесь только отношение действия ко времени вместе с действующим и претерпевающим объектом; остальное же пусть ищут в надлежащем месте, где оно будет найдено и понято благодаря размышлению разумного человека. И скажем об этом, что действующий бывает в единственном числе или во множественном. Единственное число делится на две части: мужской род или женский, и множественное число также делится на две части: мужской род или женский. Лица же, указывающие на действующего, делятся на три разряда: говорящий, беседующий со слушающим о третьем лице, которое перед ними не находится; говорящий о самом себе; и говорящий собеседнику лицом к лицу о нем самом. И эти три разряда охватывают трех общих деятелей во множественном числе — это «мы», «вы», «они»; и трех частных деятелей в единственном числе — это «я», «ты», «он»; и мы называем их местоимениями. Раздели их далее по мужскому и женскому роду — и они составят двенадцать разрядов. И если в них чего-то недостает, знай, что это от неполноты языка.

И вот в нашем языке, когда мы желаем отнести глагол прошедшего времени в одной из глагольных пород к действующим лицам, в языке недостает трех форм из двенадцати, и три формы удваиваются и не выделены особо для тех, кому следовало бы их выделить, так что остается всего девять. И вот они: Реувен действовал вчера (*пааль*); действовал некто, действовала его жена (*паала*); действовал некто; действовали Реувен и Шимон (*паалу*); действовали Рахель и Лея (*паалу*); действовали мы, Авраам и Ицхак (*паальну*); действовали мы, Сара и Ривка (*паальну*); действовал я, Яков (*паальти*); действовала я, Билха (*паальти*); действовал ты, Яков (*паальта*); действовала ты, Зилпа (*паальт*); действовали вы, Амрам и Моше (*пеальтем*); действовали вы, Йохевед и Ципора (*пеальтен*); вчера действовал некто. Итак, упомянутых форм в соотношении с действиями — двенадцать; причем для единственного числа — шесть, и для множественного — шесть.

И вот, две формы во множественном числе совпали: это *паалу* и *паалу*, а также *паальну* и *паальну*. И в них мужской род не был отделен от женского, как он отделен в остальных случаях. Таким образом, объединенных форм оказалось четыре, и две из шести исчезли. И сверх того совпала еще одна форма единственного числа — *паальти* и *паальти*, где мужской род не отделен от женского, как он отделен в остальных формах единственного числа. И так частных форм оказалось пять, а всего получилось девять, и три исчезли. Есть языки, где недостает больше, есть такие, где недостает меньше, а есть такие, где недостает столько же, сколько в нашем языке, то есть остается девять; однако добавить сверх двенадцати невозможно согласно естественной речи, потому что категорий сущего не больше и не меньше.

И вот сами эти местоимения: он, она, они (м.р.), они (ж.р.), мы, я, ты (м.р.), ты (ж.р.), вы (м.р.), вы (ж.р.). И по этой языковой норме местоимений получилось десять, так как формы *паалу* и *паалу*, которые были одинаковыми для обоих родов, получили каждая свое выражение и разделились посредством букв мэ (𐤌) и нун (𐤍) в словах «они» для мужского рода (*хэм*) и «они» для женского рода (*хен*). И если бы можно было восполнить их все, это было бы превосходно. Из того же, что мы находим «мы» (*анахну*), а также *нахну*, и «я» (*ани*), а также *анохи*, тогда как подобного удвоения мы не встречаем у остальных местоимений, видно, что намерением языка было разделить между теми, кто ими обозначается. И мы не станем распространяться об этом, чтобы не подвергнуться осмеянию. И нет возражения в том, что мы находим *атэна* вместо *атэн*, или в том, что кое-где встречается *атэм* применительно к женскому роду, поскольку и это относится к смешению языка либо проистекает из некоей сокровенной тайны о Единстве.

Итак, то, что мы упомянули, относится к прошедшему времени, и мы сказали, что оно вмещает двенадцать форм сообразно категориям сущего со стороны речи. Но поскольку время делится также на настоящее и будущее, глагол указывает на оба они. Будущее же

делится на две части и на восемь речений: четыре из них — повелительное наклонение, указывающее на действие, которому предстоит совершиться в будущем, и четыре из них — будущее время для четырех деятелей. Повелительное наклонение имеет четыре формы потому, что принимающих повеление всего четверо: единственное число делится на мужской или женский род, а множественное число делится на мужской род или женский. Подобно тому как ты, повелевая им, произносишь повеление: «Реувен, храни этот дом сейчас или завтра». Но о прошедшем нельзя сказать «храни», ведь всякое повеление обращено к будущему и не относится к прошедшему. Можно лишь сказать о сохранении настоящего в данный момент, однако начало его — от момента повеления и далее, продлится ли оно или нет; и нет никакого повеления иначе как лицом к лицу.

И пойми это: это великая тайна из величайших во всей Торе. Ведь то, что я пишу здесь, отнюдь не лишено тайны; я взялся за этот труд не для того, чтобы переписывать книги грамматиков, но все эти вопросы приведены здесь как указание на нечто необходимое или полезное для цели нашего сочинения. И отсюда же то, что женщине в повелительном наклонении ты скажешь: «храни этот дом в такое-то время» (*шимри*), а множественному числу мужчин — «храните» (*шимру*), а множественному числу женщин — «храните» (*шморна*). И вот десять обладателей — то есть местоименных окончаний — добавляют к основам имен или глаголов десять букв на конце [слов], чтобы различить обладателей в именах. Как ты говоришь: мое имя (*шми*, שְׁמִי), его имя (*шмо*, שְׁמוֹ), ее имя (*шма*, שְׁמָהּ), твое имя (*шимха*, שְׁמָךְ), их имя [жен.] (*шман*, שְׁמָנָן), наше имя (*шмену*, שְׁמֵנוּ), их имя [муж.] (*шмам*, שְׁמָם), его имя (*шмо*, שְׁמוֹ), ваше имя [муж.] (*шимхем*, שְׁמָכֶם), ваше имя [жен.] (*шимхен*, שְׁמָכֶן). И в глаголах — как ты говоришь: «он действовал» (*пааль*), «она действовала» (*паала*), как я наметил для них и для местоимений; однако в глаголах недостает одного, как я упомянул, местоимений же десять, как и имен. И поскольку их начало — от «он» и «она», ты поймешь их тайну.

И так же ты поймешь тайну начала трех местоименных окончаний имен: «мое имя» (*шми*, שְׁמִי), «его имя» (*шмо*, שְׁמוֹ), «ее имя» (*шма*, שְׁמָהּ), ведь их окончания (י, ו, ה) служат свидетельством. И так же окончание повелительного наклонения в трех из них: *шимри* (שְׁמָרִי), *шимру* (שְׁמָרוּ), *шморна* (שְׁמָרְנָה). Пробудись же от моих слов к Имени и оцени величие Единого Имени, благословен Он! Кроме того, глагол указывает на настоящее время, и так же пребывает претерпевающий объект; деятель же зовется действующим лишь тогда, когда он действует актуально во время действия. И если его действие непрерывно и неизменно, то и он непрерывен и неизменен. И это первое умопостигаемое. Если же деятель перестал действовать, но объект действия пребывает — подобно написанию книги после того, как она была написана: жив ли писец или умер, его уже не называют действующим, но объект действия зовется созданным до тех пор, пока само действие сохраняется в нем. Если же его действие исчезнет — например, со

стиранием буквы с доски, — он уже не будет тогда называться претерпевшим действие, но о нем скажут, что он некогда претерпел действие, теперь же он не есть объект действия в актуальности, но лишь в близком или далеком потенциале.

И вот речения, сказываемые о действующем в настоящем времени: «Реувен пишет» (*котэв*), «Лея пишет» (*котэвет*), «Авраам и Ицхак пишут» (*котвим*), «Сара и Ривка пишут» (*котвот*); причем буква тав (ת) в слове *котэвет* (כֹּתֶבֶת) стоит вместо буквы хэй (ה) в слове *котэва* (כֹּתֶבָה), и все это равнозначно в языке. Так же обстоит дело и с объектом действия: «книга написана» (*катув*), «послание написано» (*ктува*), «книги написаны» (*ктувим*), «послания написаны» (*ктувот*); и это также четыре речения. И невозможно ни прибавить к ним, ни убавить от них ничего. Ведь если в языке обнаруживается одна форма, пусть даже остальные не встречаются — будь то во всей породе в целом или на одной из шести ее ступеней, — ты сможешь образовать ее везде, где пожелаешь. И есть два понятия, которые служат корнем для всего, о чем говорится как о глаголе, и они суть первые имена для действия: подобно тому как ты говоришь «порода» или «породы», на которых ты строишь все его формы: прошедшее, будущее и настоящее. И глагол не образуется от имени сущности [субстанциального имени], которое не принимает ни множественного числа, ни сопряжения, но изменяется по отношению к имени прилагательному и к привходящему, которые принимают множественное число или сопряжение. И общее правило для всякого имени гласит, что к нему на конце присоединяется буква; однако к имени сущности никогда не присоединяется буква на конце, но присоединяется только спереди. И это также великая тайна, знай ее; и случается, что имя сущности бывает производным. Отглагольное же имя делится на две части: одна из них — имя мужского рода в единственном и множественном числе, а вторая — имя женского рода в единственном и множественном числе. Как ты говоришь: *кодэш*, *кодашим* или *кдуша*, *кдушот* — с дагешем в букве шин (שׁ); так как формы с рафе указывают на признак определяемого предмета в них и тому подобном. Инфинитив глагола охватывает все три части времени: «было», «есть» и «будет». Сам по себе он звучит как *шамор* или *захор*, и у него есть множество форм во всех породах. И никто не способен вполне объяснить его суть, ведь оттого, что он есть источник, его смысл сокровенен. Перед ним могут присоединяться четыре буквы бэт, каф, ламэд, мэм (בכל"ם), и никакая иная буква не может присоединиться к нему в качестве служебной, однако к нему может присоединяться служебная буква вав (ו), как в стихе: «...и сделать этот день днем пира и веселья» (Эстер 9:19), а также может присоединяться вопросительная буква хэй (ה), как, например: «Скажет ли царю: негодяй?» (Иов 34:18), и никакая иная буква к нему не присоединится. Так же после него могут присоединяться все десять местоименных окончаний. А то, что он имеет четыре ступени с буквами бэт, каф, ламэд, мэм (בכל"ם), и то, что, будучи источником, он охватывает всякое время, указывает на

наличие единой материи у четырех стихий: она общая для всех них и служит для них источником.

И вот его суть: в слове *шмор* буква шин (ש) с камацем — это инфинитив, а буква шин со шва — это повелительное наклонение (*шмор*). И из первого инфинитива и повелительного наклонения ты найдешь корень всякого слова; и ты не найдешь никакой служебной буквы при повелительном наклонении, кроме буквы вав (ו), которая добавляется, как, например: «выйди и сделай» (*це ве-аце*), «смотри и делай» (*рее ве-аце*). Когда же ты добавишь служебные буквы, ты скажешь: *ки-шмор* (כִּשְׁמֹר), *би-шмор* (בִּשְׁמֹר), *ли-шмор* (לִשְׁמֹר), *ми-шмор* (מִשְׁמֹר). И тогда буква шин (ש) становится огласованной шва из-за добавления четырех букв. Однако при наличии соединительной буквы вав (ו) огласовка камац не меняется, и вопросительная буква хэй (ה) не меняет инфинитива, кроме как с буквой каф (כ), когда за ней следует одна из гортанных букв, сочетающихся с нею.

И вот будущее время охватывает четыре категории для четырех деятелей, и знак, указывающий на них, — это буквы алеф, йод, тав, нун (אֵית"ן). И вот их суть: Реувен говорит о самом себе и произносит: «я порадуюсь» (*эсмах*); говоря о своем отсутствующем товарище, он говорит о нем: «Леви порадуется» (*йисмах*); обращаясь к нему в лицо, он говорит ему: «ты порадуешься» (*тисмах*); а объединяя других с собою, говорит: «мы порадуемся» (*нисмах*). И хотя встречается еще форма *эсмэха*, она равна первой; а форма *йисмеху* относится ко множественному числу; и так же *нисмэха*, *тисмеху*, *тисмехи* и *тисмахна* — все они охвачены буквами алеф, йод, тав, нун (אֵית"ן). И этой речи также следовало бы произноситься сообразно упомянутому строению — между единственным и множественным числом, между мужским и женским родом во всей полноте этим путем, однако в них недостает того, что ты увидишь. Пример тому: я, Реувен, пойду; я, Тамар, пойду; мы, Шимон и Леви, пойдем; мы, Рахель и Лея, пойдем; Йегуда пойдет; Йосеф и Шломо пойдут; Сара и Ривка пойдут; Йегуда и Йосеф, вы пойдете; Шмуэль, ты пойдешь; Сара пойдет; Сара, ты пойдешь; Йохевед и Ципора, вы пойдете.

Вот двенадцать путей: шесть для единственного числа и шесть для множественного. Недостаток же языка в них таков: два совпадения в единственном числе и два во множественном. И таким образом осталось восемь несовпадающих форм: четыре в единственном числе и четыре во множественном. И таким путем тебе нужно исследовать остальные тяжелые глагольные породы, подобно тому как ты видел в этой простой породе, на которую я обратил твое внимание. Ведь я написал об этом в данном сочинении только для того, чтобы пробудить тебя к тайне языка по необходимости, поскольку невозможно постичь то, что последует далее, иначе как с помощью таких предпосылок,

которые необходимо предварительно усвоить, чтобы вслед за ними прийти к цели сочинения, а именно — к истинному познанию Имени. И интеллект доказывает, что если познание сокровенных тайн речи не будет предшествовать постижению, умопостигаемое постижение, обретаемое от Имени, не сможет стать совершенным. Однако при знании намеченных предпосылок это постижение легко воспринять, если только тому не воспрепятствует внешняя или внутренняя помеха либо Б-жественная воля.

Раздел 3 — часть рэйш (ר), знак вав (ו): пути служебных слов

Всякий язык включает в себя три составные части: имена, действия и служебные слова. И мы уже кратко объяснили две из них сообразно цели сочинения, и осталось объяснить служебные слова, которые суть третья часть. И мы скажем о них, что служебные слова — это речения, именуемые связкой для выражаемых смыслов; и они представляют собой привходящие свойства, хотя и необходимы в речи. Ведь когда ты произносишь имя, например «Яков», из него самого по себе никогда не будет понятен законченный смысл — несмотря на то, что имя сущности есть корень, указывающий на природу сущего и на его сущность. И даже если ты соединишь несколько имен сущности вместе, из них не будет понятен смысл высказывания, пока ты не присоеди́нишь к имени глагол. Но и многие высказывания требуют связывания отдельными служебными словами или буквами, связываемыми с именами или с глаголами. Подобно тому как ты произносишь «Реувен»: присоедини к нему один глагол, например «вышел», и скажи: «Реувен вышел».

И вот из одного лишь имени не было понятно законченное высказывание, как и из его соединения с глаголом, пока ты не добавишь к ним одно или несколько уточнений, таких как «из города сегодня». И тогда смысл речи становится полным, когда ты произносишь все вместе, как ты говоришь: «Реувен вышел из города сегодня». И если имя, указывающее на существующий предмет, само по себе не завершает речь, то тем более служебное слово, как, например, предлог «из» (мин, מִן) или буква мэ (מ) — ведь «из города» (мин а-ур, מִן הָעִיר) то же самое, что ме-а-ур (מֵהָעִיר), — которое само по себе не указывает ни на какой сущий предмет. И отсюда ты пробудишься к знанию того, что путей служебных слов превеликое множество и они весьма отличны друг от друга. А также пробудись из всего сказанного мною, чтобы понять из этого то, что я скажу отныне и впредь с Б-жьей помощью в последующих частях.

Вот я уже разъяснил тебе то, что следовало разъяснить в трех частях речи, на которых построен всякий язык, сообразно его предмету. И я представил эти пять глав, следующих за ними, делящихся на первые пять частей, наподобие кратких общих предпосылок для того, что войдет в следующие пять глав, делящихся еще на пять других частей. И эти пять

больших частей охватили две малые частные части, а также следующие пять больших частей охватят еще восемнадцать малых частных частей. И буквенный знак всех их — *кахи* (כח"י). Прибавь к ним десять больших частей, и в итоге получится «жизнь твоя» (*хайеха*, חיי"ך); и знак тебе: «Ибо он — жизнь твоя и долгота дней твоих...» (Дварим 30:20). И берегись, чтобы не забыть тебе этих слов и чтобы они не отходили от сердца твоего во все дни жизни твоей, ведь это слова света первого интеллекта; и потому в сердце твоём вновь воссияет «звезда» (*кохав*, כוכ"ב), и ты познаешь там расчет из расчета имени, и будешь жить им вечной жизнью.

Часть 6: Единство Имени

Часть шестая: буквенные знаки ее — шин (ש) и тав (ת), частей в ней две, разделов два, а слово [из них] — алеф (א), ламэд (ל).

Раздел 1 — часть шин (ש), знак алеф (א): буквы Единого Имени

Всякий, у кого есть хоть какое-то полученное по традиции знание об Имени и кто желает усовершенствовать им свой интеллект, переведя принятое по традиции из потенциала воспринятого в силу умопостигаемого, не должен смущаться от того, что увидит в этой книге. Если же смутится дух его традиции, пусть обратится к Йосефу, толкователю снов, или к Даниэлю, стоящему по правую руку от него, чтобы тот истолковал ему его сны. И пусть душа его не печалится, когда при первом размышлении вещи покажутся ему слишком глубокими. А если он не найдет толкователя и распутывающего узлы, пусть трудится, пока не поймет мой замысел. Ведь я знаю: если он наделен интеллектом, само вещество его мозга чисто и он вглядывался и размышлял каким-либо из истинных путей, он постигнет мою мысль и будет ей очень рад. Если же он не постигнет моей мысли, пусть не судит о ней по своему желанию или согласно привычным ему представлениям, но только по истине, если сможет. И пусть он не выказывает пристрастия к своему преданию, если оно не постигнуто интеллектом, чтобы [на его основе] не оспаривать предание умопостигаемое, принятое от Всевышнего и от Моше.

Но пусть поступится честью своего начального предания и уступит перед нашим умопостигаемым преданием. И пусть рассудит, что его предание еще вчера было и моим преданием тоже — до того, как в моем сердце раскрылись очи интеллекта. То было время, когда я не видел света, пусть даже он ярок в небесах, жаждущих Имени. Но когда я увидел свет в свете интеллекта, я перешагнул с его помощью от предмета низкого к предмету возвышенному. И были у меня оба этих взгляда, и я исследовал их, и выбрал для себя возвышенный, но сохранил и первый. И всякий, кто уподобится мне и подобным мне в этом, совершая переход от предмета к предмету и поднимая ввысь знамя возвышенного предмета, — вознесется его стяг и возвысится знамя его от Всевышнего. И я отношу к нему стих: «И знамя Его надо мною — любовь» (Шир а-Ширим 2:4) — читай не *дигло* (דִּגְלוֹ — «знамя его»), а *дилуго* (דִּלְגוֹ — «прыжок его»). И после того как я сделал тебе это краткое предостережение и предупредил о том, о чем следовало предупредить, сказав немногими словами то, что [разбросано] во множестве мест, я приступлю к тайнам букв досточтимого и грозного Имени и с Б-жьей помощью сообщу тебе, что это за буквы.

Знай, сын мой, и пойми, что букв Имени четыре: алеф, хэй, вав, йод (אָהוּ"י), и все вместе они называются буквами сокрытия — согласно стиху: «Вот имя Мое навеки, и вот память обо Мне из рода в род» (Шмот 3:15). И сказано в предании [мудрецов]: написано *ле-алем* (לְעֶלְמָא), то есть [Имя] следует скрывать; поэтому и буквы его стали буквами сокрытия. Таков смысл для простого народа, но для сокрытого [смысла] дело обстоит иначе, ведь слово *ле-олам* (לְעוֹלָם) / *ле-алем* (לְעֶלְמָא) — многозначное. Одно его значение — сокрытие, а второе — возвышение, то есть буквы Имени следует возводить (*ле-алем*), иначе говоря, поднимать их, что подобно возведению их на подобающую ступень. Свидетельство же тому — сказанное вслед за этим: «и вот память обо Мне», что указывает на обязанность человека поминать Его. А тайна слов «из рода в род» указывает на то, что каждое поколение возвращается в Имени согласно поминанию Его Имени. Противоположность же поминания — забвение, и [Писание] уже предостерегло, сказав: «Смотри, не забудь...», намек на что содержится в стихе: «Сотри память об Амалеке из под небес, не забудь!» (Дварим 25:19). Ведь уже сказано: «Ибо рука на престоле Г-спода: война у Г-спода против Амалека из рода в род!» (Шмот 17:16). Слово же *дар* (דָּר) происходит от слова «обитель» (*дира*, דִּירָה), и смысл его — всё то время, пока поколение обитает в мире и память о нем еще не забыта. Ведь так написано: «Нет памяти о прежних...» (Коэлет 1:11).

И еще написано: «Поколение уходит, и поколение приходит, а земля пребывает вовек» (Коэлет 1:4). Однако о Всевышнем уже сказано: «Г-споди! Имя Твое — вовек; Г-споди! Память о Тебе — из рода в род» (Теилим 135:13). И сказано еще в раскрытии этой тайны: «Царство Твое — царство всех миров, и владычество Твое — во всех поколениях» (Теилим 145:13). И еще яснее это открывается в словах: «Ты, Г-споди, пребываешь вовек; престол Твой — из рода в род» (Эйха 5:19). Тем самым Он указал в понятиях царства, Имени и самой сущности на тайну слова «навек», сказав: «Царство Твое», «Имя Твое» и «Ты», ведь это три ступени для единства: Он, Имя Его и Царство Его.

Уже известно, что имя — это знак, указывающий на существование сущности или привходящего. И тайна слова «Имя» (הֵשֵׁם): начальные буквы слов Он, Имя Его, Царство Его (הוּא שְׁמוֹ מְלָכוּתוֹ) — буквы хэй, шин, мэм); а также слов Он — Имя, Царство (הוּא שֵׁם מְלָכוּת), где начальные буквы, конечные буквы и внутренние буквы [складываются в слова]: «Имя» (הֵשֵׁם), «истина» (אֱמֶת) и «и целиком оно» (וְכֻלּוֹ). И истина умопостигаема, а сочетание букв хэй-алеф-мэм (הא"ם) постигаемо интеллектом; и Имя целиком — истина, и истина целиком — Имя, и само умопостигаемое — истина. И вот эта тайна, пойми ее: Имя, Царство; Он, Царство, Имя, Он; а во Всевышнем Он Сам есть Имя Его и Он Сам есть Царство Его в самой Его сущности. И это не то, что можно

представить воображением, но то, что постигается интеллектом, ведь в воображении возникает образ составленности, во Всевышнем же нет никакой составленности.

И вот, упомянуты еще три ступени, чтобы указать ими на тайну поколений. Поколение соотносится с обитающими в мире, мир соотносится со временем, а время соотносится с миром. Ступени же эти — память о Нем, владычество Его и престол Его. Память о Нем следует за Его Именем, Его владычество следует за Его царством, а Его престол следует за Его сущностью. Поколения же следуют за миром и временем, и эти упомянутые соотношения известны всякому разумному человеку, сведущему в предании. И вот, я намекаю на их тайну обладающим интеллектом: нет сомнения, что следующее за ведущим ниже его, если они принадлежат к двум разным родам. Но если они принадлежат к одному роду, возможно, что они равны по достоинству, хотя и не равны по существованию. И поскольку то, что следует, или то, за чем следуют, относится к одному из трех видов — а именно: к отделенному [интеллекту], к неотделенной силе или к телу, — нам необходимо обосновать интеллектом, кто за кем следует из этих трех.

И зная, что отделенный интеллект ведет, а не следует за другим, мы знаем, что [телесная] сила или тело следует за ним, тогда как он сам не следует ни за одним из них. И зная, что Всевышний, будучи Первопричиной всего сущего, есть Необходимо Сущий по Своей собственной сути и представляет Собой интеллект на наивысшей из всех ступеней бытия, мы знаем также из этого, что всё следует за Его сущностью. И всё, что воображение способно представить из атрибутов, приписываемых Его сущности, — всё это следует за Его сущностью, так как в Его сущности нет никакой составленности. Ведь если бы Он был составным, Он не был бы Необходимо Сущим по Своей собственной сути, но лишь в силу двух частей Своей составленности; всякая же составленность есть привходящее, случившееся с составленным, а у всякого составного непременно есть составитель. И всё это уже разъяснено строгими доказательствами в книгах мудрости. А если так, то любое имя, указывающее на Него, должно быть именем, указывающим либо на Его бытие, либо на отличие, которым Он отличен от всего иного. Таков обычный способ указания на отделенные сущности по их отличию: либо [имя] указывает на атрибут, приписываемый Ему, либо на то, что Он — действующий, либо на то, что на первый взгляд представляется неким совершенством простому народу, у которого нет постижения Его бытия иначе как по преданию. А если так, то все Его имена также будут следовать за Его Единым Именем, подобно тому как всякое сущее следует за Его бытием; и досточтимое и грозное Имя, называемое Шем а-Мефораш, станет единственным началом для всех Его имен — подобно тому как Он Сам есть начало всех сущностей: Он есть всё в действительности, тогда как все они существуют лишь в Его силе. И поскольку имя — основа для поминания, а поминание существует не иначе как через имя, поминание следует за именем. И так как царство — основа владычества, ведь всякий царь владычествует, но не всякий владыка — царь, владычество следует за царством. И

поскольку Первая Сущность — основа всякой сущности, престол этой сущности следует за самой сущностью, восседающей на нем. И если бы восседающий на престоле был телом, он нуждался бы в престоле, являющемся телом, чтобы сидеть на нем.

Однако Всевышний (благословен Он), не будучи ни телом, ни силой в теле, не нуждается в престоле, на котором сидел бы; если же Ему приписывается название «престол», то этот престол — нечто бестелесное. Из этого пойми, что этот престол — предмет возвышенный; и тем не менее Всевышний [пребывает] над ним образно, как сказано: *«И вот, Г-сподь стоит над ним»* (Берешит 28:13), — то есть над лестницей, выражаясь иносказательно.

А раз так, как возможно найти имя, указывающее на истинную суть Его сущности, благословен Он, — ведь она совершенно непостижима для интеллекта? И как может она быть постигнута прочими видами восприятия, стоящими ниже постижения интеллектом? Однако Его Шем а-Мефораш указывает на Его бытие и указывает на Его отличие от всего иного. И это отличие — не просто отличие Его сущности от сущности кого-либо иного, но предельное отличие Его сущности от сущности всякого другого; а также предельное отличие свойств Его сущности от свойств сущности всякого другого, превыше которого нет никакого отличия, как будет сказано в следующей за этим краткой части. Здесь же я сообщу, какие именно буквы были выделены, чтобы стать именем Ему, да благословится Имя Его. А именно: мы говорим, что всех букв двадцать две, и Всевышний выбрал из них четыре буквы, когда открыл это владеющим языком, чтобы указать ими на Свое бытие. И Он увидел, что невозможно указать на Его исключительное бытие иначе как через особенное Имя. И Он повелел Своим служителям, коэнам, благословлять им Его избранный народ, выделенный из прочих народов, подобно тому как Его Имя было избрано среди остальных букв, — хотя все они суть Его буквы, как и все народы — Его создания. И поскольку Он Сам един и народ Его един, Он повелел передавать благословение через колено, выделенное из всех Его колен, — хотя все Его колена отмечены [особым достоинством]. И так как всё [здесь] едино и выделено, Он избрал особое благословение, пусть оно и тройственно, — подобно тому как Его единое Имя тройственно и как единый народ Его разделен натрое: коэны, левиты и истраэлиты, и все они — Истраэль.

Однако не все они левиты; и точно так же всякий коэн — левит, но не всякий левит — коэн. И после того как я сообщил тебе это, скажу тебе, что ни в коем случае нет ни одного имени, состоящего менее чем из двух букв. И вот, первые [буквы], избранные из всех букв, — это йод и хэй (יה); затем была избрана буква вав (ו), чтобы соединить ее с этим Именем, и еще была избрана буква алеф (א). И вот, эти четыре буквы — буквы Имени, и именно их бытие [присутствует] во всем. И любая перестановка, которая совершается над Единым Именем, не включает в себя совершенно никакой другой буквы, кроме этих

четырех, и именно они одни — буквы Единого Имени. И после того как я сообщил тебе это, слушай то, что я скажу о них и об их тайнах согласно преданию в этой части.

Раздел 2 — часть тав (𐤕), знак ламэд (𐤌): указание букв Имени

Поскольку Всевышний есть Необходимо Сущий, на Него указывают буквы, из совокупности и счета которых с необходимостью следует существование их всех, и все они составляют единое целое (𐤕𐤌𐤕 = 22). А Тот, Кто служит началом всего существующего после Него и возникшего по Его воле, — это Б-г, да будет Он превознесен. И потому на Него должна указывать такая буква, которая покажет, что таково же Его отношение ко всему последующему, — и это буква алеф (𐤀). Ведь буква алеф — первая среди всех букв по своей ступени, и невозможно произнести ни одну из них без алеф; и всякая огласовка, приводящая букву в движение, сопряжена с движением алеф. Произнеси же каждую из букв отдельно от всякого сочетания, то есть от алеф (𐤀) до тав (𐤕), с каждой из огласовок; протяни каждую букву немного дольше, и ты обнаружишь, что начало всякого движения — в сопряжении алеф с [произносимой] буквой и огласовкой. А после того как звучание буквы выходит изо рта, огласовка, сопряженная с алеф, продолжает звучать нараспев, протяжно, в непрерывном движении — например, на одной лишь алеф, без какого-либо перерыва, кроме [перехода] от одного дыхания к другому. И это необходимо обусловлено природой человеческой жизни: ведь если дыхание человека, служащее ближайшей причиной его жизни, прервется хотя бы на короткое время, он тотчас умрет. И поскольку дыхания человека — ближайшие причины его жизни, буква дыхания, от которой зависят все дыхания, указывает на бытие Б-га, Который есть Жизнь всего живого и Первопричина всякой жизни живущих, и от Него зависят все движения от начала и до конца.

Известно, что в звучании речи есть пять видов огласовок. Одна [находится] вверху, ее имя — холам, и ее начертание — одна точка над концом буквы. Другая — внизу, ее имя — хирик, и ее начертание — одна точка под буквой. Еще одна подвешена между верхом и низом, посередине, позади тела буквы, и ее имя — шурук. Еще одна расположена внизу и вытянута прямо, ее имя — камац, и ее начертание — прямая линия от конца буквы до ее начала и точка под линией посередине. И еще одна — внизу, ее имя — цере, и ее начертание — две точки: одна в конце буквы, а другая в начале буквы снизу. Выходит, что все пять звуков расположены внизу, вверху и посередине, однако один выделен тем, что находится исключительно вверху, средний — тем, что находится посередине, а начертание одной нижней точки называется своим именем и произносится своим звучанием; остальные же три находятся внизу, и прочие огласовки составлены из них. И

этот вопрос будет полностью раскрыт на своем месте, в восьмой части, в тайне произношения Имени.

И знай, что дыханий ноздрей — тысяча (*элеф*), и намеков на это: «Тысяча тысяч служили Ему...» (Даниэль 7:10, **אלף אלפין ישמשוניה**), что по гематрии равно «тысяча дыханий носа» (**אלף נשימות האף** = 1003). И вот тайна стиха: «...и вдунул в ноздри его дыхание жизни...» (Берешит 2:7), где намекается на сущностное определение человека, и оно имеет два пути. Точно так же их два: «живой — мертвый» (**חי מת**), что по гематрии равно: «живой, постигающий, мертвый» (**חי משכיל מת**). И подобно тому как если отнять произнесение алеф (**אף**) от буквы, то у буквы, которую собираются произнести, не будет бытия, — точно так же, если лишить человека дыхания (*нешима*), не будет бытия у его жизни. И знай: то, о чем я сказал касательно дыхания (*нешима*, **נשימה**), которое также зовется душой (*нешама*, **נשמה**), намечено в конце Теилим в речении: «Всякая душа да восхвалит Г-спода! Аллилуя!» (Теилим 150:6), о чем сказали в сокровенном смысле: «Восхваляй Его за каждое дыхание в тебе». И мы еще разъясним это подробнее в тайне произношения Имени — касательно дыханий, их количества, качества и сущностной природы, с Б-жьей помощью. Поскольку алеф первенствует во всех отношениях — то есть и в порядке алфавита (**אלפא ביתא**), где она первая из всех букв, и в разряде единиц, где она начало всех чисел, служа знаком первого числа, которое с одной стороны есть число, а с другой стороны — не число, — буква алеф была достойна стать именем для Имени, то есть указывать на Него вместе с самым благородным из всех сущих на уровне видов и родов.

Кроме того, известно, что алеф служит началом четырех разрядов чисел: это единицы, во главе которых стоит знак алеф (**א**); десятки, во главе которых стоит намеком знак йод (**י**); сотни, во главе которых стоит намеком знак куф (**ק**); и тысячи, во главе которых снова стоит намеком знак алеф (**א**), — и круг замыкается вновь, и потому тысяча (*элеф*) зовется единицей (*эхад*). И этим указывается, что Тот, Кто есть Начало, Сам же есть и Конец. Об этом говорит пророк (Йешаяу), намекая на слова Всевышнего: «Я Г-сподь, Я первый, и Я последний...» (Йешаяу 44:6). И раскрывается здесь то, что алеф — одна из букв Имени, и она первая в Имени сущности, каковым является Имя ЭЙЕ (**איהי**). А йод — также из букв Имени, и она первая в Имени сущности, каковым является Имя АВАЯ (**יהוה**); и она последняя в ступени единиц и первая в ступени десятков.

Все это указывает на то, что Он, благословен Он, — Первый и Последний, то есть Начало, не имеющее начала, и Предел, не имеющий предела; Он — начало всякого сущего, происшедшего от Него, и Он — цель для всех них, ведь все они сотворены ради раскрытия Его величия Его творениям. И сообразно этому Всевышний повелел посвятить Своему Имени каждого первенца, указывающего на начало силы человеческого бытия,

как сказано: «*Реувен, первенец мой ты, крепость моя и начаток силы моей...*» (Берешит 49:3). И повелел также посвятить Своему Имени десятого [из скота], чтобы указать на предел того, чего можно достичь в бытии, во свидетельство того, что Он — все. И поскольку от алеф до йод — десять букв, и все они соотносятся с первым, так что по общему названию именуются единицами по имени первого, чье имя — «один», потребовалось возвестить в начале единиц и в конце единиц, что нет начала перед ними и нет предела после них, [но есть] единство; и обе они должны свидетельствовать о единстве Всевышнего согласно десяти сфирот белима, являющим истинное единство. И потому было совершенно невозможно, чтобы Его Имя обошлось без этих двух букв. И обе они в своем счете охватывают половину букв, и потому буквы названы по ним в качестве их собственного знака. Ведь если ты разделишь слово *отиот* — «буквы» (אֲוִיּוֹת) на две части: *от* (אוֹת) и *йот* (יוֹת), и поставишь алеф отдельно, а затем вав-тав (ו"ת), и еще йод отдельно, а затем вав-тав, и переставишь вав-тав в тав-вав (ת"ו), то в обоих случаях найдешь их тайну: «тав алеф» (אָתָא) и «тав йод» (יָתָא), то есть первый знак и последний знак, ведь смысл слова *тав* (תָא) — это намеченный знак, как сказано: «...и начерти знак...» (Йехезкель 9:4). И намек на то, что знаком тав обозначено «будешь жить» (*тихье*), выражает знак чернилами (*тав шель дьё*); а на то, что им обозначено «умрешь» (*тамут*), указывает знак кровью (*тав шель дам*). И тайна такова: на тех, кто умер в сердце, указал знак крови (תָא שֶׁל דָם — умерли, מָתוּ, в сердце, בְּלֵב = 32); а на тех, кто ожил душой (תָא שֶׁל דָּיָא), указал знак чернилами (תָא שֶׁל דִּיּוֹ), и пойми это со всей ясностью. И тайна слова *дьё* (דִּיּוֹ) — это тайна слова *йод* (יֹוד), а тайна слова *дам* (דָם = 44) — это тайна наполнения: йод, хэй, вав, хэй (יֹוד הָא וְ הָא = 44), и значение его — также «Он — йод — Он» (הוּא יֹוד הוּא = 12 + 20 + 12 = 44).

Однако те умертвили Его в своем сердце и скрыли кровью сердца, так как не совершили обрезания сердца, чтобы открылась венчающая его корона, и оно осталось необрезанным. И нарушили они заповедь: «*Обрежьте же крайнюю плоть сердца вашего...*» (Дварим 10:16), и утратили благое предначертание: «...и жестоковыми не будьте более» (Дварим 10:16) — в тайне ожесточения выи. Ведь сердце — ближайшая действующая причина человеческого бытия, но с другой стороны — далекая по причине материи. И потому они заслужили смерть, потому что умертвили внутри себя Того, Кто был причиной их существования. А те [праведники] оживили Его в своей душе, потому что удалили от своего сердца его крайнюю плоть, обнажили его силой обрезания и совершили обрезание, и пролили кровь его, пока не познали его сущность; и нашли они, что по природе оно мертво, и оживили то, что ему противостоит, сменив мертвое на живое, тогда как другие променяли живое на мертвое.

И поскольку всякая кровь — начало человеческой материи, Имя, охватывающее Шем а-Мефораш, оказалось составным в произношении. И скажем еще, что в «тав алеф» (אָ תָ) и «тав йод» (אָ יָ) числовое значение слова *тав* (תָ = 406) равно слову «Ты» (*ата*, אַתָּא = 406). И они словно два свидетеля об Имени, свидетельствующие о Нем и говорящие Ему: «Ты — Алеф, Ты — Йод», то есть: «Ты — Первый, и Ты — Последний». И вот, слово «ты» на иностранном языке и буквы вав-тав (אָ וָ = 406) равны по числу слову *ата* (אַתָּא = 406). А поскольку эти две буквы указывают на Всевышнего и служат началом и концом для [Его] единства, с ними неизбежно должны были соединиться еще две другие, средние буквы: ведь поскольку крайних букв пара, между ними не может находиться одна средняя буква, но только две. И потому средние буквы также оказались достойны стать именем для Имени, и это хэй (הָ) и вав (וָ); их счет называется «круглым числом», тогда как число алеф называется первым корнем всякого счета, а число йод — совершенным числом.

И я знаю, что ты спросишь меня и скажешь: если это так, почему же Единым Именем не стало имя из букв алеф, хэй, вав, йод (אָוְהָא), указывающее на это? Знай, что так и надлежало бы; однако поскольку Всевышний пожелал скрыть Свое Имя, чтобы испытать им сердца разумных, переплавить, очистить и отбелить им силу их интеллекта, — возникла необходимость покрыть его, спрятать и утаить. И потому оно было составлено из букв сокрытия. И если бы оно было сокрыто до предела, даже постигающие своим умозрением не смогли бы постичь из него ничего, и Имя существовало бы у них лишь путем предания, а не путем умопостижения. Но оно непременно должно было сочетать обе крайности, чтобы принести совершенство обоим разрядам людей, о которых сказано: *«Человека и скотину спасаешь Ты, Г-споди!»* (Теилим 36:7) — а именно разумным и неразумным: первым — силой их углубления в Имя, а вторым — через принятие того, что Он существует. И глупцам запрещено произносить его, и они впредь не помянут его своим именем; разумным же дозволено произносить его, и они безмерно радуются, зная его пути, как сказал пророк, познавший Его воистину: *«К Имени Твоему и к памяти о Тебе — стремление души»* (Йешаяу 26:8). И точно так же взывают пророки о поминании Его, как сказано: *«Вы, напоминающие о Г-споде, не умолкайте!»* (Йешаяу 62:6), и еще: *«И не давайте покоя Ему, доколе Он не утвердит и доколе не сделает Йерушалаим славою на земле»* (Йешаяу 62:7). И уже сказано о них: *«...ни днем, ни ночью не будут они умолкать...»* (Йешаяу 62:6) — то есть не перестанут поминать и произносить его.

И коль скоро это так, была причина сокрыть его и причина раскрыть его. И если бы постоянным именем было имя из букв алеф, хэй, вав, йод (אָוְהָא), и возникла бы необходимость сообщить, что эти четыре буквы служат при каждой огласовке, то глупцы изумились бы и сказали, что не подобает Имени указывать на Свои буквы, служащие другим [буквам], ведь они не ведали бы величия этой истинной высшей сути. Поэтому потребовалось раскрыть это в иных формах, непонятных неразумным, но понятных

мудрецам. И есть еще вторая причина, более возвышенная, чем первая: тайна истинного Имени не может быть понята без перестановки, которая показывает, что всякое круговращение с необходимостью происходит от истины Его бытия. А также оно не познается без подобающей ему огласовки, ведь через его огласовку человек познает тайну всех движений и то, что Он — причина всякого движения, кругового или прямолинейного. И в нем непременно должно присутствовать круговое движение, чтобы указать, что круговое движение с необходимостью происходит от Него. И точно так же в нем должно присутствовать прямолинейное движение, чтобы указать, что и оно с необходимостью происходит от Него. И вот, произнесение его не будет полным без ведомых ему напевов дыханий, указывающих на Его силы и на то, что всякая общая или частная сила в бытии с необходимостью происходит от Него. Ведь все это постижение в целом и называется согласно умпостигаемой Б-жественной Каббале истинным познанием Всевышнего.

И если бы все это не выражалось в самом Имени, как бы оно указывало на Него в предельном совершенстве? Потому Имя, называемое Именем сущности, во всей Торе приводится в виде, указывающем на непрестанно вращающееся колесо, и тайна его такова: йод, хэй-вав-хэй (י' הו"ה), и разумный поймет. И еще в одном особом месте оно приводится во второй переставленной форме, а именно: алеф, хэй-йод-хэй (א' ה"י). И мудрец признает, что эта вторая форма встречается во всей Торе лишь трижды в качестве Имени, не подлежащего стиранию. И ни в Пророках, ни в Писаниях она не встречается в качестве Имени Всевышнего ни разу. Однако и то место, где оно встречается в Торе, приведено лишь для того, чтобы указать, что Он — причина всеобщего избавления. И алеф — это пять тысяч, и десять раз по пять, и пойми это. И это в точности то, на что первое Имя указывает двумя путями: первый — десять раз по пять и пять тысяч, которые суть просто пять, ведь тысячи — это единицы. А второй — переход от [алеф] к вав в течение пяти раз по десять; и точно так же второе Имя само по себе имеет второй путь в таком же обратном порядке: пять раз по единице вместо пяти раз по алеф. И согласно этому пути Имя сущности, начинающееся с алеф, есть «все» (הכל = 55), и намек на это: «Вот, у Г-спода, Б-га твоего...» (Дварим 10:14) — слово хен (הן = 55), потому что все принадлежит Ему. А первое [Имя], начинающееся с йод, есть «все» со стороны сложения всех единиц вплоть до него; и оно есть общее со стороны пяти раз по шесть, что равно 30 (буква ламэд), и со стороны пяти раз по десять, что равно 50 (כ"ל); и прямо и обратно тайна его дает: «общее для всего» (כלל לכל); и это — тайна Древа Жизни, сокрытое произношение которого — Судья (דין). И тайна его — в системе атбаш; знай ее и: «... встань, помажь его, ибо это он» (Шмуэль I 16:12). И у всякого дерева есть листья (алим, עלים), и ими оно скрывает (яалим, יעלים) свои плоды; а если утроишь его, то оно поднимется к Имени из 12, и тайна его будет: «общее для всего общее» (כלל לכל כלל).

Ведь Всевышний — да благословится Имя Его и да благословится память о Нем вовеки; и половина этого числа — *рам* (רַם = 240), и тайна его — «дух Г-сподень» (רוּחַ יְהוָה = 240). И вот, это — Древо Жизни: удвой 240 (רַם), и найдешь, что это «дух от духа» (רוּחַ מְרוּחַ), и это — душа человека, включающая в себя всякую душу. И вот, буквы хэй-вав (ה"ו) при их обращении в Имени показали, что они — колесо, обращающееся лицом и спиной, и намек на это: «Сзади и спереди Ты объял меня...» (Теилим 139:5).

И вот, в первом Имени пришли лицо и спина, а буква вав (ו) посередине склоняет чашу в круговращении десяти сфирот: пять против пяти. И значение буквы вав посередине указывает на постоянное, вечное и неколебимое существование — подобно столпу, на который опирается дом. И она предстает в образе лестницы, которая «...поставлена на землю, а вершина ее касается неба; и вот, ангелы Б-жьи восходят и нисходят по ней» (Берешит 28:12), и они движутся вокруг нее прямолинейным движением, подобно форме буквы вав, чье положение прямо и стоит во весь рост. И если так, то это Имя указывает, что Всевышний удерживает мир, движения в котором прямолинейны — восходящие и нисходящие — силой этого Имени, тайна которого — десять сфирот, разделенных на две равные части: хэй-вав-хэй (ה"ו"ה) и АВАЯ (יְהוּא). А второе Имя — алеф, хэй-йод-хэй (א"ה"ה), в котором средняя решающая буква — это йод (י), имеющая круглую форму, указывающую на круговое движение вокруг нее, — указывает, что Всевышний силой этого Имени удерживает мир кругового движения, то есть мир небесных сфер; и все оно — одна первая сфера, имя которой Дух живого Б-га, и это — святой дух. И потому сказано: «...ибо дух животного был в колесах» (Йехезкель 1:20), и уже сказано в описании Колесницы: «Куда дух хотел идти, туда шли и они... при шествии своем не оборачивались» (Йехезкель 1:12). И тайна слова «будет» (יִהְיֶה, יְהִי) вместе с тайной слов «туда [хотел] дух» (שָׁמָּה הָרוּחַ) раскроет тебе упомянутую тайну духа Всевышнего.

И вот, Имя было также двухбуквенным — это ЙА (יָא); и если ты переставишь или удвоишь его, найдешь его тайну: ЙА ЙА (יָא יָא). Теперь соедини все три перестановки трех имен и найдешь первое — хэй-вав-хэй (ה"ו"ה = 16), второе — хэй-йод-хэй (ה"י"ה = 20) и третье — йод-хэй-йод-хэй (ה"י"ה"י"ה = 30); сложи их числовые значения, и найдешь, что они составляют «колесо» (גַּלְגַּל, גַּלְגַּל = 66). А духовными буквами были алеф (א = 1) и йод (י = 10). Прибавь алеф к слогу *гал* (גַּל = 33), и выйдет 34 (דָּל); и прибавь йод к другому слогу *гал*, и выйдет 43 (מָג); сложи оба вместе, и найдешь «башню» (מִגְדָּל, מִגְדָּל = 77), и намек на это: «Башня крепкая — Имя Г-спода: в нее убегает праведник и защищен» (Мишлей 18:10).

И вот, слово «крепкая» (עֹז, עֹז = 77) равно по числу слову *мигдаль* (77); соедини их вместе, и найдешь 154 (קנ"ד), и тайна его — «восток» (קַדִּים, קַדִּים = 154), и намек: «...

придет восточный ветер, дух Г-сподень...» (Ошеа 13:15). И вот, АВАЯ ЭЛОКЕЙНУ АВАЯ ЭХАД (יהוה אלהינו יהוה אחד): три этих имени дают в сумме 154, и они — «крепкая башня» (מגדל עז = 154), а тайна — огласовка (некед, נקד = 154). И там — тайна упомянутых выше трех особых имен: хая, хове, йихие (היה, הוה, היה), составляющих основу Имени из 12; число букв в них составляет 11, а с алеф (א) их двенадцать; а в тех [трех именах стиха Шма] — четырнадцать букв, однако они указывают на круговращение полного Имени лицом и спиной. И Имя, служащее определением, — ЭЛОКЕЙНУ — является решающим посередине; и все едино, подобно стиху: «ЭЙЕ, Который ЭЙЕ» (Шмот 3:14), где слово «Который» (ашер, אשר) было решающим словом посередине.

И оба этих имени — одно целое: определяющее и определяемое, а среднее [слово] — также имя для того, кто знает его тайну. И если ты распознаешь в них три буквы алеф и возьмешь каждую в ее полноте, поднимется 22 и 500 (כ"ב ש"ר), и твой знак: «...награда твоя весьма велика» (Берешит 15:1). И тайна слова ашер (אשר = 501) — «светильник сияющий» (нер маур, נר מאיר = 501), и тайна эта подобна стиху: «...во свете Твоем мы видим свет» (Теилим 36:10), и все в них — сияющий светильник; а число его — «путь Г-сподень на земле» (נר בארץ יהוה בארץ = 543), что есть «светильник на земле» (נר בארץ = 543). И намек на это: «Светильник Г-сподень — душа человека...» (Мишлей 20:27), чье число равно «провидение души» (השגחת נשמה = 1111), каковое само есть «провидение небес» (השגחת השמים). И тайна здесь такова: подобно тому как провидение Всевышнего пребывает в звезде (кохав, כוכב = 48), точно так же провидение Всевышнего пребывает в мозге (моах, מוח = 48). И раскроется тебе тайна из тайны юбилея, каковой есть утроенное число 16 (י"ו = 48), указывающее на утроенную пару. И это то, что я раскрыл тебе в тайне вращающейся жизни, где шесть раз по пять составляет 30 (ל), а средними решающими служат 16; возведи же их во взаимное умножение, и найдешь, что они дают орудие (כלי), прибавь к ним 30, и будет «всеобщий» (клали, כללי); и тайна его — царь (мелех, מלך = 90), и намек на это: «Г-сподь царствует...» (Теилим 10:16, יהוה מלך). И известно, что смысл упомянутой буквы алеф подобен слову «вот» (хэ), как в стихе: «Вот вам семена...» (Берешит 47:23, הלא לכם זרע); и тогда тайна Имени ЭЙЕ — это хэ ЙА (הא יא), подобно смыслу «Вот Г-сподь», то есть: «Вот Он существует», подобно тому как говорят: «Вот царь, трепещите пред ним, ведь ныне он потребует от вас то, чем вы обязаны ему, — а это сердце, душа, свет разума и то, что за ними следует».

И вот, буква алеф в обратном прочтении — половина слова «любовь» (ахава), и она — суть всякого любящего и всякого любимого; и все трое включают в себя «силу единого» (כח אהבה), каковой есть «сила любви» (כח אהבה), и тайна их — буквы бэт-хэй и алеф-вав, и все это — АВАЯ ЙА (יהוה יא). Прибавь к любви «мир» (олам = 146) и найдешь

«грядущий мир» (**עוֹלָם אֶחָד קָטָן** = 159), который есть «единый малый мир» (**יָהּ**), Который есть «полный Б-г» (**מְלֵא אֱלֹהִים**); и Он Сам — йод-хэй, что есть АВАЯ; и это намек на 26 (**כ"ו** = 26), буквы каф-вав, ведь Г-сподь есть Б-г; и Он включает в Себя ангела Б-жьего (**מְלֵאךְ הָאֱלֹהִים**); и Он — АВАЯ АДОНаЙ, что есть АДОНаЙ ЭЛОКИМ, чтобы указать ими тайну мира, являющегося орудием Б-жым (**כְּלֵי הָאֱלֹהִים**). Сосчитай «Б-г богов» (**אֱלֹהֵי הָאֱלֹהִים**), и найдешь их: алеф и йод, то есть первый и последний. И сосчитай еще «Владыка владык» (**אֲדֹנֵי הָאֲדֹנִים**), и найдешь источник, вмещающий меру за меру; соедини их, и найдешь 312 (**ש"ב**).

И знай, что это намек на начальные буквы слов «шесть дней творения» (**שֵׁשֶׁת יָמִי בְּרֵאשִׁית** = **ש"ב** = 312); и это выводится из полного составного Имени из 12, тайна половины которого — «не тело» (**אֵינוֹ גּוּף**), а тайна остальной половины — «и не сила в теле» (**וְלֹא כֹחַ בְּגוּף**). И перестановка дает: «Имя Мое — шесть в начале» (**שְׁמִי שִׁשִּׁת**); а сокровенный смысл: «Имя Мое сокрыто, сотворил и увенчал» (**שְׁמִי נִסְתָּר בָּרָא וְנִקְדָּשׁ**); «Имя Мое — два побуждения сотворил, два побуждения — Имя Мое Единое и Явное». И если ты сумеешь понять этот непостижимый путь в познании Имени, ты познаешь Всевышнего. Соедини *шит* с *шит*, и найдешь: «колесо интеллекта с тобой» (**גִּלְגָּל הַשִּׁכָּל אֶתְּךָ**), и намек: «...ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, говорит [Г-сподь]» (Ирмеяу 1:8). И соедини слово «Имя Мое» (*шми*, **שְׁמִי** = 350), чья тайна — «интеллект» (*сехель*, **שִׁכָּל** = 350), со словом «сотворил» (*бара*, **בָּרָא** = 203), чья тайна — «орган» (*эвер*, **אֵבֶר** = 203), что есть также «великий» (*раба*, **רַבָּא** = 203); и ты найдешь Его «во всяком начале» (**בְּכָל רֵאשִׁי**), и Он есть «начало во всем» (**רֵאשִׁי בְּכָל**). И если ты найдешь Его в форме, ты найдешь Его и в материи; а когда найдешь Его в материи, найдешь Его и в форме — в тайне светильника в огне; и все таинство в целом — два побуждения в материи и два побуждения в форме.

И вот, раскрылась тебе тайна шести дней творения, и это тайна стиха: «...двумя закрывал лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Йешаяу 6:2), каковые суть лицо во главе, ноги внизу и крылья, под которыми руки человеческие, находящиеся посередине: два лица, и у них семь врат; две руки, и им соответствуют десять сфирот против десяти пальцев рук; две ноги, и им также соответствуют десять сфирот против десяти пальцев ног; и от них с необходимостью происходят 27 видов человека и 27 букв.

И вот, суд месяца Тишрей — это суд шести дней творения, и потому день Рош а-Шана — это Судный день; и в нем вращаются чаша заслуг и чаша вины, тайна которых — время и предел (**עַתָּה קֵץ**), а Имя ШАДАЙ (**שְׁדַי**) склоняет чашу между ними. И еще тайна: «Метатрон — ШАДАЙ имя его» (**מִטְטְרוֹן שְׁדַי שְׁמוֹ**), ведь тайна истолкования его такова:

«ШАДАЙ — имя его, ШАДАЙ», и необходимое число — 974 (תתקע"ד); также имя Метатрона — «Отрок» (наар), и все это — «венец ШАДАЙ мне». И об этом знай, что вращение буквы хэй свидетельствует о Судном дне: пять раз по пять — 25 (כ"ה), пять раз по 25 — 125 (קכ"ה), и тайна их — «День суда» (יום הדין, йом а-дин, יום הדין = 125). А суды — это священнослужители (כֹּהֲנִים); алеф — это один, форма, имя и единство. И тайна: «Имя единства обретается» (שם יחוד מציאה, шем ихуд мециа, שם יחוד מציאה) — по конечным буквам дает «мера» (מדה), против бытия крови (דם), и познай их.

И знай, что к первой букве Имени [йод] были присоединены буквы вав и далет (ו"י) по двум первым причинам: во-первых, потому что обе они в своем счете равны самой букве йод (י = 6 + 4 = 10). А во-вторых — ради указания на владычество буквы йод над всем бытием, на которое указывают вав и далет, означающие шесть сторон пространства (קצוות) и четыре стихии (ד' יסודות). И вдобавок к этим двум есть у него еще множество путей; и среди них — то, что если ты запишешь букву йод полно (יוד), то найдешь, что тайна ее — «ангел» (מלאך, малах), однако это Сам Б-г. Ведь тайна ее была полной, и это тайна наполнения: хэй, йод, хэй (הא יוד הא), что равнозначно словам: «слава» (кавод, כבוד = 32), «Единый» (яхид, יחיד = 32) и «сердце» (лев, לב = 32); и Г-сподь есть Б-г, и Он — АДОНаЙ АВАЯ, как мы сказали. И намек на это: «...дело рук искусного мастера» (Шир а-Ширим 7:2), что служит знаком Б-га, Царя верного и грозного (אל מלך נאמן), а также намек: «...и свет обитает с Ним» (Даниэль 2:22).

И вот, имя ЭЙЕ на иностранном языке означает «твердый, пребывающий», и из этого ты поймешь форму пути речения «ЭЙЕ, Который ЭЙЕ». И запиши еще букву йод и узнай, сколько составит сумма слагаемых от единицы до йод (1 + 2 + ... + 10): и вот, она равна 55 — что есть «все» (הכל = 55), а также «море» (а-ям, הים = 55). И узнай, сколько составит сумма слагаемых от единицы до шести (буквы вав): и найдешь 21 (א"כ); а сумма слагаемых от единицы до четырех (буквы далет) составляет 10 (י), и вот сумма обоих чисел равна 31 — слову ЭЛЬ (אל). Сложи их с суммой слагаемых буквы йод, которая составила 55 (הים), — и вот, имя ЭЛОКИМ (אלהים = 86) выходит из сумм составляющих буквы йод, и оно также означает «ЭЛЬ всего» (אל הכל = 31 + 55 = 86). И сложи еще суммы слагаемых буквы хэй в их возведении, и найдешь АВАЯ (יהוה).

И вот, ты уже нашел, что из полного написания ЙА происходят АВАЯ ЭЛОКИМ, и это указывает на обращение свойств: ведь АВАЯ — мера милосердия, тогда как ЭЛОКИМ — мера суда, так как Б-г есть Судья. И вот, они суть АДОНаЙ, а также йод-хэй: пять раз по йод дает 60, а десять раз по хэй дает 50, и вот все вместе — знак чудес (нисим, נִסִּים). И потому Имя было Единым и нарицательным, и намек на них — огласовка (некуд), а смысл

их: «Милость и истина предваряют лице Твое» (Теилим 89:15). И вот, намек на «День суда» произошел от «воображения ЙА» (דְּמִיּוֹן יָהּ). Каким образом? Десять раз по десять дает сто (מֵ"י" = 100), а пять раз по пять дает двадцать пять (הַיּוֹד = 25); и вот, все это происходит от букв йод-хэй, и это тайна, именуемая силой воображения. И когда из нее выходит воображаемое, из нее же выходит и постигаемое разумом — из тайны: «ЙА — Имя Мое» (יָהּ שְׁמִי). И оно также есть имя буквы йод, как то — вид буквы йод; соедини оба вместе, и найдешь их тайну: «человек — имя вида» (אָדָם שֵׁם הַמִּין), «тело над формой, форма над телом» (צוּרָה עַל גּוּף, גּוּף עַל צוּרָה), и оба они мертвы.

Но когда к ним присоединяется Единое Имя, каковое есть «Имя жизни» (שֵׁם הַחַיִּים), оказывается, что Всевышний — «Оживляющий мертвых» (מַחְיֶה הַמֵּתִים). И общее правило: «доброе побуждение и дурное побуждение» (יִצְרַר הַטּוֹב וְיִצְרַר הָרָע) — это Имя, «оживляющее мертвых» (שֵׁם מַחְיֶה מֵתִים = 893 = תתצ"ג). Сосчитай также значение букв хэй-вав-хэй (הָא וְ הָא), и найдешь, что сумма их всех указанным способом составляет 74 (ע"ד), что само по себе равно слову Судья (דִּין = 74). И потому сказали мудрецы наши, благословенной памяти (ХАЗАЛЬ): «Он — свидетель, Он — судья...» (Авот 4:22), тайна которых — хэй-вав-хэй (הָא וְ הָא), то есть «свидетель» (עֵד, עֵד = 74) и «судья» (דַּיָּאן, דִּין = 74). Однако ясная тайна, вытекающая из них, — это «Он, Он» (הוּא הוּא), и об этом сказано: «Вот Имя Мое навеки, и вот память обо Мне из рода в род» (Шмот 3:15). И тайна здесь: одно осязается (יִמַּשׁ, יִמַּשׁ), а другое поминается (יִזְכֵּר, יִזְכֵּר); и это согласуется с двумя побуждениями, через которые мы постигли Б-жественность и которые в высших началах сопряжены с материей и формой, по намеку на слова «праведник» и «защищен», свидетельствующие о материи и форме в упомянутом выше стихе о крепкой башне; и в самих нижних таков же их путь и их сочетание, с той лишь разницей, что высшие живы, а нижние мертвы; но когда сила жизни соединяется с мертвыми, мертвые становятся живыми. И отсюда ты поймешь, что такое воскресение мертвых и что такое жизнь грядущего мира.

И знай, что пути Всевышнего неисследимы, ведь тайнам Его нет конца. Но если ты желаешь изо дня в день возвышаться пред Ним, а не уподобляться мельничному ослу, который ходит по кругу, но не сходит со своего места, и хотя своим движением совершает работу помола и служит орудием для других, ослом был и ослом остался, не приобретя от всего своего труда никакого достоинства для себя самого, — тебе нужно уподобиться углубляющимся в мудрость, чьи души изо дня в день возносятся пред Сотворившим их благодаря познанию Его благословенного Имени. И потому я завершу эту часть тайной Имени из 12 и его значением, а от него ты пробудишься к познанию Имени из 42 и к тайне Имени из 72, потому что все вышло из одного места и все идет в одно место.

И знай, что Имя из 12 первосвященник произносил десять раз в Йом Кипур — против десяти дней раскаяния, десяти сфирот, десяти речений [творения] и Десяти заповедей: так как все это сходится к единому намеку, распространяющемуся от одного бытия к другому, от одной ступени к другой, от одной темы к другой и от причины к причине, пока все не доходит до посланца общины. Ведь посланец общины — это йод (יוד = 10), то есть он десятый, и: «...десятый же да будет посвящен Г-споду» (Ваикра 27:32). И вот, Имя из 12 равняется по числу этому сложению благодаря своим соразмерным долям: ведь половина его — 6, треть — 4, четверть — 3, а шестая часть — 2; и сумма всех этих долей вместе с единой обособленной частью, равной единице (6 + 4 + 3 + 2 + 1), дает в своей тайне 16 (הי"א). А тайна самого числа 12 — это слово «Он» (הוא = 12); и вот тайна: «Она — Он» (היא הוא), или скажи: «Он — Она» (הוא היא); и все это — сила единого ЙА (אֵה כֶּה = 28), и таков их порядок: יהוה יוהה יאהו.

И это одно из его истолкований:

יֵהְיֶה יוֹהֵה יֵהְיֶה — «будет, настоящее бытие, было»). Однако в нем заключено еще множество иных тайн, но этих тебе достаточно. А в тайне произношения мы раскроем тебе также тайну их огласовок, с Б-жьей помощью. Наше намерение в том, что мы хотели указать относительно букв, принадлежащих Имени Всевышнего, уже завершено; и то, к чему мы побудили [твою мысль], послужит необходимым подобием главных тезисов для того, что должно быть познано глубоким интеллектуальным умозрением, чтобы достичь в нем формы речевого движения.

Часть 7: Обращение букв

Седьмая часть: буквенные обозначения ее частей — тав (ת), шин (ש), рэйш (ר), куф (ק); в ней четыре части и четыре раздела, а слово [их знаков] — айн (ע), пэй (פ), йод (י), хэй (ה).

Раздел 1 — часть тав (ת), знак айн (ע): сочетание букв

Это общее правило легко понять. И хотя мы не можем постичь его [во всей полноте], оно непременно имеет предел — подобно тому как всякое письмо и всякий язык имеют предел в действии, тогда как в потенции они бесконечны. Поскольку же этот путь — первый в мудрости традиции (Каббале) и содержит ее в виде общего прообраза, все ее части охватываются его общим именем. Это имя — «сочетание букв» (церуф, צירוף האותיות), что по гематрии равно «семидесяти языкам» (שבעים לשונות = 1214), или же оно зовется «обращением букв», ведь все это одно и то же. Известно, что в языках нет ничего, кроме обращения соединения букв, и это зовется смешением (составом), потому что по его подобию смешались стихии. И как всякая речь сложена из букв, так и всякое смешение сложено из четырех стихий. В этом тайна Имени, [наполняемого как] йод-хэй (א"ה י'): ведь буквы алеф, хэй, вав, йод (א"ה י') указывают на двадцать две буквы, а буква далет (ד = 4) указывает на четыре стихии. И раз так, то всякая речь и всякое творение исходят из одного Имени — Каф-Вав (כ"ו = 26), тайна которого — двадцать шесть; оно указывает на то, что оно — «венеч Торы» (כתר תורה), и из него явствуется узел [тфилин]. Потому оно и указывает на присутствие Шем а-Мефораш (Явного Имени) в органах [человеческого тела]. И оно само — речение АВАЯ (איה), от которого [исходит] всякое сложение и от которого приходит благословение; ему же принадлежит право первородства в разъяснении, и они же — буквы благословения и проклятия.

Поэтому буквы переставляются в прямом и обратном порядке, как написано в «Сефер Йецира»: «Два камня строят два дома, три [камня] строят шесть домов» (Сефер Йецира 4:12), — и так далее обо всех. И вот их вид: алеф-бэт (א"ב), бэт-алеф (ב"א); алеф-бэт-гимель (אב"ג), алеф-гимель-бэт (אג"ב), бэт-гимель-алеф (בג"א), бэт-алеф-гимель (בא"ג), гимель-алеф-бэт (גא"ב), гимель-бэт-алеф (גב"א); и все, что ты построишь из них, придет к подобному же итогу. Смысл этого подобен тому, как смешивают вино с водой или воду с вином: то есть первое обращается в последнее, а последнее — в первое, конец — в начало, а начало — в конец. А если среди них окажется среднее [звено], четное или нечетное, оно будет переставляться с каждым [из них] до самого конца.

В трехбуквенном же [сочетании], поскольку оно строит шесть домов — а на это число указывало предшествующее ему ближайшее построение общим счетом своих букв и слов, в котором было четыре буквы и два слова, — обращение каждой буквы происходило дважды в начале слова: алеф-алеф (**א"א**), бэт-бэт (**ב"ב**), гимель-гимель (**ג"ג**). А остающееся в каждых двух словах — противоборствующее, то есть обращающееся: бэт-гимель (**ג"ב**) против гимель-бэт (**ב"ג**); так же гимель-алеф (**א"ג**) против алеф-гимель (**ג"א**), и алеф-бэт (**ב"א**) против бэт-алеф (**א"ב**). И сочетание никогда не завершается иначе как разнородными буквами, так чтобы последнее речение стало обращением первого речения. Например, алеф-бэт-гимель (**ג"בא**), стоящее в начале сочетания, имеет напротив себя обратное ему в конце сочетания — гимель-бэт-алеф (**א"בג**); и так во всем сочетании. И во всяком сочетании, которое ты будешь строить, когда в нем больше трех букв — как, например, алеф-бэт-гимель-далет (**ד"בגא**), или алеф-бэт-гимель-далет-хэй (**ה"בגדא**), или алеф-бэт-гимель-далет-хэй-вав (**ו"בגדהא**), или алеф-бэт-гимель-далет-хэй-вав-зайн (**ז"בגדהוא**), — ты всегда должен начинать сочетать сначала три его последние буквы. И следи согласно этому числу за тем, чтобы всегда возвращать первую букву в начало, пока не завершится перестановка трех [остальных] букв. Например, [букву] алеф (**א**) из алеф-бэт-гимель-далет (**ד"בגא**); так же, если [начальных букв] несколько — например, алеф-бэт (**ב"א**) из алеф-бэт-гимель-далет-хэй (**ה"בגדא**), или алеф-бэт-гимель (**ג"בא**) из алеф-бэт-гимель-далет-хэй-вав (**ו"בגדהא**), или алеф-бэт-гимель-далет (**ד"בגא**) из алеф-бэт-гимель-далет-хэй-вав-зайн (**ז"בגדהוא**). А когда завершится перестановка трех [букв], посмотри на первое сочетание, которое служит ключом ко всем, и начни со второго сочетания, поставив начало в конец — и найдешь весь путь прямым, без ошибок круговращения. И этим путем ты найдешь четыре начала сочетаний для алеф-бэт-гимель-далет (**ד"בגא**), и вот они: [когда] алеф (**א**) остается в [начале] слова; бэт (**ב**) остается в [начале] слова; гимель (**ג**) остается в [начале] слова; далет (**ד**) остается в [начале] слова.

Гимель-бэт-алеф-далет (**ד"באג**) переставляется шесть раз.

Далет-гимель-бэт-алеф (**א"בגד**) переставляется шесть раз.

Алеф-далет-гимель-бэт (**ב"דגא**) переставляется шесть раз.

Бэт-алеф-далет-гимель (**ג"דאב**) переставляется шесть раз.

И подобным путем поступай со всеми сочетаниями; я же уже сообщил тебе пути обращения букв в мере, достаточной для нашей цели.

Раздел 2 — часть шин (ש), знак пэй (פ): замена букв

У замены букв (тмумы) много путей. Среди них есть такой, когда замена происходит способом подстановки буквы вместо буквы по алфавиту — например, АВАЯ (יהוה), которое по [системе] атбаш (א"ת ב"ש) заменяется на МАЦПАЦ (מצפ"ץ), а в сумме дает букву шин (ש = 300). Потому-то буква шин с тремя вершинами вытиснена на тфилин, а поскольку в [этом] Имени четыре буквы, на все его бытие указывает еще и шин с четырьмя вершинами. И намек на них — семь сфирот, находящихся в голове, соответствующие семи вратам [чувств]: трем праотцам соответствует этот образ — трехглавая шин (ש), а четверем праматерям — этот образ, четырехглавая шин (ש). И вот тайна их обоих — буквы шин и тав (ת"ש = 700), и это особый и явный намек на соединение интеллекта (שכל = 350) с прахом (עפר = 350). Замены и подстановки могут совершаться по любому алфавиту — подобно тому, как получено нами по традиции об Имени «АВАЯ ЭЛОКЕЙНУ АВАЯ» (יהוה אלהינו יהוה), которое по [алфавиту] алеф-бэт-гимель-далет (אבג"ד) заменяется на кузу бе-мохсаз кузу (כוז"ו במוכס"ז כוז"ו). Так же и в словах пророков: Шешах (ששח) вместо Бавеля (בבל, ср. Ирмеяу 25:26), а Касдим (כשדים) — это Лев Камай (לב קמאי, Ирмеяу 51:1), и подобного множество без числа. И точно так же в сочетании букв: «венец вместо пепла» (Йешаяу 61:3), где буквы слова *пеэр* — «венец» (פאר) [переставляются] вместо *эфер* — «пепел» (אפר), и тому подобного множество. Сочетание букв — это колесо, вращающееся постоянным и необходимым вращением, от которого нельзя уклониться ни вправо, ни влево, если оно записано в совершенном виде, так чтобы ничто из него не было упущено. Ведь оно целиком вращается со всех своих сторон множеством удивительных оборотов по граням. Замена же букв не имеет постоянной необходимости обращения и перестановки, но зависит от воли [человека]. Замена букв близка к гематрии, поскольку подобна ей со стороны подстановки, ведь и то и другое — замена.

Поэтому мы говорим: «Всякая гематрия есть замена, но не всякая замена есть гематрия». И замена букв отличается от гематрии тем, что замена с одной стороны определена, а с другой — неопределенна. Определенное заключается в том, что сначала [буква] обязательно заменяется по какому-то одному алфавиту, а неопределенное — в том, что затем тот, кто производит замену, может заменять ее сколько пожелает по второму, третьему или иному алфавиту в пределах одного речения. Гематрия же подобна замене тем, что гематрия ни с какой стороны не отступает от равного ей числа; но отличается от замены тем, что чисел гематрии множество для одного предмета, тогда как число замены есть лишь множество [букв] для многих чисел. И знай: все, что ближе к сочетанию букв, которое есть корень, — более возвышенно; а все, что дальше от него, —

ниже достоинством, пусть даже его путь и шире. И уже достаточно того немногого, на что я намекнул относительно замены букв для этого труда и для разумения того, ради кого он написан.

Раздел 3 — часть рэйш (ר), знак йод (י): соразмерность букв

Соразмерность (вес) состоит в том, чтобы число букв было одинаковым в двух отношениях. Первое — в простом счете [их количества] как таковом: например, алеф-бэт-гимель-далет-хэй (אבגדה) (אבגדה), где пять букв соответствуют пяти единицам. А когда число в обоих отношениях оказывается равным с обеих сторон, это называется вторым отношением: например, равенство между Авраамом (אברהם = 248) и Разиэлем (רזיאל = 248), — это и подобное ему зовется соразмерностью. Этот путь подобен гематрии с одной стороны — со стороны сохранения равного числа в простом числовом расчете. Но он неподобен ей с другой стороны, поскольку сохраняет в расчете само число букв, тогда как гематрия этого не соблюдает. Поэтому, когда ты заменяешь букву шин (ש = 300) на куф-рэйш (ק"ר = 300), это зовется гематрией; а когда заменяешь тав-куф (ק"ת = 500) на шин-рэйш (ש"ר = 500), это зовется соразмерностью. И таково же во всем подобном этому различие между гематрией и соразмерностью, и это уже разъяснено.

Раздел 4 — часть куф (ק), знак алеф (א): гематрия и подобные ей

Знай, что в «Сефер Йецира» мы находим разъясненным лишь один путь — сочетание букв. И хотя там сказано: *«высек их, вытесал их, взвесил их, заменил их, сочетал их»* (Сефер Йецира 2:2), слово «высек их» (קקקק) указывает на начало письма высеканием, ведь имя писца в нашем языке — *мехокек* (מחוקק). И это [соответствует] приготовлению материи, чтобы подготовить ее к принятию формы. Слово же «вытесал их» (קצצק) указывает на придание формы материи. А «взвесил их» (שקלל) и «заменил их» (המירר) — это то, о чем мы рассказали выше. Однако лишь о «сочетал их» (צרפן) разъяснен там сам способ действия, и это потому, что оно — начало всех их. И всякий, кто воспринял эту первую форму — форму сочетания букв, — легко воспримет и все остальные. Тот же, кто не воспринял ее и не обратил к ней сердца своего, не воспримет ничего из остальных, ведь все они зависят от нее.

Поэтому [автор «Сефер Йецира»] положился на первое и не упомянул частных путей остальных [методов], кроме как лишь общим именем, сказав: *«взвесил их и заменил их»*. И действительно, он уже намекнул, сказав: *«Как взвесил их и заменил их? Алеф со всеми и*

все с алеф, бэт со всеми и все с бэт, круговращением по кругу» (Сефер Йецира 2:5). И известно, что упомянутый им путь — это путь сочетания букв, а не путь соразмерности и не путь замены, но тем не менее он отнес к ним суть сочетания. Гематрия же — это равенство счета в числе, на котором она строится, как говорят: *арба* — «четыре» (אַרְבַּע = 273) по гематрии равно *рега* — «миг» (רֵגַע = 273); и тому подобного множество на этом пути — как *Элиэзер* (אֱלִיעֶזֶר = 318), что по гематрии составляет 318 (שִׁי"ח = 318), и так со всеми ими, и нет им числа. Что же касается нотарикона, то его относят и к гематрии, и к начальным буквам слов: например, в стихе «*пусть придет царь с Аманом сегодня*» (Эстер 5:4) начальные буквы слов *яво а-мелех ве-Аман а-йом* (יָבוֹא הַמֶּלֶךְ וְיוֹהֵמ"ן) (הַיּוֹמִים) [образуют Имя АВАЯ, יְהוָה]. Иногда это называют нотариконом, иногда — начальными буквами слов, а иногда — гематрией, по причине общности, существующей между ними в этих вопросах. Наши учителя написали много об этих предметах по поводу кисти руки в повествовании о Даниэле, о чем сказано: «...не могли прочесть написанное...» (Даниэль 5:8). И они сказали: один учил, что слова «мене, мене, текел упарсин» (מִנֵּה מִנֵּה תִּקֵּל וּפְרָסִין) были написаны для них шифром (гематрией) — *итат итах* идях пуг хамат (יִטַּח יִטַּח אֵידֶךְ פּוּג חָמַט); другой сказал: задом наперед — *анам анам* лакат нисарпу (אָנָם אָנָם לָקַח נִסְרָפּוּ); а третий сказал: [буквы стояли столбцами] — *мамтос нанкафи аалран* (מַמְתּוֹס נִנְקַפִּי אַאֲלָרָן) (Санхедрин 22а); и так же можно представить множество других способов. Буквы ведь подобны материи, а постижения — формам; поэтому постижения вращаются над буквами, тогда как сами буквы остаются на своем месте. Изменился же лишь порядок их движения: ведь материя движется по сущности и движет форму привходящим образом, и форма также движет материю по сущности, а сама движется привходящим образом. Пути же средних букв слов пользуются мало из-за недостатка мудрости, тогда как конечными буквами слов пользуются больше, а начальными буквами слов — очень часто. Например, в предложении «*Эль Мелех Неэман*» (אֵל מֶלֶךְ נְעֶמָן): алеф-мэм-нун (אמ"ן) — это начальные буквы; ламэд-каф-нун (לכ"ן) — конечные буквы; мэм-ламэд-алеф (מל"א) — средние буквы. И подобно этому — все, что найдется такого рода; и нет у меня нужды писать об этом более того, потому что я написал это для свидетельства и как намек в виде основных положений, и этого вполне достаточно для нашей цели.

Часть 8: Тайна произношения Имени

Восьмая часть: знаки ее букв — хэй (ה), вав (ו), хэй (ה), частей в ней три, и разделов в ней три, а слово — зайн (י), каф (כ), рэйш (ר).

Раздел 1 — часть хэй (ה), знак зайн (י): произнесение Имени с его огласовками

После того как я завершил общий раздел о взаимном обращении букв, теперь мы можем записать то, что дозволено открыть из тайны произнесения Имени. Знай, что истинный вид Имени соответствует первому его сочетанию букв (церуф), встречающемуся в Торе, и изменений в нем нет, кроме как в одних лишь огласовках. Тайна его — десять полных Имен, произносимых в двух формах, и во всех них первая буква остается неизменной, но меняется в своих огласовках. Считай, что огласовки подобны буквам, и всего их пять гласных. А трехбуквенное слово произносится то в мужском роде, то в женском; при этом холам первой буквы хэй вовсе не сдвигается со своего места — то есть нисколько не меняется на всем протяжении произнесения. Буква же вав огласуется один раз камацем, а один раз сеголем, и намек на это — «*бедствие за бедствием [придет]*» (Йехезкель 7:26, הָיָה עַל הָיָה), а также: «*и ты будешь им царем*» (Нехемья 6:6, хове — הָיָה). И получится по устройству десяти Имен: пять против пяти, мужской [род] и женский. Пять сменяющих друг друга букв дают при перестановках сто двадцать (כ"ב = 120) сочетаний; пять же огласовок, отличающихся друг от друга, дают в счете шестьсот (ש"ס = 600). А если переставлять пять огласовок с пятью буквами во всех возможных сочетаниях, счет выйдет чрезвычайно большим. Однако при произнесении Имени его первая перестановка, именуемая перестановкой Имени, состоит исключительно в произнесении буквы алеф с каждой из букв Имени в прямом и обратном порядке — согласно этой схеме, которую я начертил для чтущих Имя Его.

צורת הזכרת אלף עם יו"ד פנים ואחור

אי אי אי אי - יא יא יא יא יא

אי אי אי אי - יא יא יא יא יא

אי אי אי אי - יא יא יא יא יא

אי אי אי אי - יא יא יא יא יא

אי אי אי אי - יא יא יא יא יא

צורת הזכרת אלף עם ה"א פנים ואחור

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

צורת הזכרת אלף עם ו"ו פנים ואחור

או או או או או - וא וא וא וא וא

או או או או או - וא וא וא וא וא

או או או או או - וא וא וא וא וא

או או או או או - וא וא וא וא וא

או או או או או - וא וא וא וא וא

צורת הזכרת אלף עם ה"א פנים ואחור

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

אה אה אה אה אה - הא הא הא הא הא

Эти четыре общих произнесения соединяются в Едином Имени с буквой единства, которая изначально не упоминалась в нем как входящая в состав [всего] Имени или в состав половины Имени, чтобы эта тайна не была открыта народу. Также и половина Имени, на которую намекает слово *халелуху* («хвалите Его»), тайна которого — *халелу* и *хэй-вав* (הלל"ו ה"ו), по своей тайне представляет собой вращение слова *хова* (הל"ל הוה). И всякое вращение времен — настоящего (*хове*), прошедшего (*хайя*) и будущего (*йихье*) — заключено в тайне слова *халелуйя*, тайна которого — *халелу* и *йод-хэй* (הלל"ו י"ה), что по своей тайне есть вращение слова *хайя* (הל"ל ה"ה). А слово *ве-йихье* («и будет») объединяет их оба. Всякое же бытие указывает на вечное существование, не знающее уничтожения, когда оно пребывает само по себе и не нуждается для своего существования ни в чем внешнем. Если же оно вечно и у самой его сущности есть причина существования, то нет сомнения, что и причина его вечна. А если причина его сокрыта, тогда как само оно явлено, то его вечность свидетельствует о вечности его причины. И

потому допустимо назвать его по имени его причины, как и называть причину по его имени — чтобы указать на бытие причины и на ее превосходство.

И поскольку в произнесении [Имени] заключены великие тайны, и если человек не будет в них предельно осторожен, то подвергнет себя смертельной опасности, — древние [мудрецы] скрыли его. Однако ныне, в наше время, сокрытое уже открылось, так как забвение достигло крайнего предела; конец же забвения — это начало поминания (корень **זכר**). И конец стиха «Вайуса» (**וַיִּסַּע**) — это конец; а если он — вершина (голова), то и конец его, будучи концом ангелов, вместе с тем остается главой. И лишь он один назван ангелом в имени Всесильного (ЭЛОКИМ) и тайной ЭЛЬ КАНА («Б-г ревнитель»), и включает семь сфирот Имени. И потому образ Якова запечатлен на Престоле Славы, объединяющем семь сфирот. Это великая тайна, и из нее ты поймешь, что такое тайна основы и утка (прямого и поперечного), а также познаешь противоположное ему; поэтому тайна Якова — пята моя (*акви*, **עֶקֶבִי**). Тайна же Исраэля — во главе меня (*ле-роши*, **לְרֹאשִׁי**). Вспомни о змее, о его деянии и о его проклятии, связанном с головой и пятой, и найдешь второе прибавленное имя.

Поэтому конец первого стиха — *ме-ахареихем* («позади них», **מֵאַחֲרֵיהֶם**), и пять его [последних] букв в обратном прочтении образуют *ме-яреах* («от луны», **מִיָּהֳרָה**); это величайшая тайна и четвертое соединение, и знай это твердо. Второй стих [начинается словами] *вайаво бейн* («и вошел между...», **וַיָּבֹא בֵּין**), что указывает на середину, а конец его — *коль а-лайла* («всю ночь», **כָּל הַלַּיְלָה**); и вот, он пребывает между прямым, обратным и равным. Третий же стих [начинается словами] *вайет Моше* («и простер Моше...», **וַיִּטּ מֹשֶׁה**), что указывает на наклон, а конец его — *аль а-маим* («на воды», **עַל הַמַּיִם**). И вот действие луны, поэтому тайна их — Хесед и белизна (луна). И намек на это: «Если будут грехи ваши как багряное, как снег забелеют» (Йешаяу 1:18). И остаются три сфиры, указывающие на главенство Имени — а это главенство троякое: Мысль, Хохма и Бина. Они — тайна единства; и первое включает семь имен, а это включает три имени. Тайна же десяти сфирот охватывает десять Имен вместе [$10 \times 26 = 260$], которые суть *гарзим* (**גַּרְזִים** = 260) и *пути АВАЯ* (**דְּרָכֵי יְהוָה** = 260).

И вот, числовая тайна произнесения среди всех букв восходит к Именам, содержащим четыре буквы алеф — что дает в счете *рош* («голова», «вершина», **רֹאשׁ** = 501); это тайна *ЭЙЕ ашер ЭЙЕ* («Я есмь Тот, Кто есмь»), на что намекает стих: «На всяком месте, где Я положу память [Имени Моего]...» (Шмот 20:21). А также: «Вершина слова Твоего — истина» (Теилим 119:160) — в качестве удивительного намека, и подобных им очень много. Тайна первой формы — вершины (*рашим*, **רָאשִׁים** = 551), и это *голова человека* (**רֹאשׁ הָאָדָם** = 551), вмещающая всякую голову; это намек на мир интеллектов, поддерживающий небеса, и он зовется «свет — одеяние Его» (**אוֹר לְבוּשׁוֹ**), от которого

происходят свет и тьма. Второй же мир, тайна которого — снег (*шелег*, שֶׁלֶג), порождает тьму, смысл которой — забвение (*шихеха*, שִׁחְחָה). И тайна слова *зихри* («память обо Мне») — поминание, тайна же *шеми* («имя Мое») — забвение: «Вот имя Мое навеки» (Шмот 3:15) — это сокрытие и забвение навек; «и вот память обо Мне из рода в род» — это поминание ради страстного стремления, тайна же в том, что оно да будет поминаемо из рода в род. Тайна второй формы относится к последней, и обе они вместе: первый есть последний, а при обращении их последний есть первый. Общее же правило их таково: последний и первый — одно, и тайна его — владыка небес (*сар шамайя*, שַׁר שָׁמַיָּא), владыка воли (*сар а-рацон*, שַׁר הָרָצוֹן), мера которого — прямо и обратно. Тайна третьей формы: имя Мое — излияние, и все — излияние имени Моего прямо и обратно; владыка, имя которого — имя Мое, глава служителей Моих. Тайна четвертой формы заключена во второй, и это буква шин (ש).

Вот, во всем одна глава, поэтому буква алеф избыточна, ведь она — князь тысячи (*сар элеф*), и таков путь их частностей: владыка всякого побуждения, побуждений, видоизмененных в материях, то есть во всякой материи. И после того как я поведал тебе немного об этом общем правиле, я открою тебе тайну движения букв с огласовками — после того, как сообщу тебе сокровенные тайны огласовок, зашифрованные во всем Имени, написанном со своими огласовками.

Раздел 2 — часть вав (ו), знак каф (כ): тайны огласовок

Известно, что тайны букв — материя чрезвычайно глубокая, и о них уже записано множество открытых тайн в «Буквах рабби Акивы», в главах «Чертогов рабби Ишмаэля», в книге «Баир», в «Сефер Йецира» и во многих других подобных книгах; также нечто о путях огласовок намечено в книге «Баир». Но то, о чем говорится в «Сефер Цахот», в «Мознаим» («Весах») и в «Сефер а-Шем» Ибн Эзры, где он описал вопросы огласовок согласно грамматике, — там же он намекнул и на некоторые тайны; и нам нет нужды повторять это здесь или пересказывать сказанное другими. Кроме того, за последнее время об этом предмете появилось множество новых книг, написанных мужами мудрыми, искушенными в тайнах каббалы и познания Имени. И полагаясь на то, что сказано об огласовках в этих и подобных им сочинениях, я не стану вдаваться в долгие рассуждения, но открою тебе лишь сокровенные тайны огласовок, зашифрованные в Имени, записанном в предшествующей части, и поведаю тебе о порядке его перестановки. Ведь я записал это Имя в такой форме, в какой не всякий человек сумеет его прочесть: читается оно не так, как записано — не в виде поэтических строк, а прямым чтением. И потому тебе будет достаточно намек, которым я направлю тебя к правильному чтению. Тайна его предстает в виде нотарикона: א א א א א — такова форма прямого чтения и

тайна произнесения. Начинается оно с буквы алеф согласно ее ряду, и точно так же с самой буквы йод согласно ее ряду — произнесение ее подобно первому.

И вот путь ее в движении ее: א י א י א י. Буква алеф сначала объединяет в прямом движении [сочетание] алеф-йод (אִי). Завершив же все движения буквы алеф, стоящей во главе слов, затем рассчитай и начни с йод-алеф (אִי) и веди букву йод в начале каждого слова, пока не завершится ряд йод-хэй (יִי); и подобно пути хэй-йод (יִי) проходи ряды хэй, ряды вав и ряды хэй до самого их конца.

Знай, что поскольку холам (חֹלָם = 78) включает в своем числе Мудрость (Хохма) и тайна его включает три сферы, являющиеся тремя Едиными Именами [АВАЯ, $3 \times 26 = 78$] в трех основаниях трех букв-матерей, число которых — триста, что есть буква шин (שׁ = 300), и с нею завершается слово хашмаль (חֲשַׁמַּל = 378), — поэтому он [холам] помещен сверху над буквой. И помни: *тот, кто уступает своей честью, честь его прощена*. И вот, слово хашмаль охватывает все пять огласовок воедино, ведь ниже него пребывают четыре ангельских существа (хайот), называемые именем «человек» по виду их лиц, как сказано: «*И облик лиц их — лицо человеческое*» (Йехезкель 1:10). И само слово хашмаль также включает в себе общий смысл этого, как сказано: «*А над подобием престола — подобие, как вид человека на нем сверху*» (Йехезкель 1:26).

И вот, пять [огласовок], умноженные сами на себя, дают двадцать пять (ה"ה = 25); умножь 5 на 5 — и найдешь 25; соедини их со счетом [353] — и выйдет триста семьдесят восемь (שע"ח = 378), что составляет слово хашмаль. И точно так же буква шин (שׁ = 300) есть дух Всесильного (רוח אֱלֹהִים, ruach ЭЛОКИМ, רוח אֱלֹהִים = 300), и она же — холам. Прибавь буквы хэт, ламэд, мэм при полном написании — вот мера их холам, а с добавлением выходит четыреста восемьдесят четыре (תפ"ד = 484); и все это — Мудрость (Хохма) и Познание (Даат) первой буквы йод. И поскольку полный холам первичен, будучи тайной Мудрости, первенствующей надо всем, ему подобало быть первым среди всех огласовок Имени. И это имя Имени — Князь Лика (Сар а-Паним), как свидетельствует предание в тайне тридцати, указывающих на то, что они суть сами эти три, и от него возникла необходимость бытия души в материи. Если так, по справедливости то, что включает в себе три первых Имени, должно приводить в действие первое движение, превосходящее все. В этом тайна всего; и поскольку половина Имени везде огласуется и произносится при первой букве с камацем, по справедливости второй [огласовкой] должен быть камац в тайне четырех [букв] ЙА (יָא). Ведь всякий камац — это сфера, и составлен он из патаха и хирика, а форма камаца — это линия и точка. Это указывает на то, что движение всякой сферы происходит вокруг ее центральной точки — в таком виде над нею начертан камац.

Отсюда ты узнаешь, что патаху подобает указывать на окружность, будучи прямой линией, начертанной так, чтобы рисунок буквы не искажался при огласовке. И то, что

объемлет все, тайна его — камац (קמץ = 230); это сфера, изводящая (мафик) и объемлющая (макиф, מקיף = 230), удовлетворяющая волю каждого. Потому и ставится маппик в букве хэй Имени ЙА (יה), чтобы подтвердить сказанное мною «по словам двух свидетелей» (Дварим 19:15). И потому камацу надлежало следовать за холамом — то есть чтобы творение двигалось вслед за Мудростью. И благодаря тому, что холам из всех огласовок соотнесен исключительно с камацем, камац в двух формах уподобляется холаму: когда к камацу присоединяется шва при одной букве, он называется хатаф-камац или камац-хатаф, то есть движется движением быстрым до крайности. И нет среди всех сфер ничего более быстрого, чем объемлющая сфера: движение ее совершается от двадцати четырех к двадцати четырем [часам], у нее шесть сторон, и она огласована точками. Сама по себе она тончайшая и предшествует ему потенциально; она прилеплена к херувиму, а всякий херувим — это Древо Жизни. Намек на нее: «Приобретай мудрость — насколько лучше золота...» (Мишлей 16:16), а также: «Приобретай мудрость, приобретай разум...» (Мишлей 4:5). И знай, что быстрое круговое движение — сущностное, и оно первично среди всех движений в природе, а благороднейшее из всех движений — движение сферы Аравот. Твой знак: «Превозносите Восседающего на небесах [в Аравот], ЙА — Имя Его, и ликуйте пред Ним» (Теилим 68:5), что служит намеком на соучастие холама с камацем.

Вот ЙА, АВАЯ (יהוה), хавая (бытие), так как это указывает на высшую силу, управляющую всем и побеждающую все — силу Самого Имени, с той лишь разницей, что первая его половина становится последней в прямом порядке, а последняя половина — первой в обратном. И тайна Имени именуется явной во многих отношениях. Одно из них — то, что оно повелевает тебе строить из него формы: выпрями обратное — и познаешь его; обрати прямое — и познаешь его. Вторая же форма всякого быстрого камаца состоит в том, что он уподобляется холаму тогда, когда шва следует за камацем — в тайне слова хохма (חכמה). Если же его движение не быстрое, а замедленное, он не уподобляется холаму, но остается как есть. И намек на значение холама как действующего: твой знак — «И фараону снится [сон]» (Берешит 41:1, холам — חלם); всякое действие, которое длится, начинается с холама, но всякое действие, которое уже свершилось и пребывает неизменным, начинается с камаца. Вслед за холамом идет цере, чтобы завершить намеченную тайну слова хашмаль (חשמל); а также он идет за камацем, то есть соединяется с каждым из них: в тайне буквы ламэд слова «холам» и в тайне буквы мэм слова «камац», ведь одна лишь буква хэт указывает на все целое, и точно так же одна лишь буква куф указывает на все целое.

И вот, один цере действует вместе с холамом, и тайна имени — цере; намек же на то, что холам с камацем соединены навек (ле-олам), а намек на близость цере к камацу — сам камац, тайна же его — вовек (ва-эд), и вот: «во веки веков» (олам ва-эд). То есть основа

движений такова: холам предшествует камацу, а камац предшествует цере. Иными словами: Мудрость предшествовала сфере, а сфера предшествовала форме (побуждению), которая поистине есть материя, общая для всякого материального тела. И всякая форма состоит из двух равных нижних начал — то есть подчиненных тем предшествующим началам, что были прежде нее, — и это сфера, одна верхняя точка и вторая нижняя точка. Потому знак шва имеет две точки и соединяется с патахом, с сеголем и с камацем, но не с шуруком, не с хириком, не с холамом и не с цере. Известно, что патах служит камацу; форма патаха — прямая линия без точки, и движение его прямое, подобно движению открытия двери. И намек на это — *«Дверь поворачивается на своей петле»* (Мишлей 26:14), ведь *цира* — «петля ее» (צִירָה) — это огласовка цере (צִירִי). И потому патах именовался большим патахом, поскольку он служит большому камацу. Сеголь же был малым служителем — малым патахом для цере, являющегося малым камацем, то есть малой сферой. Так же и всякая материя меньше любой формы: ведь всякая форма — это большая сфера по сравнению с материей, являющейся малой сферой.

Так же и Учитель, автор «Путеводителя [растерянных]», говорил о четырех причинах движения: Отделенный интеллект, приводящий в движение стремящийся интеллект, приводящий в движение мыслящую душу, которая приводит в движение сферическую форму, соединенную с материей. А знак шва составлен из двух точек: одна вверху, на подобие холама, а другая внизу, на подобие хирика. И если ты взглядишься в четыре огласовки — большой камац, большой патах, малый камац и малый патах — и сопоставишь их по знаку *«и свиток, написанный соперником моим»* (Иов 31:35), ведь слова *сефер катав* («свиток написал») охватывают все четыре, — ты найдешь, что это два камаца и два цере; а если перевернешь их, найдешь, что это два патаха и два сеголя. И все это оттого, что различие между двумя большими состоит в прибавлении точки к большому по сравнению с его большим служителем, и прибавление одной точки есть также различие между малыми, причем она прибавляется к меньшему из них двоих, что противоположно тому, что произошло с большими. И тайна всех четырех поистине такова: две сферы указывают на два вида форм, а две сферы указывают на два вида сил, являющихся материями. И вследствие их взаимосвязи одно уподобляется другому в одном отношении и отличается от него в другом. Всякая малая сфера охвачена [большей] и служит материей для большой сферы, окружающей ее со всех сторон.

Поэтому центральная точка подобна материи для высшей объемлющей сферы: высшее предстает как род родов, а низшее — как вид видов. Промежуточное же между ними выступает относительно как роды или как виды при взаимном сопоставлении с высшим и низшим. И вот, они приближаются и удаляются: приближаются к точке и уподобляются ей, удаляясь от сферы, либо приближаются к сфере и удаляются от точки. И вот упоминаются шесть точек и две окружности; знак тому: *«Ибо ветер пронесся над ним»*

(Теилим 103:16, **בו** = 2 и 6). Все восемь указывают на полное трехмерное тело; всякое же движение есть перемещение от точки к точке, пока две или более точек не соединятся, и соединение их называется линией; и разделяются линии на множество видов и родов. Линия, поверхность и тело обладают величиной, точка же величиной не обладает — подобно истинной Единице в счете, не обладающей величиной. Линия указывает на длину, и точно так же числа от 1 до 10 являют образ длины. Поверхность указывает на ширину, и точно так же числа от 1 до 10 в их квадратах являют образ ширины. Тело же указывает на глубину, и точно так же числа от 1 до 10 в их кубах, являющихся их объемом, являют образ глубины; и вот начертание всех трех:

א' ב' ג' ד' ה' ו' ז' ח' ט' י

א' ד' ט' יו' כה' לו' מ"ט ס"ד פ"א ק

א' ה' כ"ז ס"ד קכ"ה רי"ו שמ"ג תקי"ב תשכ"ט אל"ף

И совокупная сумма длины — все (**הכל** = 55), совокупная сумма ширины — Шхина (**שְׁכִינָה** = 385), а совокупная сумма глубины выражена знаком **ב"א כ"ה**, которые суть три тысячи двадцать пять (**ג"א וכ"ה** = 3025). Вот знак первых — 55 (**לכ"ה**), вторых — 385 (**שלכ"ה**), а третьих — 3025 (**גכ"ה**); общий же знак их всех: *Помазанник — священник* (**הַמָּשִׁיחַ כֹּהֵן**). И намек: «Ибо снегу Он говорит: будь на земле» (Иов 37:6) — это тайна в Мудрости, то есть объемлющее в Мудрости, как сказано: «Г-сподь мудростью основал землю» (Мишлей 3:19). Тайна же в Мудрости — объемлющее в круговращении и соединяющее все три вместе в [знаке] ламэд-хэт-тав (**לח"ת**); и знак тому: «из рода в род» (Теилим 145:13), по тайне слова *дор* («поколение»), огласованного холамом, тайна же его — праведник, и намек на это: «а праведник — основа мира» (Мишлей 10:25).

Я подробно говорил до сих пор о буквах, чтобы показать, что всякий праведник есть полное поколение, и с ним Мудрость. И он — отец души, тайна же его — в душе своей, на что намекает стих: «Клялся Г-сподь ЦВАОТ душою Своею» (Ирмеяу 51:14). И точно так же целое поколение помяни о трех названных огласовках. И осталось еще две, тайну которых нужно раскрыть: хирик и шурук. И вот они — две точки, одна между верхней и нижней: то есть одна решает между холамом, который вверху, и хириком, который внизу. Потому начертание шурука состоит из трех точек внизу, чтобы указать на узел бытия. И если ты скажешь: «нет у узла того, кто его завязывает», — это ложь (*шекер*, **שָׁקֶר**); а что такое узел (*кешер*, **קֶשֶׁר**)? Это шестьсот, включающие слова «и истина» (**וְאִמְתָּ**). Тайна знака солнца (*шемеш*), служения ангела и демона — это служение прямо и обратно, и это служение духа офаним, служение духовное из дыхания уст; ведь весь мир держится на чистом дыхании уст детей, учащихся в доме учителя. Великая же тайна — формы Имени, имена Творца (Скалы); и вот глава — Активный интеллект.

Знай, что Активный интеллект — это глава, являющаяся сущностью формы, и потому глава была сотворена от Главы, и возникла необходимость связи между ними — связи, которая есть ложь и истина. Если так, всякий связующий истинен. Потому Тора стала знаменем, и освобождение стало знаменем, и связывание стало знаменем: ведь сферы Торы — это побуждения, и сферы побуждений — это Тора. А побуждения — не что иное, как мысль, всякая же мысль есть сфера в тайне счета и числа; и все зависит от счета и числа, свидетель чему — интеллект, объединяющий побуждения. Если же их два — дурное начало и доброе начало, — то это буквы шин, рэйш, куф (ק"ר שר). А если ты скажешь, что они суть два извечных начала, то это ложь (שקר, שקר), ведь они — лишь узел (קשר, קשר); имя же их ты узнаешь из букв пэй, рэйш и рэйш, включающих поистине четырнадцать букв, что составляет движение (פ"ד = 14). И вот, за буквой хэт следуют рэйш и куф [образуя слово *хирик*], и это сам цере; также за буквой шин следуют рэйш и куф [образуя слово *шурук*], и это тоже сам цере.

И вот, все коренные огласовки — это холам, камац, цере, хирик, шурук. Они охватывают восемь огласовок, составляющих полное тело и сферу, объемлющую все, и она — Единое (אחד). Буква же далет (ד = 4) приходит указать на сложение четырех пар при помощи четырех стихий. Кроме того, четыре из огласовок не имеют линии, а у пятой есть линия и точка. Число их в их тайне достигает половины пятидесяти, то есть двадцати пяти (כ"ה = 25) огласовок: они вращают небеса так же, как вращают свитки, и они же производят вращение мужского и женского начал. Из них ты поймешь, что всякая сфера содержит мужское и женское. Общее же их — глава, которая также вращается, и это мертвая сфера, и это сфера созвездия Дракона (Тли), которая чарует и влечет туда; и из нее ты познаешь деяние Всесильного, являющееся обителью ангела.

И пойми все упомянутое: я нарочно изложил этот предмет издалека, чтобы пробудить тебя к постижению тайны в общих чертах. Знак же всех пяти огласовок — тайна Имени ЙА (יא), Имя «Она — Он» по знаку нотарикона: אבטריקון. После того как я кратко сообщил тебе все это, я поведаю тебе то, что еще необходимо восполнить в отношении букв и огласовок. И хотя я кратко изложил тебе написанное — пусть для тебя это и покажется пространным, — я лишь желал пробудить тебя от глубокого сна и дать тебе знать, что сказанное мною — менее чем капля в море из того, что следовало бы сказать об этом даже вкратце. И из того, на что я намекнул в знаке пяти огласовок, ты поймешь, что имя основы (Есод) — «Он — Она», и подобно тому как ты найдешь имя основы в бытии (*хавая*), так же найдешь имя бытия в ее основе; и найдешь силу «там» — здесь, и силу «здесь» — там. И все движется силой Шхины, силой небосвода и силой числа. Во всем этом заключена тайна половины Имени. Половина же Имени равна всему целому Имени, и это — тайна Имени; ты поймешь все это из тайны устройства Скинии.

Раздел 3 — часть хэй (ה), знак рэйш (ר): соединение буквы с огласовкой

Тебе уже было разъяснено, что буква подобна материи, а огласовка — духу, приводящему материю в движение. Постигание же обращено к замыслу движимого, тогда как движущее начало пребывает в интеллекте, и оно — действующая причина в отношении духа и материи. А наслаждение, которое постигающий получает от постигнутого, — это цель. Таковы четыре причины, присущие всякому действию, существующему в действительности. Материя — низшая из этих четырех причин, а цель — высшая из них; действующая причина близка к цели, а форма близка к материи. Этот путь уже был разъяснен рациональными доказательствами в книгах доказательных наук, и на них мы опираемся. Поэтому мы не станем подробно разбирать этот предмет здесь, но разъясним здесь наш замысел относительно букв и их огласовок в целом, соблюдая краткость этого сочинения. И скажем, что буква в подлинном своем бытии есть единое произведение действия, а ближайшая ее материя — чернила; и пока чернила находятся в чернильнице, каждая отдельная их частица готова принять формы всех букв. И хотя чернила способны также принимать множество других форм или формы иных букв, помимо наших, мы не станем сейчас говорить о них, так как наш замысел касается исключительно наших букв, их огласовок и нашего языка. И у чернил нет какой-либо особой части, о которой можно было бы сказать: «из этой части будет начертана алеф (א), а из этой другой — йод (י)», и тому подобного; напротив, та часть, которая готова принять форму одной из букв, сама по себе готова принять любую из этих форм по очереди.

Однако после того как эта часть приняла определенную форму, она обретает в ней завершенность, чтобы именоваться буквой, составленной из материи и формы. Поэтому чернила не называют буквой, но называют материей буквы. Буква же, поскольку у нее нет существования отдельно от материи, не имеет истинного имени [сама по себе]. И при всем том «буква» — это имя вида, а не имя одного лишь индивида, всякий же вид включает в себе отдельных индивидов. И поэтому, когда действующий сообщает форму буквы определенной части чернильной материи, ей тотчас дается частное имя в дополнение к общему названию, и тогда буква обретает два имени. Одно ее имя — общее: «буква, существующая в действительности», а второе ее имя — частное: к примеру, алеф (אֵלֶף). Если так, то частное имя — это то, что отличает ее от общего, и по отношению к общему оно выступает как привходящая форма по отношению к материи. Ведь общее существует постоянно, а частное возникает и исчезает; постоянное же есть сущность, а возникающее и исчезающее — привходящее, то есть с ним происходит случай возникновения и случай уничтожения. А тот, кто сообщает чернилам форму буквы, переводит потенциальное в актуальное, и это — переписчик, пишущий тростниковым

пером. Перо же служило посредствующим орудием между ними, с помощью которого переписчик создавал форму буквы сообразно своей силе и своей воле. Цель же состоит в том, чтобы видящий читатель понял замысел пишущего и благодаря этому действию постиг то, что было у того на сердце. И когда постигающий постигает это, замысел действующего исполняется и достигает своей цели.

А раз это так, то если замысел действующего не будет постигнут, то его намерение не исполнилось и не достигло конечной цели, которая и была подлинной целью. И ради достижения этой цели интеллект указал разумному переписчику добавить форму к форме, чтобы осуществить свой замысел и дать углубляющемуся [читателю] действительную и непосредственную силу быстро понять его намерение. Это и есть вопрос о привходящем движении, добавляемом к букве, или, скажем так, о волевом движении. А необходимо это для того, чтобы перенести начертанное в той или иной книге с его места и запечатлеть его затем в сердце углубляющегося в нее. Известно же, что сами буквы не обладают движением, и потому интеллект сообразно природе заложил в органы речи способности воспроизводить буквы в произношении подобно тому, как они существуют в книге. Буквам же были приданы точки огласовок, указывающие на их движение в произношении при переносе из книги в уста.

Следовательно, движущиеся по сущности — это буквы уст, а по привходящему — буквы книги. К этому присоединяется необходимость пространства для частных движений, ведь ничто движущееся не движется вне места и вне времени. Части же пространства — это расстояния, а части времени — исчисляемые круговороты, распределенные по годам, месяцам, дням и тому подобному. И из-за этих расстояний человеку необходимо знать, насколько долго следует тянуть произношение каждой отдельной буквы. В этом и состоит тайна произнесения [Имени]. А так как все эти вещи требуют пространного объяснения, я сокращу их, передав лишь само предание. И хотя я мог бы раскрыть смысл каждой произносимой буквы — почему одна длится столько же, сколько другая, или одна дольше другой, а третья короче, — однако самого этого предания достаточно для произнесения, ведь мудрый поймет это сам своим разумом. После же этого предельно внимательно вникни в образ произношения.

В тот час, когда ты захочешь произнести это почитаемое Имя, начертанное выше с его огласовками, приведи себя в порядок и уединись в особом месте, чтобы твой голос не был слышен никому постороннему; очисти сердце свое и душу свою ото всех мыслей этого мира. И считай, что в этот самый час твоя душа отделяется от тела, и ты умираешь для этого мира и оживаешь для мира грядущего, который есть источник жизни, существующей и разлитой во всем живом; и это — интеллект, источник всякой мудрости, понимания и знания, подобный Царю царей, пред Которым все испытывают величайший трепет. И трепет постигающего двояк: это трепет перед Его величием и трепет любви. И

когда твой разум направляется к тому, чтобы прилепиться к Его разуму, дарующему тебе ведение, твой разум должен сбросить с себя бремя всех чуждых воззрений, кроме Его разума, соединяющего тебя с Ним посредством Его почитаемого и грозного Имени.

Поэтому тебе нужно знать образ его произношения. И вот его начертание: когда начнешь произносить букву алеф (א) с какой бы огласовкой ты ее ни произносил, — поскольку она указывает на тайну единства, — не тяни ее дольше меры одного дыхания. И не делай во время этого дыхания никакого перерыва вообще, пока не завершишь ее произношение. И тяни это особое дыхание по мере силы протяженности одного твоего дыхания, насколько сможешь протянуть его. И распевай букву алеф, как и любую букву, которую будешь произносить, в благоговении, трепете и страхе, соединяя это с радостью души от ее постижения, которая велика. И образ напева для каждой буквы пусть соответствует огласовке, а именно: с огласовкой холам он направлен вверх. И когда начнешь произносить его, направь свое лицо прямо на восток — ни вниз, ни вверх. И седи, облаченный в белые, чисто выстиранные или новые одежды поверх всех твоих одежд или в свой талит, голова твоя увенчана тфилин, а лицо обращено к востоку, откуда свет исходит в мир. И у тебя есть пять направлений, в которые ты должен двигать голову. С огласовкой холам начинай прямо с середины востока; очисти свои мысли и поднимай голову вместе с дыханием постепенно, мало-помалу, пока не завершишь, когда голова твоя будет обращена вверх. А когда завершишь, поклонись до земли один раз; и не разделяй между дыханием буквы алеф и дыханием соединенной с ней буквы иначе как одним дыханием — кратким или долгим.

Однако между буквой Имени и буквой алеф при прямом порядке, или между алеф и буквой Имени при обратном порядке, ты можешь сделать только два дыхания без произношения, и не более того. По завершении же каждого ряда тебе дозволено сделать лишь пять дыханий, и не более, но сделать меньше пяти — в твоей власти. Если же ты изменил порядок или ошибся в каком-либо ряду, вернись к началу этого ряда, пока не произнесешь его как должно. И подобно холаму, который тянется вверх, распевай с огласовкой хирик, которая тянется вниз и притягивает высшую силу, чтобы прилепить ее к тебе. С шуруком же — ни вверх, ни вниз, но среднее протяжение, прямо перед собой. С цере веди голову слева направо, а с камацем — справа налево. И во всех них, когда завершишь, если увидишь перед собой образ, тотчас поклонись перед ним. Если же услышишь тихий или громкий голос и захочешь понять, что он говорит, ответь ему тотчас и скажи: *«Говори, Г-споди, ибо слушает раб Твой»* (Шмуэль I 3:9), а сам больше ничего не говори, [но] приклони ухо свое, чтобы слушать то, что он скажет тебе. Если же ощутишь великий страх, которого не сможешь вынести, даже посреди произнесения — тотчас поклонись; а если ничего не увидишь и не услышишь, оставь это на всю эту неделю. И хорошо также произносить [Имя] один раз в неделю, наподобие устремления и

возвращения (*рацо ва-шов*, רָצוּא וְשׁוּב), ведь об этом заключен завет. И что еще добавить мне к сказанному тебе? Ведь уже известно: если ты мудр, то по намеку поймешь весь этот порядок. Если же почувствуешь в себе, что твой интеллект слаб в мудрости или в предании, либо мысли твои поглощены суетой времени, не произноси Имя, чтобы не умножить грех.

И знай, что между страницей буквы йод (י"י) и страницей буквы хэй (ה) ты можешь сделать двадцать пять (כ"ה) дыханий, не более того, при условии, что не будешь прерываться в это время ни речью, ни мыслью. И так же между буквой хэй (ה"א) и буквой вав (ו), и между вав и хэй — только меньше двадцати пяти [дыханий] от страницы к странице ты можешь сделать. И после того как я намекнул тебе на это, я сообщу тебе еще тайну кругового удесятеренного Имени: если пожелаешь начать с него согласно упомянутым образам, у тебя есть такое право. Это десять святых полных Имен, и вот начертание его букв и их огласовок:

Буква йод (י) переставляется с огласовками, а [буквы] хэй-вав-хэй (ה"ו"ה) остаются неизменными и произносятся после произнесения пяти огласованных букв йод; число же дыханий от буквы йод до букв хэй-вав-хэй равно первому [порядку], а все Имя в целом равно одному ряду. И пойми это из того, что уже было написано выше. Вот, я предельно кратко изложил тебе тайну произношения Имени и порядок его [произнесения], в той мере, в какой это необходимо.

Часть 9: Тайна связывания и развязывания

Девятая часть: ее буквенные обозначения — вав (ו), хэй (ה), йод (י), хэй (ה); в ней четыре части и четыре раздела, а имя [ее знаков] — цади (צ), далет (ד), йод (י), куф (ק).

Раздел 1 — часть вав (ו), знак цади (צ): связывание всех сил с Именем

Многие мудрецы полагали: поскольку языки установлены по соглашению, равно как письмо и огласовки, человек ни в какое время не способен изменить какую бы то ни было часть общей природы — ни с помощью Имени, ни без него. А то, что сказано об этом в Писании или в предании, дано в виде притчи, чтобы мудрецы поняли из нее то, что следует понять, и это есть иносказание. Простаки же понимают это буквально, поскольку не способны постичь суть вещей до конца. Ведь люди делятся на три разряда: мудрецы, глупцы и средние. И тому, кто пишет нечто, чтобы сообщить людям своего поколения в целом, а также тем, кто придет после него, невозможно написать так, чтобы понимание мудреца и глупца в этом уравнилось; поэтому разумный автор вынужден писать то, что удовлетворит каждого человека, в большинстве случаев сообразно тому, каков он есть.

И потому соглашение имело силу сохраняться, а иногда менялось по воле большинства. И в этот самый довод когда-то верил я сам и приводил его другим, пока размышлял о тайне Всевышнего, то есть о четырехбуквенном Имени и о составленных из него [Именах]. Однако после того, как я получил от Всевышнего то, что получил, я увидел: к утверждению этого довода его сторонников привела слабость постижения интеллекта, а также то, что он полагается на суждения человеческого интеллекта: [полагая, что] раз он способен постичь некоторые умопостигаемые вещи, то справедливо, чтобы он постигал и то, недопустимость чего диктует воображение. Если же кто-то подумает, что это постигается интеллектом, мы разубедим его и дадим ему знать: у человеческого интеллекта есть предел, у которого он останавливается и через который не переступит. Если же он замыслит перейти его, то придет в замешательство, и постижение его неизбежно станет воображаемым. И потому не следует отвергать принятое из Торы, пока не появится умозрительное доказательство, которое с необходимостью опровергнет его. Ведь всякий постигающий знает, что невозможно привести умозрительное доказательство для опровержения другого умозрительного доказательства, так как умозрительные доказательства истинны и утверждения их истинны. Они рождаются из

правильных фигур силлогизма как минимум из двух верных посылок и истинного заключения — как если ты скажешь, к примеру: «всякий человек — живое [существо], а всякое живое [существо] способно чувствовать; следовательно, всякий человек способен чувствовать».

И это — умозрительное доказательство, которое не станет отвергать ни один постигающий. Точно так же, если кто-то скажет тебе: «всякий язык установлен по соглашению, а все установленное по соглашению не меняет природу; следовательно, никакой язык не меняет природу». Это другое рассуждение, где с помощью доказательства выясняется, что всякий язык установлен по соглашению; то же, что установленное по соглашению не меняет природу, — это первое умопостигаемое, не требующее доказательства. Все это чистая правда. Однако истина, подтвердившаяся у нас, о которой мы сказали, что этим путем не преуспел никто из людей, кроме пророка, — да и то не всякого пророка, а лишь того известного, о ком упомянута эта чудесная сила, — состоит в следующем: при слиянии (двекут) воспринимающего интеллекта пророка с Активным интеллектом, действующим в нем, у пророков рождается новое знание, которое прежде присутствовало в нем лишь в потенции, но не в действии. И в момент слияния то, что было в потенции, переходит в действие. Подобно тому как [Активный интеллект] произвел в нем знание и обновил в нем [некую] часть, и это с одной стороны уподобилось изменению природы (ведь природа действует в большинстве случаев, или во всех, или в том, что близко ко всем или к большинству), — так благодаря его интеллекту в нем добавился действующий в действительности интеллект, подобный части, объемлющей всё. И поскольку человеческий интеллект постигает все умопостигаемые вещи, находящиеся под ним, и охватывает их все, благодаря чему становится возможным принять излияние от силы этого излияния, — он и сам обретает способность придать частную форму частной материи, подобно действию природы, подверженной возникновению и уничтожению, на некоторое время [наделяя материю] частной формой.

А поскольку общая природа постоянна, проявления ее частных действий длятся гораздо дольше, чем длится действие интеллекта пророка, ведь оно не пребывает с ним непрерывно. И потому подобает возводить это действие, изменяющееся под влиянием интеллекта пророка, к Тому, Кто стал Первопричиной этого изменения, — к Самому Б-гу. И поскольку пророк постигает Б-га не иначе как через знание Имени, подобно тому как совершенный философ постигает Б-га лишь из Его деяний, — мы и все, кто предшествовал нам, по всеобщему согласию возводим это индивидуальное действие, отклоняющееся от путей видовой природы, к Имени Всевышнего. И мы говорим, что силой Имени пророк совершил то, что совершил, ведь Он един и Имя Его едино. Это не постигается ни чувствами, ни воображением, ни первым умопостигаемым, но постигается интеллектом после многочисленных умозрительных доказательств. У нас есть множество ясных, полученных по преданию и постигнутых интеллектом доводов, которыми мы

могли бы обосновать сказанное здесь лишь в виде повествования. Однако это сочинение написано не ради этого; наша цель в нем — изложить учение, принятое по традиции, и передать его как каббалу. И хотя мы уже постигли интеллектом, что все обстоит именно так, и иначе быть не может, раз это и принято по традиции, и постигнуто интеллектом, — мы запишем из этого лишь принятое по преданию. И если удостоятся мудрые и разумные, они поймут, *«нечестивые же не поймут»* (Даниэль 12:10); а желающий проверить пусть исследует и найдет.

После этого знай, что общие силы во всем сущем — это десять сфирот блима, а тайна их — пятнадцать (ה"י) Имен при пятнадцатикратном вращении, и это те упомянутые [Имена], о которых мы говорили. Известно, что половина буквы йод (י = 10) — это буква хэй (ה = 5); соединив же то, что предшествовало (букву йод), с буквой хэй, ты найдешь ЙА (ה"י), а в буквенном наполнении — йод, хэй (א"ה י"ד). И полученное соединение есть слово «Он» (הוא) и буквы йод и далет, и тайной будет: «Возлюбленный — это Он» (ד"ו א"ה). И вот, Желанный, вселяющий любовь в сердце любящего, свидетельствует: Возлюбленный — это Он, и так же Любящий — это Он. И поскольку между двумя любящими есть две части любви, становящейся единой, когда она переходит в действие, Имя [АВАЯ] составлено из двух частей: это сопряжение Б-жественной интеллектуальной любви (א"ה ב"ה = 13) с человеческой интеллектуальной любовью (также равной 13), и она одна, подобно тому как Имя Его объединяет «один» и «один» (13 + 13 = 26), благодаря соединению человеческого бытия с Б-жественным бытием в час постижения, уравнивающегося с интеллектом в существовании, вплоть до того, что она и он становятся одним целым. В этом и состоит сила человека — что он может связать нижнюю часть, и она соединится с высшей, а высшая спустится и поцелует то, что восходит ей навстречу, подобно жениху, который на деле целует свою невесту от великой истинной любви, предназначенной для наслаждения обоих, силой Имени.

Раздел 2 — часть хэй (ה), знак далет (ד): число Имен, которыми связывают и развязывают

Связывание само по себе есть развязывание (הת"ר), и тайна их — шесть (שש"ה); а если так, то Имен связывания — шесть, и Имен развязывания — шесть. И потому буквой связи во всяком месте служит буква вав (ו = 6), а имя ее пишется вав-вав (ו"ו), что означает «шесть и шесть». Стихии же, в которых совершается всякое связывание и всякое развязывание, — это три [первые стихии]: огонь, вода и воздух (ש"א, מ"ם, ר"ה), и тайна их — тоже шесть. Имена, абстрагированные от материи и формы, — их шесть: это запечатлеваемые и запечатлевающие, и буквы, которые охватывают шесть сторон и шесть

диагоналей; и это — шесть сочетаний букв йод, хэй, вав (י"הו). Из них исключены шесть букв хэй, составляющие тридцать (ל = 30), — вот три [десятка]. Точно так же остальные тридцать шесть (ו"ל = 36) дают три [десятка и шесть], а все вместе дают шесть, ведь всякие шестьдесят суть шесть. Общее правило таково: эти шестьдесят суть связывания и они же развязывания; и к земле (אדמ"ה) прибавились три упомянутые стихии, И потому стихий стало шесть: три и три, подобно созвездиям Зодиака, в которых связывание и развязывание происходят посредством Дракона и его тайн, пока сила его у знающего Имя не окажется связанной в его руке благодаря прибавлению буквы хэй (ה = 5) к материи. И при ее двенадцатикратной перестановке, образующей двенадцатибуквенное Имя, тайна ее четверична.

И вот оно: *Ани ва-Хо, Ани ва-Ху, Ани ва-Хо, Ани ва-Ху* (אני והו אני והוא אני והו והוא), а буквы алеф прибавлены ради тайны Имени ШАДАЙ. И точно так же: *«Молим, Г-споди! Молим, Г-споди! Молим, Г-споди! Молим, Г-споди! Спаси же! Споспешествуй же! Спаси нас! Споспешествуй нам!»* — и все это служит свидетельством о времени свободы, которое есть время избавления (הגא"ל) и священное время, чтобы освятить в нем Имя. Тайна связывания уже была намечена там в словах, следующих за: *«Благословен грядущий во Имя Г-спodne...»* (Теилим 118:26), и далее: *«Б-г — Г-сподь, и Он осветил нам; вяжите праздничную жертву вервями до самых рогов жертвенника»* (Теилим 118:27); это запрещено разъяснять открыто, чтобы враги наши не стали воевать против нас нашим же оружием, которое есть тайна Имени. Как сказано: *«Одни — на колесницах, другие — на конях, мы же Имя Г-спода, Б-га нашего, упомянем. Они споткнулись и пали, а мы встали и стоим прямо»* (Теилим 20:8–9). И так же: *«...ведь не мечом [и копьем спасает] Г-сподь...»* (Шмуэль I 17:47); и понятны слова Давида: *«Славословия Б-гу — в гортани их, и меч обоюдоострый — в руке их: совершить отмщение народам, возмездие — племенам, связать царей их оковами и знатных их — железными цепями, произвести над ними суд писанный; это честь для всех благочестивых Его»* (Теилим 149:6–9). И в этом тайна высшего и нижнего связывания, соединяющего Имя с Именем.

Раздел 3 — часть йод (י), знак йод (י): свойства связывания и развязывания

Знай, что знающий Имя должен знать свое собственное имя, которым он был наречен в день своего обрезания, и связать его с Шем а-Мефораш (Явным Именем), которое также есть имя собственное. И есть в нем частные [проявления], и есть общие основы; и есть [связывание] в начале, есть в середине, а есть в конце. В начале — как в стихе: *«И назвал Моше Ошеа, сына Нуна, Йеошуа»* (Бемидбар 13:16), ведь он связал венец Имени с его

началом. В середине — как в случае с Авраом (אַבְרָם), которому Всевышний прибавил букву хэй (ה), завершающую венец; и в Имени [буква хэй] была серединой и концом, а у Авраама (אַבְרָהָם) стала серединой, близкой к концу. В конце — как у Элии (אֱלִיָּהּ), чье полное имя — Элияу (אֱלִיָּהוּ), где конец его есть связь буквы вав (ו) из Имени с ним; и так же у многих пророков. И сообразно этому образу необходимо соединять и заменять имя именем, обновляя смысл: связывать развязанное и развязывать связанное известными Именами при их перестановках с двенадцатью созвездиями, семью планетами и тремя стихиями, пока связывающий и развязывающий не совлечет с себя материю связываемого и развязываемого, не облечется в форму и не произведет в ней [новое] связывание и развязывание.

Раздел 4 — часть хэй (ה), знак куф (ך): польза связывания и развязывания

В этом заключается высшая польза согласно умопостижаемому и чувственно воспринимаемому — как в примере с человеком, находившимся в темнице, скажем, с праведником Йосефом, мир ему, который вышел из заключения, чтобы царствовать, возвысился и стал властвовать, так что сказал о себе: «Поставил меня Б-г господином надо всем Египтом» (Берешит 45:9); ведь он стал господином своего господина и был способен связать пленивших его, тех, кто предал его, а себя — освободить. И нет сомнения, что узник достиг тем самым цели, к которой страстно стремился, [обретя] то, о чем просил Всевышнего. Ведь цель всех целей — это конечная польза, а конечная польза есть достижение высшей искомой цели во всякой вещи сообразно ее природе.

Часть 10: Форма пророчества

Десятая часть: буквенные знаки ее [частей] составляют слово *ве-йихъе* (וֵיחַיָּהוּ): вав (ו), йод (י), хэй (ה), йод (י), хэй (ה); частей в ней пять, и разделов в ней пять, а имя — *ливраха* (לִּבְרָחָה): ламэд (ל), бэт (ב), рэйш (ר), каф (כ), хэй (ה).

Раздел 1 — часть вав (ו), знак ламэд (ל): постижение интеллекта

Слово «интеллект» служит именем для того, что управляет всем, то есть для Первопричины всего. Кроме того, это имя отделенного от всякой материи [начала], получающего излияние от Первопричины, посредством которого Первоначало управляет движущимися небесами. Небеса же обладают материей, которая не постигает, умопостигаемой, но не постигающей формой, а также душой — постигающей и умопостигаемой. И душа, принимающая это излияние от отделенного [начала], зовется интеллектом, соединенным с первоматерией, обладающей формой. С его помощью душа небес постигает саму себя и все, что находится ниже нее, постигает свой собственный интеллект, дающий ей форму постижения, а от того, что выше нее, постигает существование и то, что оно — причина ее существования и сохранения. И она наслаждается своим постижением чудесным наслаждением, не похожим ни на одно из наслаждений этого темного мира. В создаваемом ею образе она постигает, что ее причина отделена от материи, тогда как сама она обладает материей; и для нее невозможно сохранение постижения без стремления уподобиться отделенному [началу], пребывающему везде. Тело же, силой которого она является, имеет две точки с одной стороны и одну с другой стороны, на равном расстоянии от предела удаленности между ними; и она стремится сохранить себя и свое бытие, а ее постижение совершается во вращении ее тела вокруг [своей оси], поскольку ее постижение требует поддерживать в ней все ее существование и все ее состояния в непрестанном круговороте, а в покое она бы исчезла. И при этом ни она сама, ни ее тело не утомляются от быстроты своего движения, ведь сама по себе она вовсе не имеет движения, но движется по сущности само тело, и при всем том оно не меняет своего места. Об этом можно сказать многое, но здесь не место для таких речей, так как они относятся к иному разделу.

Слово же «интеллект» служит также именем ближайшей действующей Первопричины для всего, что находится под небесами, — то есть для всей земли, состоящей из первоэлементов, для самих первоэлементов и для всего, что сложено из них. И эту причину мы называем Шхиной, а также святым духом, или духом живого Б-га, и

подобными именами; иногда она зовется ангелом, иногда — ЭЛОКИМ, а также АВАЯ, или АДОНАЙ, или ШАДАЙ, а также ЦВАОТ, и точно так же — ангел ЭЛОКИМ и ангел АВАЯ. И уже доказано строгим доказательством, что именно она — Активный интеллект, порождающий интеллект в душе человека.

Таким образом, перед нами три ступени, и все три — единая сущность: Всевышний, благословен Он, Его отделенное излияние и излияние Его излияния, соединенное с душой; душа же соединена с ним крепким слиянием, так что они двое становятся также единой сущностью, У высшего человека есть четыре [начала]: душа, воспринятый интеллект, отделенный интеллект и Первопричина всего. И точно так же у нижнего человека есть четыре [начала]: душа, воспринятый интеллект, отделенный интеллект и Первопричина всего. Первопричина охватывает все и едина для всего; отделенных же и воспринятых интеллектов много, и душ много. Лишь Активный интеллект един по своей сущности, но действия его многочисленны со стороны принимающих, так как их много.

И поскольку человек обладает материей, меняющей свои частные формы, его душе необходимо отделиться от тела, чтобы слиться со своим интеллектом, излитым на нее, с помощью которого она постигала саму себя и все сущности, находящиеся ниже нее, а также постигала существование того, что выше нее, но не их сущность. Ведь когда всякий постигающий постигает умопостигаемый предмет, само постижение в действительном действии объединяет их обоих, так что они становятся единым целым.

И человеческий интеллект, воспринятый от отделенного Активного интеллекта, соединяет душу с ее Б-гом, и это единение служит причиной вечной жизни души в жизни ее Б-га, как сказано об этом: «А вы, прилепившиеся к Г-споду, Б-гу вашему, живы все вы сегодня» (Дварим 4:4), и сказано: «Г-спода, Б-га твоего, бойся, Ему служи, и к Нему прилепись, и Его Именем клянись» (Дварим 10:20). И это — постижение интеллекта.

Раздел 2 — часть йод (י), знак каф (כ): форма постижения интеллекта

Форма интеллекта — это умопостигаемая форма, тончайшая из тонких, чистейшая из чистых, сокровеннейшая из сокровенных. Из-за великого обилия ее света и сияющего блеска, освещающего весь мир, образ ее красоты сокрыт подобно тому, как скрыта красота солнечного света от глаз летучей мыши или того, у кого болят глаза. И хотя именно солнечный свет дает способность видеть, чем сильнее разгорается свет, тем больше слепнут его глаза из-за собственной слабости; и препятствие исходит не от света, а от слабости их материи и формы.

Так же и разумная человеческая душа: когда она желает взглянуть в Того, Кто дает ей свет интеллекта, силы ее слабеют перед тем, чтобы постичь Его, — не потому, что Он

скрывает Свой свет от нее, но потому, что она обладает материей. И если так происходит с разумной душой, тем более — со всеми остальными.

И подобно тому, что происходит с летучей мышью перед солнечным светом и с душой перед светом интеллекта, происходит в переносном смысле и со всяким отделенным интеллектом, когда тот созерцает высший интеллект — Первопричину всего, Б-га всего сущего, сотворившего все, да будет благословенно и превознесено Его Имя во веки веков, И это потому, что Он чист и сияющ в предельной ясности, и невозможно взглянуть в Него из-за величия Его бесконечной красоты. Поэтому никто, кроме Него Самого, не постигает Его сущности, и никто не знает, каков Он, кроме Него Самого. И то, что для нашего интеллекта не имеет предела, пред Ним имеет предел, Ему ведомый, и Он объемлет это со всех сторон. А поскольку все объемлющее подобно форме для объемлемого, Он же объемлет все и ничем не объят (ведь мы уже сказали, что Он не имеет предела), Он называется формой всего сущего.

И поскольку все сущее — Его творения, Сам же Он не сотворен и не получил существования от кого-то другого, ведь Он один — причина всего и Сущий с необходимостью по Своей собственной сущности, всякое же иное сущее необходимо по причине своей причины, возможно само по себе и невозможно при отсутствии своей причины, породившей его существование, — Он называется Порождающим существование, или Деятелем, или Творцом, и другими подобными именами, указывающими на дарование бытия. И когда разъяснилось, что все — Его творение, о Нем говорят, что всё пред Ним — как глина в руке горшечника.

И это та форма, которая зовется формой интеллекта; и человеческий интеллект способен представить ее вместе с остальными умопостигаемыми формами, постигаемыми от Него, — то есть через Его проявления, деяния и излияния на известных проторенных путях. И тот, кто вникнет в книгу «Морэ Невухим», если душа его пребывала в замешательстве, устранил свое замешательство, так как эта книга — врач для больных душ и страж здоровья для здоровых, ибо это речение — по слову Г-сподню через Моше. И он — опытный врач и врач бескорыстный; смысл же этого таков: Моше раскрыл Тору Моше по слову Имени, которое и есть форма интеллекта.

Раздел 3 — часть хэй (ה), знак далет (ד): описание Его речи со всяким, с кем Он говорил

Речь в целом существует в трех видах и на трех носителях. И подобно тому как носители речи далеки друг от друга, точно так же и несомая ими речь с точки зрения своей истинной сущности далека одна от другой во всех своих свойствах.

Три носителя речи — это сердце, уста и книга, а три ее вида — буквы написанные, буквы произнесенные и буквы помысленные. То, что объединяет речь для всех трех, — это общее название «буквы», а то, что различает их, — это три имени: письмо, относящееся к книге, несущей его; язык, относящийся к устам, несущим его; и разумение, относящееся к сердцу, несущему его. И знак для всех трех — три сочетания начальных букв слов: ламэд, йод (ל"י); каф, ламэд (כ"ל); бэт, каф, рэйш (בכ"ר); а в обратном порядке — бэт, каф, ламэд (בכ"ל); и знак этому стих: «Г-сподь благословил Авраама всем» (Берешит 24:1) [словом ба-коль (בְּכֹל)]. Знак же для носителей — буквы пэй, ламэд, самэх (פּל"ס) из стиха: «Взвесь стезю ноги твоей...» (Мишлей 4:26) [где стоит слово палес (פָּלֵס)]. И еще знак для несомого: «Уповай на Г-спода всем сердцем твоим и на разум твой не полагайся» (Мишлей 3:5) [в словах бе-холь либха (בְּכֹל לִבְּךָ)].

И вот, уже известно великое различие между ними, и тем не менее допустимо называть все три «речью» — в силу общего для них имени, охватывающего их. Точно так же Б-жественная речь, приходящая ко всякому, с кем Он говорил, говорит или будет говорить в будущем, представляет собой четвертый вид по отношению к упомянутым, и она разделяет с ними имя «речь», поскольку речь указывает на управление (ведь арамейский перевод слова «вел» [вайинаг, וַיִּנְהַג] — у-двар [וַיְדַבֵּר]).

Но по сущности она предельно отличается от них. И помимо значения управления и того, на что указывает общее имя, — а именно того, что эта речь существует для осуществления желания, выбора, намерения и воли, и в этом отношении правомерно объединить их под общим названием или чем-то подобным, — ведь таково значение этих носителей согласно естественному замыслу, соединенному с конвенциональным соглашением в этом вопросе.

И вот, предельное различие между Б-жественной речью и человеческой, и даже между нею и тем, что ближе всего к ней — разумением и знанием в сердце, состоит в том, что это [человеческое] — принимающее, а То [Б-жественное] — дающее. Кроме того, человеческое восприятие зависит от размышления буквами, тогда как Он изливает Свой дар без букв — то есть не мысля буквы того, что Он дает, ибо Его мысль пребывает в нематериальных сфирот, подобно тому как Сам Он бестелесен.

Однако сердца перед Ним подобны пергаменту у нас, служащему материей, несущей на себе формы букв, начертанных чернилами, являющимися их ближайшей материей. И точно так же перед Всевышним сердца — словно скрижали, а души — словно чернила.

Речь же, приходящая к ним от Него, — это постижение в формах букв, начертанных на Скрижалях Завета, о которых сказано: «С обеих сторон они были написаны, с той и с другой стороны они были написаны» (Шмот 32:15). И со всех сторон они читаются и

спереди, и сзади, подобно постижению, созерцающему вперед и назад; намек же на это содержится в стихе: «Сзади и спереди Ты объял меня...» (Теилим 139:5).

И хотя у Всевышнего это не принадлежит ни к одному из упомянутых видов, для принимающего сердца это — речь. Свидетельством тому служит истинное доказательство — умопостигаемое, чувственное и традиционное: мысленная речь посылает устам речь, которая вовсе не однородна с ней по виду, и их объединяет лишь имя «речь», как мы сказали, при предельном различии в самой их сущности. И точно так же второе свидетельство: мысленная речь посылает речь всякому письму посредством материальных веществ и орудий, наделяя формами букв материю — чернила, действием руки, тростинки для письма и прочих промежуточных средств. И при всем том мы знаем, сколь велико различие между ними. Точно так же, наделяя формой всякую материю, Он в некотором отношении образно подобен писцу. А потому речь, исходящая от Него к душе, материей которой служит сердце, если и называется «речью» по омонимии, поистине представляет собой не что иное, как интеллектуальное постижение.

Раздел 4 — часть йод (י), знак бэт (ב): различие между постигающими и пророчествующими

Мне нет нужды долго распространяться в разъяснении этого предмета в силу предварительных разъяснений, которые мы дали ранее о видах постижения. Ведь коль скоро ты знаешь, что всякое человеческое постижение вообще — будь оно близким к интеллекту, как умопостигаемое, далеким от него, как чувственно воспринимаемое, или средним между ними, как воображаемое, — исходит от Всевышнего, у меня нет сомнений, что твой разум легко поймет, в чем состоит различие между каждым постигающим. И все же я обращаю твое внимание на этот вопрос.

Известно, что всякий, кто стремился к чему-либо, дабы постичь его, и постиг, называется постигающим. И всякое постижение делится на три части: чувственное, воображаемое и умопостигаемое. Орудиями чувственного постижения служат пять известных чувств: глаз, ухо, нос, нёбо и рука со всем телом; а силы, которые они несут, — это зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Постижение же, обретаемое пятью упомянутыми орудиями вместе с пятью упомянутыми силами, делится в целом на пять общих постижений: постижение видимого — например, яблока; слышимого — звука, когда оно с силой раскалывается; обоняемого — его запаха; вкушаемого — его вкуса; и осязаемого — ощущения от прикосновения к нему.

И вот, все эти пять постижений относятся к одному предмету — яблоку; но эти же постижения могут относиться и ко множеству различных вещей, сменяющих одна другую.

Постижение же, совершаемое воображением, собирающим эти пять сил в мозгу, бывает сильным тогда, когда они бездействуют, если оно устремляется к постижению по мере своих сил; и оно бывает весьма слабым порой — когда тело спит без сновидений, а также когда тело бодрствует, устремляясь к какому-либо из своих [чувственных] восприятий.

И поскольку человек не может воображать ничего, кроме известных образов, сообразных человеческой природе, то, когда воображение пытается достичь постижения, не принадлежащего к его роду, оно слабеет даже в достижении естественных постижений, находящихся в его власти. Оно подобно человеку, который гонится за конем, которого не в силах догнать, и делает широкие прыжки, чтобы поскорее настичь его, но падает, ломает себе ноги и не может сдвинуться с места, ибо потерял прежние силы, а того, за кем гнался, так и не настиг.

Постижение, совершаемое человеческим интеллектом, также ограничено определенными способностями: в нем нет силы и естественной готовности постигать сверх них; они также имеют свой предел согласно природе умопостигаемого — явного и сокрытого.

При этом воображаемый образ для воображающей способности есть действие самого воображения, но от него же испытывает воздействие и сила воображения, которая воображает. Точно так же чувственно воспринимаемое для чувства есть действие самого чувства, но от него же испытывает воздействие и чувствующая сила, которая воспринимает. И точно так же умопостигаемое для интеллекта есть действие самого интеллекта, но от него же испытывает воздействие и сила интеллекта, которая постигает.

После этого знай: по путям чувства ты познаешь пути воображения, а по путям их обоих — пути интеллекта. Поскольку чувство внешне, его действие легко постичь, так как само его проявление внешнее. А поскольку воображение внутренне и действие его также внутренне, его легко уловить в силу его быстрого устремления и движения; с другой же стороны, оно не способно само по себе постичь ни чувственно воспринимаемое, ни умопостигаемое — а ведь только они и то, что принадлежит к их роду, составляют основу всякого истинного бытия.

Воображение же само по себе никогда не постигает подлинного бытия: оно словно *«осел костистый, лежащий меж загонов»* (Берешит 49:14) — то склоняется к чувственному, сохраняя его бытие из того, что уловили чувства; то устремляется к умопостигаемому, сохраняя бытие того, что постиг интеллект; а то и вовсе измышляет все из своего сердца, и у его порождения нет никакого реального бытия, хотя оно и мнит, будто постигнутое им — единственная истина и нет истины, кроме нее.

И это третье, ложное воображаемое постижение вводит в заблуждение и искажает всякое истинное постижение. Когда же упомянутое ложное воображаемое постижение

упразднится и память о нем сотрется из сердец чувствующих и постигающих разумом, тогда *«уничтожена будет смерть навеки, и сотрет Г-сподь Б-г слезу со всех лиц, и поношение народа Своего снимет, ибо уста Г-спода изрекли»* (Йешаяу 25:8). То есть тайна интеллекта откроется после своего сокрытия. Отсюда и далее рассуди и узри своим разумом, что достоинство постигающих и их превосходство друг над другом весьма велико — сообразно силе каждого человека и сообразно силе его устремления к интеллекту на его путях. Ведь после того как устранено препятствие, каждый обретает дополнительную душу, и она живет; и жизнь великого и малого равны в вечности, но различаются по достоинству.

Ибо достоинство стремящихся к пророчеству выше достоинства стремящихся к мудрости; достоинство пророков, которые говорят и слагают книги, выше достоинства пророков, сосредоточенных на собственном пророчестве; посланные [к народу] выше них; а те, кто изменяет законы природы, дабы подтвердить, что Всевышний послал их, превосходят всех.

Раздел 5 — часть хэй (ה), знак хэй (ה): представление о необходимости излияния, побуждающего говорить и слагать книги

Слово «излияние» (זֶרֶק) — это имя, принятое в языке по соглашению; его применяют к выражению высокого понятия и даже к изобилию какого-либо из первоэлементов, как сказано: *«Ведь они будут питаться изобилием морей...»* (Дварим 33:19) [словом זֶרֶק]. Его смысл подобен положению того, кто обладает избытком совершенства в самом себе либо во всех своих качествах, либо в некоторых из них. Это слово сходно также со словом «стези»: ведь щедрый человек, имея имущество сверх своих потребностей, неизбежно побуждает многих принять его излияние в свои руки.

И в излиянии обнаруживаются исходные пределы: один — в высшей начальной точке, а другой — в крайней противоположной низшей точке; между ними же находятся промежуточные ступени, которые удаляются от одной стороны и приближаются к противоположной, и точно так же приближаются к одной и удаляются от противоположной.

Притча об этом — царь и самый последний бедняк во всем его царстве: царь пребывает в предельном богатстве, а раб, будучи самым последним бедняком, пребывает в предельной нищете. От царя богатство изливается к вельможе, от того — к другому, и так далее от человека к человеку, пока изливаемое благо не дойдет до господина этого раба; а от его господина дойдет до раба, чтобы прокормить его. От раба же никакое излияние уже

не перейдет к кому-либо другому, ибо у него нет ничего, кроме самого необходимого для жизни.

И согласно этому положению, представленному в притче о богатстве, происходит со всяким сущим от Всевышнего до человека. Интеллектуальное излияние завершается в излиянии человеку — то есть в воспринятом им интеллекте, приходящем от отделенного [интеллекта], который есть последний из отделенных. Телесное же излияние началось со всеобъемлющей небесной сферы и завершилось среди небесных тел сферой Луны, а среди земных — человеком. Поэтому мир делится на три части: на умопостигаемое, целиком отделенное [от материи]; на умопостигаемое, вовсе не отделенное [от материи]; и на умопостигаемое промежуточное между ними, отчасти отделенное и отчасти неотделенное.

И поскольку природа всякого, у кого есть излияние, требует изливать его на того, кто по природе способен его принять (если нет препятствия между изливающим и принимающим), подобно огню на пакле, который при соприкосновении с ней неизбежно заставляет ее воспринять его силу, пока она сама не станет огнем, подобным ему, — так природа Б-жественного интеллекта предопределила, чтобы Он изливал интеллект на душу пророка, являющуюся разумной силой, при ее слиянии с Ним; разумная же сила изливает на воображающую силу, а воображающая — на внешнюю словесную силу, и на все ее органы. И это излияние в своем изобилии неизбежно побуждает своих получателей (если тому не мешают препятствия) принять его; и подобно тому как оно побуждает их принять, точно так же оно побуждает их отдавать, если у них нет препятствий, пока вся его воля не достигнет своего завершения — подобно воле упомянутого царя в его излияниях, пожелавшего излить свое богатство на все промежуточные ступени, пока та малая доля не дойдет до раба, который также живет излиянием царского богатства. Однако наслаждения убывают и уменьшаются по мере нисхождения ступеней, и возрастают по мере их восхождения.

И поскольку человек сложен из множества сил, излияние непременно должно отразиться в его интеллекте, и это отражение зовется умозрительным интеллектуальным постижением. Затем излияние переходит далее к воображению, и воображение непременно должно воспринять то, что ему свойственно воспринимать по природе, и оно видит то, что видит, в образе телесности — воображаемой, духовной и сопряженной; и эта сила называется мужем, или ангелом, или тому подобным. А поскольку простому народу кажется, будто постигаемое чувствами надежнее того, что постигается воображением, сопряженным с интеллектом, Писание сочло нужным свидетельствовать, что все пророчества воспринимаются чувствами.

И хотя умопостигаемый предмет поистине выше всякого постигаемого, невозможно удостоверить что-либо без сопряжения — сообразно природе каждого человека. Ведь три

постижения в своем соотношении подобны материи и форме: чувство служит материей для воображения, а воображение служит материей для интеллекта. И порой изливаемое переходит даже в чувственное восприятие. По мере же умножения излияния интеллект побуждает мыслящего человека, автора, говорить и слагать книги — сообразно времени, сообразно месту, сообразно поколению и сообразно самому пророку, наслаждающемуся постижением формы пророчества.

Вот, я уже завершил составлять для тебя то, о чем упомянутое высокое излияние побудило меня говорить и кратко записать — по мере моих сил, по скудости моего разума и при множестве препятствий, мешавших мне в постижении интеллекта. И я включил все темы в десять больших частей; число же малых частей составило 38, и число их разделов составило 38, и буквенный знак их — буквы ламэд, хэт (ל"ה = 38). А знак совокупности всех трех [38 + 38 + 38 = 114] — буквы мэм, далет, айн (מ"ד"ע = 114); а вместе с десятью большими частями [114 + 10 = 124] получается знак «свидетели» (эдим, עדים = 124); и книга моя свидетельствует о моем познании (מאדאי, מדעי = 124), которое составляет половину моего имени [Авраам = 248, а половина его — 124]. И вот знак трех путей вместе:

ש"ת, צק"ר, מנסע"פ, כ"ל, וזחט"י, אבגד"ה:

ויהי"ה, והי"ה, הו"ה, תשר"ק:

אבג"ד, א"ב, אב"ג, אבגד"ה, א"ב, אבגד"ה, אבגד"ה:

אבגד"ה, אבג"ד, אב"ג:

Авраам Сфаради, сын Шмуэля Абулафии, благословенна память праведника.

Благословен *«Давущий утомленному силу и умножающий крепость изнемогшему»* (Йешаяу 40:29)!
